

Татьяна Постникова

Дилетантские детективы с животными

16+

Татьяна Мефодьевна Постникова

Дилетантские детективы с животными

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67554249

SelfPub; 2022

Аннотация

Герои книги не профессиональные сыщики. Это самые обычные люди: старушки-сплетницы, тихий алкоголик, врач, ученый и так далее. Они не искали встречи с криминалом. Криминал сам нашёл их. Особенность книги в том, что рядом с людьми действуют и животные. Они, как и люди, становятся свидетелями преступлений и их жертвами, помогают найти преступника или сами совершают преступление.

Содержание

Детектив с кошкой	4
Детектив с собакой	46
Детектив с енотом	79
Детектив с тигром	130
Детектив с лошастью	157
Детектив с попугаем	218

Татьяна Постникова

Дилетантские детективы с животными

Детектив с кошкой

Этот рассказ я буду вести от первого лица, так, что представлюсь сразу – Кузнецова Елена Николаевна, старший научный сотрудник, кандидат биологических наук.

Всё это произошло, когда наша лаборатория, как это принято говорить, стояла на пороге одного из величайших открытий современности. Так как над этой проблемой работали лучшие умы во многих странах мира, и мы лишь по счастливой случайности оказались немного впереди остальных, все работы лаборатории были тщательно засекречены. В наш лабораторный отсек можно было входить только по специальному допуску, который, помимо сотрудников лаборатории, был только у директора Института – Александра Анатольевича Попова и у главного секретчика – Владимира Евгеньевича Коршунова.

Штат лаборатории состоял из девяти человек: руководителя лаборатории, профессора Павла Петровича Волкова, двух старших научных сотрудников – доктора биологиче-

ских наук Игоря Алексеевича Младова и меня, научного сотрудника Геннадия Андреевича Иванчикова, трёх МНСов¹ – Анны Жариковой, Марии Коротковой и Ивана Горелого, да двух лаборантов – почтеннейшей Зинаиды Владимировны, и Аллочки.

Когда мы вышли на последний этап работы, и нас, из сообщений секретности, заставили держать лабораторных животных в нашем же лабораторном отсеке, я уговорила Павла Петровича зачислить в штат лаборатории сотрудника вивария Мишеньку.

Честно говоря, я имела тут свой небольшой шкурный интерес. Мишенька и его родители жили со мной на одной лестничной площадке. Мне были симпатичны эти люди. Мишенька страдал синдромом Дауна. Сколько сил и терпения затратили его родители, чтобы социализировать сына. Как они гордились тем, что Мишеньку приняли на работу в такой серьёзный институт, а если парнишка будет отмечен, как один из участников нашей разработки, хотя бы грамотой, то родители будут просто на седьмом небе от счастья.

Мишенька мне нравился. Несмотря на свой недуг, он был очень приветливым, аккуратным и исполнительным. И главное, очень любил животных, и замечательно за ними ухаживал.

Я прошу прощения за столь длинную преамбулу, но, боюсь, иначе не смогла бы вас ввести в курс дела. Просто де-

¹ МНС – младший научный сотрудник

ло в том, что меня зовут Елена Николаевна, а не Антон Павлович, и краткость изложения мне не свойственна. Скорее напротив, я страдаю излишней дотошностью, доходящей порой до откровенного занудства.

Итак, мы вышли в своей работе на «финишную прямую». Мы провели множество экспериментов *in vitro*² и *in vivo*³, и начальство уже поторапливало Волкова, однако профессор, решил поставить ещё несколько узко направленных контрольных опытов, чтобы иметь возможность смоделировать отдалённые результаты действия препарата на организм.

И вдруг, произошло нечто совершенно необъяснимое. Все экспериментальные животные в группе «А» в одно недоброе утро внезапно были обнаружены погибшими. Едва Павлу Петровичу доложили об этом, как у бедняги случился инсульт.

Из соображений секретности (будь она неладна!), профессора, после оказания первой необходимой медицинской помощи было решено не помещать в стационар, а лечить дома под наблюдением нашего институтского врача и секретчика Коршунова.

Уход за профессором возлагался на плечи женской части работников лаборатории, потому, как всем известно, что если мужчина не профессиональный медик, то в уходе за больным от него никакой пользы, кроме вреда. Ночные дежур-

² Букв.: «в пробирке»

³ Букв. : «в живом», т.е на лабораторных животных

ства взяла на себя, за определённую плату, разумеется, супруга Коршунова, по прозвищу Кагебесса. Единственная из нас, к слову сказать, профессиональная медсестра.

Первой на дежурство заступила Мария Короткова, потом её должна была сменить Аллочка, а я сразу занялась выяснением причин массовой гибели лабораторных животных.

Впрочем, долгой экспертизы не понадобилось. Бедные лабораторные мыши были отравлены мышьяком, причём отравла была добавлена в поилки и кормушки в таких количествах, что могла уморить не только мышей, но и существ куда более крупных, включая человека.

Поэтому уже на следующий день, оформив должным образом результаты экспертизы, я в обед отправилась в фермерский магазин, где Павел Петрович, большой любитель молочных продуктов, всегда закупался, справедливо полагая, что коровье молоко – это только то, что надоили у живой коровы, а вовсе не продукт хитроумного лабораторного синтеза.

Приобретя нужные продукты, я на полчаса заглянула в лабораторию, чтобы дать задание Аллочке, пришедшей на работу к обеду после вчерашнего вечернего дежурства, и отправилась к Волкову на смену дежурившей там с самого утра Анне Жариковой.

Едва я вошла в прихожую, как ко мне с требовательным мяуканьем выскочили профессорские любимцы: кот Жмур и кошка Абсцисса. Не знаю, что сподвигло покойную же-

ну профессора мою институтскую подругу Сонечку, назвать своих животных такими странными именами, но их звали именно так. С Абсциссой и Жмуром мы были знакомы уже более десяти лет, и теперь зверушки мне явно жаловались на болезнь хозяина, на присутствие в доме посторонних и на отсутствие в кормушках молока.

– Как Павел Петрович? – Спросила я, раздеваясь в прихожей.

– Пока без изменений, – ответила Анна, – доктор приезжал два раза, капельницу ставил, уколы делал, директор заглядывал, а Коршунов и сейчас здесь.

Из комнаты вышел наш главный секретчик и вместо приветствия спросил:

– Елена Николаевна, сможете унять кошек? А то постоянно орут, то вместе, то по очереди.

– Да, Владимир Евгеньевич, сейчас я руки помою, молочка им налью, и они успокоятся.

А дальше произошло ужасное.

Едва Жмур, всегда отличавшийся неумеренной прожорливостью, жадно вылебал молоко, он действительно успокоился, причём навсегда, а у Абсциссы, с меньшей жадностью, накинувшейся на еду, начались судороги, свидетельствующие о сильном отравлении.

Коршунов и Анна смотрели то на меня, то на животных с нескрываемым ужасом. Кажется, они заподозрили меня в покушении на жизнь профессора Волкова, молоко-то пред-

назначалось в основном ему.

Ладно, с подозрениями разберёмся потом.

Абсциссу удалось откачать. Я сделала ей промывание желудка и поставила капельницу, потом собрав всё, что могло вызвать отравление животных и, упаковав трупик Жмура, вызвала такси и помчалась в лабораторию, пообещав Анне прислать ей кого-нибудь на смену.

Но неприятности, отпущенные на сегодняшний день, всё не кончались. По непонятной причине институтский лифт, на котором я поднималась в наш отсек, вышел из строя, и мне пришлось провести в его кабине без малого час. В лифте мобильная связь почти не работает, и я билась, как муха об стекло, пока меня не обнаружили.

А когда меня, наконец, вызволили, Коршунов, умудрившийся оказаться в лаборатории раньше меня, сообщил мне, что Мишенька пятнадцать минут назад выбросился из окна нашего лабораторного отсека с шестого этажа.

– Видимо вашего протезе, Елена Николаевна, совесть замучила за погубленный опыт, и болезнь профессора.

Я прижалась лбом к ледяной дверце лифта. Бедный Мишенька! В самоубийство несчастного мальчика-дауна я не поверила ни на минуту, но у кого могла подняться рука на него, я не могла даже предположить.

В довершение ко всему, когда я услышала про гибель Мишеньки, сумки с пробами отравленного молока выпали у меня из рук. Молоко разлилось, и теперь пытаться определить

в нём что-то, кроме грязи с пола, на мой взгляд, было просто невозможно.

Коршунов кривовато усмехнулся, полагая, что я уничтожила пробы нарочно.

Я теперь становилась подозреваемой номер один. Все сотрудники просто шарахались от меня, уверенные, что это я страшная отравительница, и сейчас поубиваю тут вообще всех, к бесу.

Вскоре появились наш директор и полицейские. Коршунов метнулся к старшему группы и что-то зашептал ему на ухо, кивая в мою сторону. Наверно, предлагая меня тут же взять под стражу и заковать в наручники.

Но полицейский брезгливо отстранился от нашего секретчика, и громко сказал, что и у него, следователя Мосина, а также у оперативников и экспертов достаточно высокая квалификация, чтобы во всём разобраться самостоятельно.

Нас всех, включая директора и Коршунова, собрали в препаратурской и один из полицейских стал записывать наши паспортные данные. Мы провели в препаратурской уже довольно много времени, когда зазвонил телефон. Директор схватил трубку. Я не слышала, его телефонного собеседника, но по тому, как вытянулось директорское лицо, поняла, что случилось ещё что-то ужасное.

- Господин полицейский, мне необходимо срочно уехать.
- Что случилось?
- Видите ли, руководитель лаборатории, профессор Вол-

ков, лежит дома с инсультом, сейчас позвонила наша сотрудница, которая находится рядом с ним, и сказала, что профессору стало хуже.

– А почему больной с инсультом лежит дома, а не в больнице?

– Из соображений секретности, – раньше директора ответил Коршунов, – вы не понимаете, у нас очень важная и секретная разработка.

– Я понимаю, – спокойно отозвался оперативник, – только у вас уже один человек погиб, сейчас вы рискуете жизнью ещё одного человека. Не слишком ли высокая плата за ваши секреты? Пусть сотрудница, которая дежурит у профессора, вызывает «Скорую». И, если врачи будут настаивать на госпитализации, профессора следует немедленно класть в больницу.

– Я должен быть там! – Крикнул Коршунов.

– Вы врач?

– Нет, но...

– Вот и побудьте здесь. Это сейчас важнее.

Честное слово, мне вдруг показалось, что сейчас произойдёт ещё одно убийство, и жертвой его станет полицейский!

Несмотря на то, что я, по всем приметам, должна бы числиться в подозреваемых номер один, на допрос меня вызвали далеко не первой. Вызываемые на допрос, в препараторскую не возвращались, но отпускали их домой, или переводили в какое-то другое помещение, никто из нас не знал.

В конце концов, нас в препаратурской осталось двое: я и Иванчиков. По мере убывания народа в препаратурской, Иванчиков нервничал всё сильнее. А когда полицейские увели Зинаиду Владимировну, бедняга вскочил и забегал по комнате.

– Ну, вот, теперь ясно, что мы с вами главные подозреваемые, – чуть не взвизгнул он.

– Да, Господь с вами, Геннадий Андреевич, с чего вы это взяли?

– Всех уже допросили, и теперь возьмутся за нас во всеоружии!

– Геннадий Андреевич, ну, можно предположить, что это я отравила профессорских кошек, а потом сознательно уничтожила улики, но вас-то в чём можно заподозрить?

– Я после развода ипотеку взял!

– Тем более, вы заинтересованы в получении премии.

– Вы что, не понимаете, что за продажу формулы нашего катализатора, конкурирующие организации готовы заплатить гораздо больше?

– Да успокойтесь, вы, Геннадий Андреевич, вы на шпиона похожи, как я с моими килограммами на Майю Плисецкую. Да и не знаете вы этой формулы. Мы же с этой секретностью, будь она неладна, друг от друга уже прячемся.

– Ой, а ведь и верно, толком не знаю, я ведь в основном на статистике сидел.

– Ну, вот, значит, и бояться вам нечего.

Наконец и меня вызвали на допрос.

Допрашивал меня сам следователь Мосин.

– Так, Елена Николаевна Кузнецова. Елена Николаевна, пожалуйста, расскажите, что у вас тут происходит.

– Господин следователь, я понимаю, что вопросы задаёте здесь вы, но можно один маленький вопрос? Как там профессор Волков? Понимаете, мы с Пашкой и Сонечкой, это его покойная жена, с первого курса дружили.

– Волков госпитализирован, подробностей, к сожалению, не знаю.

– Спасибо и на этом. Так вот, вчера утром мы обнаружили, что все животные в экспериментальной группе «А» погибли. Как мне удалось установить, мыши были отравлены мышьяком. Соответствующие записи по экспертизе содержимого поилок и кормушек, а также результаты вскрытия, вы найдёте в журнале.

– Насколько я понял, животные погибли только в одной из четырёх групп. Почему это так огорчило профессора?

– Видите ли, эксперимент построен таким образом, что выпадение любой из групп, будь то «А», «В» или «С», делает его продолжение бессмысленным. А группа «D», вообще контрольная. Так, что остальных мы просто забили.

– А чем вы забиваете экспериментальных животных?

– Эфиром.

– Не мышьяком? Точно?

– Точно эфиром, который мы официально получаем с ме-

дицинского склада, а при списании на каждый флакон сто бумажек заполняем.

– Ну, что же, это облегчит нашу работу. А скажите мне, Елена Николаевна, что это за история с отравленными кошками?

– Я сама ничего не понимаю. Молоко и другие продукты я купила в фермерском магазине тут рядом, за углом. Волков всегда там покупал, это его ещё Сонечка приучила. Раньше ничего подобного не случалось.

– После магазина вы сразу поехали к Волкову?

– Нет, я минут на двадцать-тридцать зашла в лабораторию, мне надо было дать задание лаборанту Меркурьевой.

– Где была сумка с продуктами?

– Я её оставила в раздевалке. Я не собиралась надолго задерживаться и не стала перекладывать молоко и творог в холодильник. Но, судя по тому, какая быстрая реакция была у животных, речь не идёт о банальном пищевом отравлении. К сожалению, что именно было в молоке, по-видимому, мы уже не сможем узнать. Когда мне сказали про Мишеньку, я сумки уронила и все разлила.

– Об этом не волнуйтесь. Наши эксперты всё сумеют выяснить. А как так получилось, что вы застряли в лифте?

– Понятия не имею. Но если вы полагаете, что я это сделала нарочно, потому как мне доставило удовольствие часовое сидение в тёмном лифте с неизвестной отравой и мёртвым котом в руках...

– Зато алиби у вас железное.

– Алиби? Значит, Мишеньку всё-таки убили? Так я и думала.

– Почему?

– Во-первых, когда человек самоубивается, вряд ли говорят об алиби, а во-вторых, мальчик был инвалидом детства. У него болезнь Дауна. Я не психиатр, но мне кажется, что в бедную Мишенькину голову мысль о самоубийстве, да ещё таком демонстративном, вряд ли могла прийти.

– А как вы полагаете, Михаил Ланской мог бы отравить мышей?

– Он ухаживал за ними, чистил, кормил, поил. А вот отравить... Ну, во-первых, где бы он взял мышьяк? Да и вряд ли он знал о нём. Во-вторых, он точно не понимал значимости опыта и взаимосвязанности всех трёх групп. Ну, и наконец... Понимаете, Мишенька очень любил животных, жалел их. Мы ему даже никогда не говорили, о том, что забиваем их, по окончании опыта. Мы уверяли его, что зверушки закончили работу здесь и переехали в другой институт. Мишенька мог дать отраву мышам только в том случае, если бы кто-то из сотрудников сказал ему, что это какие-то витамины или что-то в этом роде...

– А кто мог это ему сказать?

– Вас интересует, кого послушался бы Миша, или кому это было выгодно?

– И то и другое.

– Ну, послушался бы мальчик любого, для него все начальники от директора до лаборанта, а вот ответа на второй вопрос я не знаю. Понимаете, мы не одни работаем над этой проблемой. Приоритет в разработке позволит нам рассчитывать не только на престиж, на серьёзных покупателей нашего продукта и всякие там гранты, но и значительные премиальные. Наш директор полагает, что мы можем и на Нобелевскую премию претендовать. Да, нам удалось подобрать катализатор, позволяющий получать стабильный препарат с нужными свойствами, поэтому мы немного вырвались вперёд. Но наши коллеги-конкуренты тоже щипают лаптем не хлебают. Японцы нам в затылок дышат, и в Институте Пастера близки к решению, так что любая задержка в нашей работе никому из нас не выгодна.

– Как я понял из ваших слов, никто из своих не заинтересован в отравлении животных.

– А чужие здесь не ходят. К сожалению.

– Спасибо, Елена Николаевна, я всё понял, вы можете идти.

Оказалось, что никто из наших домой не ушёл, а все сгруппировались в кабинете Волкова. Там же была и Анна.

– Аня, как профессор?

– Врачи «Скорой» предполагают вторичное кровоизлияние.

– Паршиво!

– Ага, – Анна шмыгнула носом, потом кивнула на пере-

возку, стоявшую на подоконнике, – Елена Николаевна, я вам кошку привезла.

– Зачем?

– Там квартиру опечатали.

– Понятно.

Вот ещё проблема. Теперь Абсциссу придётся кому-то пристраивать.

В эту минуту в кабинет ввалился взъерошенный Иванчиков.

– Меня отпустили! Под подписку! – Радостно завопил он.

– Замечательно, – отозвался директор, – а теперь, когда мы все в сборе, уважаемые коллеги, прошу минуту внимания. Ни для кого из вас не секрет, что большая и многотрудная работа практически завершена. И перед лабораторией и институтом открываются замечательные перспективы. Тем досаднее неприятные события двух последних дней. Я имею в виду срыв заключительного эксперимента, тяжёлую болезнь руководителя работы, возможно, попытка покушения на жизнь нашего уважаемого профессора, и, наконец, нелепая гибель сотрудника вивария Ланского. Учитывая всё вышеизложенное, я хочу предложить всем вам следующее. Вы все знаете, что у нас есть небольшой, но очень комфортабельный пансионат в экологически чистом районе Подмосковья. Я прошу всех вас, прямо сейчас организовано погрузиться в наш институтский автобус, поехать в пансионат, и пожить там некоторое время.

– И какое это некоторое время? – Дрожащим голосом спросила Маша Короткова.

– Ну, я пока не могу сказать точно, – замылся директор. На помощь ему кинулся Коршунов и перехватил инициативу.

– До выяснения всех обстоятельств произошедшего в последние дни, – напыщенно заявил он, – все мы понимаем важность и секретность нашей работы...

– Подождите, какой пансионат? – Возмутилась Анна. – У нас же у всех семьи, дети.

– А я, вообще, только два месяца назад замуж вышла, – испугано пискнула Аллочка.

– Никого не интересуют эти интимные подробности вашей личной жизни, тем более при таких форс-мажорных обстоятельствах! – Рывкнул на неё секретчик.

– То есть мы должны ехать прямо сейчас? Пары трусов на смену, не захватив? – Удивилась Зинаида Владимировна.

– Позвоните домой, пусть кто-нибудь вам привезёт ваши трусы, – смущённо и сердито пробормотал директор.

– Только звоните прямо отсюда и при всех, чтобы не было утечки секретной информации, – вставил свои пять копеек Коршунов.

Я схватилась за голову. Господи, сделай так, чтобы я проснулась! Пусть весь этот абсурд окажется кошмарным сном!

Проснуться не получилось, тогда я решила пойти абсурду

навстречу.

– Возможно, учитывая форс-мажор, ваши требования справедливы, но мне кажется, что наше заточение должен разделить с нами и наш уважаемый Владимир Евгеньевич Коршунов.

– Это ещё почему? – Возмутился секретчик.

Сделав голос сладким до тошноты, я промурлыкала:

– А потому, Владимир Евгеньевич, что у вас была возможность организовать «неприятные события двух последних дней». Вы могли отравить мышей, у вас была возможность добавить какую-то дрянь в молоко, пока я раздевалась и мыла руки, да и в момент Мишенькиной гибели вы были в лаборатории.

– Как это не прискорбно, – вздохнул директор, – но Елена Николаевна права.

– А я полагаю, – раздался от двери кабинета голос следователя, – что и вам, господин Попов, пора звонить домой и просить подвести бельишко. У вас ведь тоже была возможность сделать всё то, о чём сейчас упомянула Кузнецова.

– Да как вы можете?! – Возмутился директор.

Но его возмущение потонуло во взрыве истеричного хохота.

Смеялся Иванчиков.

– Ой, не могу! Да я о таком приключении, да ещё в такой компании всю свою жизнь мечтал! Да только почему в наш занюханный пансионат? Что там в ноябре делать? Да и люди

кругом – тайна просочиться может. Давайте лучше махнём на какой-нибудь необитаемый островок в Индийском океане!

– Не паясничайте, Иванчиков, – прошипел директор, – ситуация очень серьёзная.

– Даже более серьёзная, чем вы полагаете, – подал голос Младов, – насколько я понимаю, господин следователь, никому из нас не предъявлены официальные обвинения, и никто из нас не арестован.

– Правильно понимаете, – кивнул Мосин, – не только не арестован, но и даже не задержан. Идея изолировать вас от общества, да ещё и на таких унижительных условиях принадлежит исключительно вашей администрации, и полиция здесь совершенно не причём. Это я вам заявляю совершенно официально.

– Значит, мы все можем расходиться по домам? – С надеждой спросила Аллочка.

– Алла, вы прямо как ребёнок, – возмутился директор, – неужели вы не понимаете, кто-то охотится за нашими разработками. Вот-вот перехватит инициативу. Вам что не хочется быть впереди?

– Мне уже ничего не хочется, – всхлипнула Аллочка, – я домой хочу!

– Детский сад, младшая группа! Домой детка захотела, в тёплую постельку, – издевательски проскрипел Коршунов.

– Да, Алла, это возмутительно, – снова завёлся дирек-

тор, – у нас есть реальная возможность претендовать на Нобелевскую премию, а вы малодушничаете. Из-за вашего предательства весь коллектив лишится премии.

– Да что нам та Нобелевская премия, – вскочил Иван Горелый, – да даже если вдруг и дадут эту премию, вы с профессором её в свой карман положите, ну, может, отжалее-те с барского плеча какой-никакой шамделок Кузнецовой и Младову, а мы так и останемся не с чем. Имён-то наших никто не вспомнит. Так и пройдем единым списком, как «группа сотрудников».

– Вот именно! А у меня Никитка сегодня куксился. Я его в сад не пустила, маму просила посидеть, а завтра, может врача вызывать придётся, – крикнула Мария.

– А у меня тоже дети, а не котята, их как Абсциссу в переноску не запихнёшь, – подхватила Анна.

– А у меня отец болеет...

– А мне жена за эти посиделки в пансионате такое устроит...

– У меня внуки...

– Мне машину надо ремонтировать...

Директор дал нам всем прокричатся, а затем заговорил. Говорил он долго убедительно и красиво. Когда он на минуту останавливался, чтобы перевести дух, пафосную речь подхватывал секретчик. Нам вещали о престиже Российской науки, о национальной гордости россиян, о грязных инсинуациях наших идеологических врагов, об антироссийских

санкциях и допинговых скандалах, о том, что именно наш соотечественник первым полетел в космос. И прочая, и прочая, и прочая.

Никто из нас и рта не мог раскрыть. Да и чтобы мы возразить?

Зинаида Владимировна, сидящая рядом со мной, вздохнула.

– Кажется, это тот самый случай, когда проще отдаться насильнику, чем возражать и сопротивляться.

Короче, через некоторое время мы принялись звонить по телефонам, пытаясь как-то организовать свои дела на время нашего заточения во имя Торжества Российской Науки, и договориться о необходимых передачах барахла. Мне пришлось ещё заказывать приданное для Абсциссы, так как наш домашний любимец – скотч терьер Пират кошек на дух не переносит, и бедной Абссессе там не место, а бросить её в институте одну я не могла. Сын едва не матерился, разыскивая по городу дежурный зоомагазин.

В результате всей этой катавасии мы прибыли в пансионат уже под утро. Я ужасно устала, у меня дико болела голова, и на меня накатил острый приступ мизантропии.

В довершении ко всему, мы обнаружили, что пансионат, помимо штатного старичка-вахтёра, охраняется людьми в штатском с одинаково невыразительными лицами. Похоже, что Коршунов сумел привлечь для охраны нашего секрета профессиональных хранителей государственных тайн. Эти

профессионалы с вежливыми, но не оставляющими возможности выбора, улыбками предложили нам сдать все гаджеты. А потом ещё и просканировали нас и всё наше барахлишко, включая кошачью переноску, и пакеты с кормом и наполнителем для кошачьего туалета, на предмет сокрытия электроники.

Это категорически не улучшило моего отношения к происходящему, поэтому мы с Абсциссой демонстративно прошествовали в самую дальнюю комнату по коридору и заперли за собой дверь.

Утром я проснулась поздно. Абсцисса лежала рядом со мной и постанывала во сне. Впрочем, с учётом всех её вчерашних неприятностей, выглядела она вполне удовлетворительно.

Я привела себя в порядок и спустилась в столовую на завтрак. Абсцисса последовала за мной. Она так настрадалась бедняга, что теперь цеплялась за единственного знакомого человека.

В столовой сидела только заплаканная Аллочка. Увидев меня, она, буркнув что-то невразумительное, что могло с одинаковой вероятностью быть дежурным приветствием или грубым ругательством, и поспешила прочь. Ну, всё понятно, обиделась на нас взрослых, пошедших на поводу у Попова и Коршунова и согласившихся на эту дурацкую ссылку, и, соответственно, обрекая на неё же и бедную маленькую Аллочку.

Но мне самой было так гнусно, что переживания бедной девочки меня не тронули.

В столовой появилась Зинаида Владимировна. Воровато оглядевшись, она подошла к моему столику и жарко прошептала:

– Иванчиков привёз с собой коньяк и безобразно напился.

– Жаль я не знала, попросила бы угостить, – мрачно отозвалась я.

– Елена Николаевна, вы же приличная женщина, – ужаснулась Зинаида Владимировна.

– Мы попали в ситуацию неприличную, что уж тут выпендриваться.

– А ведь и верно. Надо будет Генку раскулачить, если он ещё не всё выхлебал, – оживилась мудрая лаборантка.

После завтрака я опять вернулась в свою комнату. Некоторое время я сидела, тупо глядя в окно и почёсывая за ухом прильнувшую ко мне Абсциссу.

В голове нудным молоточком стучалась единственная мысль: «КТО?». Я понимала, что детектив из меня никакой, пусть разгадкой занимаются профессионалы, у меня нет ни соответствующих умений, ни опыта, ни полноценной информации, но всё-таки, чёрт побери, КТО?

Хорошо, хорошо. Я не претендую на роль мисс Марпл, но раз уж эта мысль так бьётся в моей голове, попробую её немножко подумать.

Итак, Мишеньку убили. Это очевидно. Разумеется, никто

не стал бы убивать бедного даунёнка за то, что он знал формулу нашего катализатора. Вряд ли его убили из-за зависти, ревности, карьерных соображений или денег. Совершенно ясно, что убить мальчика могли только потому, что мышей отравили его руками, и простодушный Мишенька сразу бы признался в этом. Кому был выгоден срыв эксперимента? Да никому! Мы все в пролёте! Сидим вот теперь в этой дыре.

Хорошо, попробуем подойти, с другой стороны.

Мышей отравили мышьяком. Какая банальность. Хотя... Где в наше время можно достать мышьяк. Насколько мне известно, его ни в аптеке, ни в хозяйственном магазине не купишь. Представляете, такую просьбу: «Взвесьте-ка мне, пожалуйста, грамм тридцать мышьяка».

Во времена Агаты Кристи мышьяк держали в кладовке, чтобы травить грызунов, а цианиды в садовом сарае, чтобы травить ос. Но, в наше время мышьяк для травли грызунов, кажется, не используется. Раньше им пользовались стоматологи, но, вроде, и они отказались от этого. К тому же, в лечебных учреждениях на каждый миллиграмм этой отравы надо столько бумажек извести. А где ещё применяется мышьяк? Понятия не имею! Но Гугл-то знает! Да, из соображений секретности, у нас отобрали мобильники, но я точно знаю, что в библиотеке есть компьютер. Я узнала об этом, когда в прошлом году провела в пансионате две недели после тяжёлой пневмонии.

А не сходить ли мне в библиотеку?

Увы, мне, увы! За полчаса я узнала о мышьяке и его производных больше, чем за все шестьдесят лет моей жизни. Но где нормальный человек может приобрести отраву, я узнать не смогла.

Я тупо смотрела на монитор, пытаюсь сообразить, что же делать дальше, когда вдруг Абсцисса, из-за всего пережитого ставшая жутко подозрительной, припала к полу и зашипела на дверь.

Я поспешила переключиться на новостную страницу. И так коллеги меня считают главной отравительницей, а уж застав меня за изучением столь пикантной информации, и вообще придушат втихаря. На всякий случай.

В библиотеку вошёл Младов.

– Елена Николаевна? – Удивился он. – Не ожидал вас здесь увидеть. Не помешал?

– Да нет, конечно, Игорь Алексеевич. Вот новости решила посмотреть.

– Ого, здесь даже компьютер есть!

– И даже с выходом в интернет.

– Класс! Я за вами в очереди.

– Да я, собственно говоря, уже закончила. Пойдём, Абсцисса, книжечку какую-нибудь подыщем и вернёмся в комнату.

Надеюсь, Младов не попытается проверить, чем я интересовалась в интернете.

Да, сыщик из меня, как из лаптя субмарина. С мышьяко-

вой теорией ничего не получилось. Но сыщицкий зуд не давал мне покоя. Я должна узнать, кто стоит за всеми нашими бедами. С какой бы ещё стороны попробовать поискать разгадку.

Если дело в катализаторе, а это пока единственное реальное отличие нашей работы от разработок конкурентов, и наш единственный козырь, тогда надо ограничить круг подозреваемых теми, кто знал формулу. Все материалы по разработке катализатора в моём и Пашкином компьютерах. В курсе работ был Младов.

Конечно, все наши компьютеры запаролены, но я, к примеру, каждый раз записываю свой новый пароль на бумажке, которую приклеиваю к монитору, чтобы не забыть. Предположим, что кто-то в моё отсутствие (и ха-ха!) втайне от остальных сотрудников, работающих в той же комнате, включил мой компьютер. Нашёл нужный файл. А дальше что? Наши компьютеры настроены таким образом, что никакую информацию ни на флешку не скинешь, ни по электронной почте не передашь. Скачать информацию можно только по нашей локалке, которая под неусыпным контролем Коршуновских орлов, или по специальному коду сисадмина. Но приглашать сисадмина к моему компьютеру в моё отсутствие... Нет, ну это несерьёзно. Сфотографировать на мобильник, тоже практически невозможно – там ещё какие-то специальные блики на экране, невидимые глазу, но делающие невозможным фотографирование. Остаётся переписать

на бумажку. Это реально, но это требует специальных знаний, непосвящённый человек просто заблукает в этих фенольных кольцах и развесистой изомерии.

Если следовать этой логике, то вне подозрений оказываются Зинаида Владимировна и Аллочка.

Хотя почему вне подозрений? Да у них нет специальных знаний, но есть прилежание и внимательность. И если предположить, что у кого-то из них было достаточно времени, чтобы, не спеша перерисовывать формулу, проверяя и перепроверя свои записи.

Фу, вообще ерунда какая-то получается. Я на мгновение представила за этим малопочтенным занятием милейшую Зинаиду Владимировну или трепетную Аллочку, и едва не засмеялась над своими глупыми домыслами.

Если дело и впрямь в попытке украсть формулу катализатора, то самым подозреваемым лицом становилась опять же я. Именно я владею информацией! Более того, помню формулу наизусть.

И так всё одно к одному складывается: именно я принесла в дом профессора Волкова отравленное молоко, да и передать Мишеньке отраву для мышей я тоже могла. Впрочем, и сама могла подсыпать, к примеру, в то время, пока Мишенька ходил за свежими опилками или комбикормом. А ещё, я запросто могла подделать результаты экспертизы.

Вот на момент Мишенькиной гибели у меня алиби, но ведь у меня мог быть сообщник, который специально вывел

лифт из строя, чтобы обеспечить мне алиби, а сам в это время...

Короче, так можно додуматься до чего угодно.

Вот только я-то совершенно точно знаю, что ничего этого не делала. Но остальные этого не знают! Кроме, разумеется, настоящего преступника.

Мне стало тоскливо в четырёх стенах, и я решила немного прогуляться, тем более, что дождь прекратился и на тусклом небе появилось светлое пятно, напоминающее о солнце.

Верная Абсцисса поплелась за мной.

Я брела по дорожке вдоль стены дома, чтобы с мокрых веток мне за шиворот ничего не капало, и вспоминала.

Мы назвали наш препарат Пасолен: Паша + Соня + Лена.

Мы подружились ещё на вступительных экзаменах. Наша неразлучная тройка была притчей во языцах. Нас называли: «Три тополя на Плющихе». Как раз незадолго до этого вышел знаменитый фильм, а квартира Сониных родителей-академиков, где мы частенько собирались, находилась именно на этой улице.

Идея создания принципиально нового противоракового препарата и разработка основной концепции принадлежали Соне, умиравшей тогда от меланомы. Суть его состояла не в том, чтобы уничтожить раковые клетки, а в том, чтобы создать вокруг опухоли некую капсулу, не позволяющую опухоли расти и давать метастазы. Мы с Пашей начали разработку Пасолена по Сониным запискам, поражаясь на каждом

этапе, точностью её предвидения. Для нас Пасолен был не просто препаратом, и не ради премий и славы мы работали над ним.

Вдруг Абсцисса, которая шла на пару шагов впереди меня, с воем бросилась мне под ноги. Я едва не упала, но возмущённый крик застыл у меня в горле: там, куда я сейчас должна была шагнуть, не удержи меня кошка, со страшным грохотом разбился сорвавшийся или сброшенный с крыши кирпич. Один из осколков оцарапал мне скулу.

Машинально растирая кровь рукой, я с ужасом осознала, что мы тут сидим отрезанные от всего мира, лишённые средств связи, и один из нас, между прочим, убийца.

Мне стало холодно от страха. Я поспешила в свою келью и заперлась на замок.

Через некоторое время в дверь моей комнаты кто-то постучал. Вспотев от страха, я осторожно подошла к двери, и, встав сбоку от неё, чтобы меня не прострелили (паранойя, как она есть), хрипло спросила:

– Кто там?

– Елена Николаевна, не пугайтесь, это я, Попов.

– Да, слушаю вас, Александр Анатольевич, – сказала я, приоткрывая дверь.

– Елена Николаевна, сотрудники пансионата просили приходить в столовую по часам, с завтраком-то мы сегодня безобразно растянулись, а сейчас сотрудников мало – мёртвый сезон. Каждый и так крутиться за троих.

– Да, конечно.

– Ну и славненько, тогда запомните, пожалуйста, что завтрак у нас с восьми до девяти, обед – с часу до двух, ужин – с семи до восьми вечера. Да, в пять часов ещё чай. У вас нет возражений? Тогда до встречи в столовой.

– Да конечно. А сколько сейчас? Я без часов.

– Двенадцать пятьдесят.

– Спасибо. К нужному времени буду в столовой.

Как это сказал наш уважаемый директор? Мёртвый сезон. У меня мурашки по коже пробежали. Как бы его слова не получили бы материального подтверждения. О, Господи, о чём я думаю?

В час дня мы все встретились в столовой. Зинаида Владимировна, Маша и Аня держались настороженной стайкой. Иванчиков был заметно пьян, то ли он умудрился провести с собой огромные запасы алкоголя, то ли отыскал пансионатский бар, и приступил к планомерному уничтожению его запасов. Ваня Горелый, рассеянно поприветствовав присутствующих, демонстративно уткнулся в какую-то книгу, словно подчёркивая, что не имеет с нами ничего общего. Аллочка, не поднимая ни на кого из нас заплаканных глаз, держалась особняком, и чуточку перекусив, поспешила в свою комнату. Бедная девочка, ну её-то с какой стати мурыжить? Отпустили бы ребёнка домой. А. с другой стороны, а за что Машу, оставившую больного ребёнка с мамой-сердечницей, Зинаиду Владимировну, Ваню, Анну, да и всех нас.

Младов, решил блеснуть светскими манерами и развлечь меня беседой.

– Елена Николаевна, я смотрю, кошка за вами так и ходит.

– Ну, ещё бы. Бедняга осталась одна, её увезли из дома в чужое непонятное место, вот она и льнёт к единственному знакомому человеку.

– Вы любите животных?

– Да, хотя по натуре, я всё-таки скорее собачница, чем кошатница – уже почти сорок лет в нашей семье живут скотч терьеры.

– О, знаю, знаю! – Оживился Младов. – Это как Клякса у Карандаша!

Возможно, у Игоря Алексеевича были самые благие намерения. Скорее всего, он хотел как-то поддержать меня, отвлечь от мрачных мыслей и страхов, да и подчеркнуть, что в его глазах я не стала изгоем.

Но какими бы благими не были его намерения, сейчас он мне просто мешал. Я пыталась следить за Поповым и Коршуновым. Эта достойная парочка явно наблюдала за всеми нами, прислушиваясь к нашим разговорам, видимо, стараясь угадать убийцу. Как вы понимаете, я их вниманием не была обделена.

А Младов продолжал разливаться соловьём.

– А знаете, Елена Николаевна, я тут немного прогулялся по окрестностям и обнаружил совершенно дивный пруд с лебедями. Меня поразила его живописность. Представляе-

те, свинцово-серая в мурашках дождя вода и чёрные лебеди. Вы ещё не были там? Вам, как любителю животных, наверно было бы интересно туда прогуляться.

Ого! Этого ещё не хватало. Он что, мне романтическое свидание предлагает? К тому же знаю я этот пруд. Он в таком глухом месте расположен, и одичавшие кусты сирени там вокруг такие, что придушить нас всех троих: меня, Младова и Абсциссу убийце труда не составит. Ещё и в пруду притопить можно, чтобы полицейские собаки не нашли. А топиться в ноябре, это, с моей точки зрения, вообще, моветон.

– Ах, Игорь Алексеевич, к сожалению мой ревматоидный артрит в такую погоду не позволяет мне гулять по парку.

– Ну, что же, не смею настаивать, хотя признаться, надеялся прогуляться, потому что умираю со скуки. Ехал сюда, думал поработать немного в спокойной обстановке, так ведь эти охранники все ноутбуки отобрали.

– Да, всё это очень неприятно. Остаётся надеяться, что мы здесь не задержимся надолго.

– Да уж, долго я здесь не выдержу – просто сбегу. Кстати, Елена Николаевна, как вы полагаете, сколько у нас охранников?

– Встречали нас двое, ну и местный вахтёр. Больше я никого пока не видела.

Тут я заметила, что Коршунов с Поповым, забыв об обеде, впелись в нас глазами. Ох, Игорь Алексеевич, компрометируете вы себя приватными беседами со мной, да ещё на

такие опасные темы. Вон, у бедняги Коршунова сейчас уши отвалятся от желания расслышать каждое наше слово. Хватит его мучить. Пусть лучше настоящего преступника ищет.

– Спасибо за компанию, Игорь Алексеевич, – громко сказала я, – приятного вам аппетита, а я, пожалуй, пойду, отдохну. В моём возрасте бессонные ночи не полезны.

В своей комнате, я уютно устроилась в глубоком кресле с мурлычущей кошкой на коленях и вновь вернулась к своим детективным размышлениям. Затягивает, чёрт побери!

Пока мне никак не удавалось найти никакой зацепки. Все мои попытки «дедуктивного» расследования упирались в тупик. А что, если не пытаться найти преступника, а, напротив, вычислить тех, кто не мог совершить этого преступления.

Итак, первым в моём списке будет, разумеется, Коршунов. Конечно, именно я заронила зёрна подозрения в душу директора, и спровоцировала ссылку нашего секретчика в этот проклятый пансионат. Но это была просто бабская месть. Достал! Но совершенно очевидно, что Коршунов – офицер и профессионал не стал бы так пакостить. И как бы я не относилась к Владимиру Евгеньевичу, но не признать, что он человек чести, я не могу.

Второй кандидатурой на вычёркивание из списка убийц мышек, кошек и бедного мальчика-дауна я считаю директора. Александр Анатольевич Попов не столько учёный, сколько замечательный администратор. Он лучше других представляет себе все плюсы от нашей работы и от своевременно-

го представления её результатов. И он же более всего заинтересован в успехе. Прав Ванечка Горелый, премии и гранты прежде всего на Попова посыплются. Плюс престиж, плюс карьерный рост...

А вот самого Ивана Горелого я бы пока не спешила убирать из списка подозреваемых. Он работает у нас чуть больше года. Окончил институт с красным дипломом. Умён, грамотен, амбициозен. И, как он сам справедливо заметил, при дележе пирога останется почти ни с чем.

Ну, Иванчикова я отмечаю сразу. Истеричен, труслив. Неспособен на интриги. Нет, если бы речь шла о том, что в момент гнева или страха Геннадий выбросил кого-то из окна или ударил по голове спектрофотометром, я бы совершенно не удивилась. Но задумывать многоходовку со срывом эксперимента, который так много значит для автора работы, потом попытки отравления профессора чужими руками... А, ведь если бы не бедняга Жмур, Пашка бы выпил свой стаканчик молока!

Следующая в моем списке «на вылет», конечно, Аллочка. Честное слово, у юных джульетт есть более интересные дела, чем мрачные интриги с убийствами.

Мария Короткова. Даже в кошмарном сне её невозможно представить убийцей. Милая тихая не очень счастливая женщина. Муж бросил её, когда Машенька была в роддоме. На руках больная мама и маленький ребёнок. Какие уж тут авантюры!

Анна Жарикова. Это супер-мама. Все трое детей у неё вундеркинды: в художественных, музыкальных школах и спортивных секциях – Анины дети звездят везде. Анна умна и энергична, но весь свой богатейший потенциал она тратит на семью. Она хороший и ответственный сотрудник, но и только. Живёт она семьёй, а не работой. И уж точно она не будет размениваться на какие-то пошлые интриги.

Подозревать Зинаиду Владимировну, с которой мы поработали бок о бок почти тридцать лет, просто аморально.

Итак, из десяти участников этой неприятной истории семеро не могли совершить преступления. Просто не могли. Никак. Ни при каких обстоятельствах.

В подозреваемых нас остаётся трое: ваша покорная слуга, Младов и Горелый.

Честное слово, даже немного жаль, что я веду повествование от первого лица, и точно знаю, что не я убийца. А так всё замечательно складывается!

Ни к чаю, ни к ужину Аллочка не вышла. Бедный детёныш. Надо будет завтра поговорить с Коршуновым, может, отпустит девочку.

Охранников по-прежнему не видно. Возможно, они и не должны попадаться на глаза, для сохранения некой непринуждённости, ощущения, что вокруг только свои. Вдруг, преступник расслабится.

А, может, они просто сбежали с нашими мобильниками? Смартфон, конечно, жалко. Мне его муж недавно подарил.

Хотя, я всё равно с этим смартфоном толком справиться не могу. И, вообще, техника не должна быть умнее своего владельца, так, что, если люди в штатском украли мой гаджет, я не заплачу.

Но если наши охранники сбежали, то не сбежать ли и мне. Просто из принципа. Ну не нравится мне всё это. Через проходную я, разумеется, не пойду. Там дежурят местные сторожа, плюс над входом висит камера. Но я ещё в прошлом году заметила здесь дыру в заборе в самом глухом уголке парка. А. что, может и вправду схулиганить? Чтобы как-то обозначить своё отношение к этой дурацкой ситуации.

Да нет, пожалуй. Куда тут бежать, на ночь глядя? Да и погода не располагает. Опять дождик пошёл, пока добреду до электрички по лесу, вымокну до нитки, насморк подхвачу. Ладно, уж, посидим в заточении.

Я вернулась в свою комнату, приняла душ, заварила чайку и устроилась в постели с книжкой. Мурлычущая Абсцисса развалилась рядом.

Наверно, я заснула почти сразу. Сказалась бессонная ночь накануне, и, извините, возраст.

Проснулась я от шороха.

Несколько мгновений я не могла сообразить, где я. Потом, буквально оцепенев от ужаса, попыталась вспомнить заперла ли я дверь на ключ. Только потом я включила лампу и принялась потихоньку оглядываться. На полу перед дверью лежала небольшая бумажка, и Абсцисса осторожно трогала

её лапой, словно прикидывая, годится эта штука для игры, или лучше не связываться.

Санаторий наш был построен в середине семидесятых. Когда на науку давали деньги. Был санаторий по тем годам хоть и небольшим, но весьма престижным, и попасть туда какому-нибудь МеНеэСу считалось почти невозможно.

Но с тех золотых времён санаторий весьма обветшал. Полысели ковровые дорожки в коридорах, разохлись рамы, покоробились двери. Под дверью в мою комнату образовались щель шириной в палец. Вот в эту-то щель и была просунута записка.

Самое неприятное, что я не имела никакого представления, который час. В комнате часов не было, а я уже давно не ношу наручных часов, полагаясь на мобильник. Но ведь мобильник-то у меня накануне ночью отобрали. Почему-то чувство безвременья показалось мне сейчас особенно пугающим.

Я осторожно встала и, стараясь двигаться, как можно тише, подошла к двери. Сначала я убедилась, что дверь закрыта, потом подняла бумажку. Это был обрывок информационного листка с телефонами пансионатских служб и схемой эвакуации из номера 203, кажется, именно в нём поселилась Аллочка. На обрывке Аллочкиным почерком было написано:

«Елена Николаевна, умоляю вас, приходите сейчас к бассейну.

Там нас никто не услышит. Я узнала кое-что очень важное.»

Я вздохнула и начала одеваться. Мне всё происходящее категорически не нравилось.

В коридоре было темно, по лестнице я спускалась практически наощупь. Абсцисса плелась за мной, словно понимая, как мне страшно и пытаясь как-то поддержать меня. А ещё говорят, что для кошек важны дом и кормушка, а на людей они смотрят только как на приложение к основным благам.

Бассейн находился на минус первом этаже. Я хорошо знала, где это, потому как в прошлый свой приезд не упускала возможности поплавать.

Во время блуждания по тёмным лестницам и коридорам мои глаза настолько привыкли к темноте, что в помещении с бассейном я уже могла что-то разглядеть. Свет здесь тоже не горел, но через стеклянные стены проникал неясный отсвет фонарей в парке.

Аллочку я увидела сразу. Наверно, ждала увидеть её именно там. Бедная девочка плавала в толще воды лицом вниз.

Значит, не Иван. Они с Аллой дружили. Нет, нет, никакой романтики. Просто курили вместе, и иногда устраивали какие-то совместные хохмы и розыгрыши. Они самые молодые в нашей лаборатории, и разница в возрасте между вчерашним студентом и лаборанткой невелика.

– Игорь Алексеевич, выходите, – сказала я, – несолидно

уже прятаться.

– Догадалась?

– Угу.

Яркий свет карманного фонарика обжѐг мне глаза. Я замурилась и зашмыгала носом от выступивших слѐз, но решила, что сдаваться ещё рано.

– Что же это вы, Игорь Алексеевич в царя Ирода решили поиграть? Детишек невинных убиваете.

– Это, каких ещё детишек?

– Да вот намедни Мишеньку убили, теперь Аллочку.

– Аллочка, в отличие от дурачка Михаила, была та ещё штучка.

– Да, да, я знаю. Ягнята всегда волков обижают. Такие хулиганы, прямо житья от них нет!

Боже, что я болтаю. Он же меня сейчас убивать будет, а я всякую ерунду плету. А с другой стороны, куда мне особенно торопиться? Младов меня всё равно убьѐт, так хоть выскажу ему всё, что смогу.

– Причѐм тут ягнята? Я же говорю, Алла той ещё стервой была. Она была моей любовницей, и она же решила меня заложить.

Удушающий страх смерти, буквально несколько мгновений назад вызывающий черноту в глазах и превращающий кости в мокрые тряпки, вдруг отступил. Мне, действительно, стало совершенно не страшно. Я даже издевательски улыбнулась. Правда улыбочка вышла так себе.

– Ой, Игорь Алексеевич, мне совсем не хочется вас обижать, но кажется, вы принимаете желаемое за действительное. Девочка только что вышла замуж за симпатичного юношу из очень обеспеченной семьи, а у вас, пардон, конечно, залысины до затылка и зубы на треть вставные. На вас не польстилась бы и слепоглухонемая дементная старуха, что уж говорить о юной красавице.

Но Младов неожиданно расхохотался.

– Ну, вы просто чудо, Елена Николаевна, вроде умная женщина, а такая дура! Просто зелёный наивняк. Да Алкин муж-мажорчик, вообще вряд ли помнит, что женат, и уж точно жену свою не отличит от тех девок, с которыми каждую ночь по клубам куролесит. Это его родители Аллу выбрали, в надежде, что сын когда-нибудь перебесится.

– И откуда же вам известны такие подробности? Вы свечку держали?

– Да она сама мне всё рассказала. На Дне рождения шефа наклюкалась и принялась мне в жилетку плакаться. Тут я её и взял. Прямо на лабораторном столе. Ну а уж когда факт грехопадения свершился, ей отступать было некуда.

Интересно, мерзавцев тоже мамы рожают, или они сами где-нибудь в крапиве заводятся?

– Ну, с Аллой понятно, вы вскружили голову наивной девочке, поверившей, что она встретила прекрасного принца, и жестоко обманувшейся в своих надеждах. Но зачем вы вообще затеяли всё это? Неужели только ради того, чтобы за-

нять место Волкова? Зря, по-моему. Он сам мне не раз признавался, что его должность – это тёплое местечко между молотом и наковальней. Да и сколько бы он ещё протянул, даже безо всяких инсультов? Годочек вам потерпеть – и место ваше.

– Ой, ну Елена Николаевна, вас даже убивать жалко, вы такая забавная. Да на черта мне сдалось Волковское место? И ваша жалкая лаборатория, и весь этот нищий институтишко? Я давно работаю в солидной фармацевтической компании. Вы себе даже не представляете, что такое крупная фармацевтическая компания где-нибудь за океаном.

Вот шкура продажная!

– Представляю, – мрачно буркнула я, – американская фармацевтическая мафия, пугая людей то птичьим, то свиным гриппом, обвал доллара предотвратила. Думаю, и сами фармацевты в накладе не остались.

– Да уж конечно, – захихикал Младов, – и поверьте, платить они тоже умеют. Так, что, вы сами понимаете, что выхода у нас с вами нет.

Да я даже не сомневалась, что этот стервец выманил меня сюда, чтобы убить. Вот только как? Оружия с собой он пронести не мог. Нас обыскивали добросовестно. Украсть нож в столовой? Но я давеча не смогла этим «оружием» разрезать даже снулую сосиску. Значит, Младову придётся меня задушить или утопить, как Аллочку. Но я, в отличие от бедной хрупкой девочки, вешу сто десять килограмм. У паршивца

пупок развяжется, пока он меня до воды дотолкает.

К тому же, я ведь женщина слабая и не буду молчать, как партизан на допросе, а начну визжать и вопить от ужаса.

Конечно, бассейн удалён от жилых помещений. Но эта бетонная коробка, облицованная кафелем, да ещё при большом зеркале воды, может дать интересный шумовой эффект. У меня муж – акустик. Я, конечно, не слишком разбираюсь во всех этих резонанциях-реверберциях, но понимаю, что мои вопли не только всех на ноги поднимут, но и самого убийцу могут оглушить до потери сознания. У меня и тембр голоса подходящий.

Я невольно усмехнулась, представив всё это.

От моей усмешки Младов пришёл в ярость. Нервничает скотина!

– Шутки кончились, Елена Николаевна. Вы сейчас возьмёте этот шприц и сделаете себе укол.

– Я не смогу! Я уколов боюсь! – ответила я нагло.

Правда, я их действительно боюсь. С детства.

Шприц! Как это я о нём не подумала. Что может быть невиннее инсулинового шприца? Да любой диабетик с собой постоянно их таскает, как и флаконы с инсулином, в которые при желании можно залить что угодно.

– Шутки и впрямь кончились, кстати, их нельзя было называть удачными.

Младов вспотел от злости.

– Дура, ты сделаешь то, что я тебе скажу! Сейчас ты своей

рукой напишешь записку с признанием, что это ты всё сотворила из личной неприязни к профессору Волкову, а Алла Олеговна Меркурьева случайно тебя разоблачила. А потом возьмёшь шприц.

– Когда это мы с вами, Игорь Алексеевич, успели перейти на «ты»?

– Заткнись, идиотка! Не пытайся тянуть время

– Простите голубчик, но вы сошли с ума!

Младов шагнул ко мне. Теперь нас разделяло менее полуметра.

– Ты сделаешь это, потому, как я знаю твои слабые места, глупая курица! Ты совершенно не переносишь, когда мучают слабых, будь это debil Мишенька или паршивая кошка.

Тут Младов неожиданно резко нагнул и схватил за хвост Абсциссу, доверчиво жавшуюся к моим ногам.

– Кошка-то тут причём? – Взвизгнула я.

Такой выходки от Младова я действительно не ожидала.

– Слушай меня внимательно. Тебе всё равно подышать. Мне нужна твоя предсмертная записка и отпечатки пальцев на шприце. И я сейчас у тебя на глазах буду медленно и мучительно убивать эту тварь, пока ты не сделаешь, что мне надо.

Он уже успел перехватить Абсциссу за горло, и несчастное животное захрипело.

Я сдалась. Я больше ничего не могла сделать ни для себя, ни для несчастной Абсциссы.

Вдруг вспыхнул свет. И тут же появилось много людей. Кажется, я успела разглядеть среди них нашего директора, и Коршунова, но потом в глазах у меня потемнело, колени стали ватными, и я начала медленно сползать по стене.

Детектив с собакой

Мы живём в доме, который в округе называют «Ментовским». Когда-то родители моей жены получили эту квартиру как работники МВД. Тесть всю жизнь проработал следователем, а тёща – инспектором детской комнаты. Мы с женой никакого отношения к милиции или полиции не имеем. Я – художник-иллюстратор, а Вера до самой пенсии работала психотерапевтом. В эту квартиру мы въехали шесть лет назад после смерти тёщи, оставив более просторную жилплощадь дочери с семьёй.

У моей супруги удивительная способность сходитьсь с самыми разными людьми. Я, по натуре, настоящий бука и предпочитаю ограничиваться узким кругом самых близких людей, но благодаря Верочкиной общительности, мы стали своими в этом доме.

Надо сказать, что это не банально, потому как большинство обитателей «Ментовского дома», связанные общей работой и определённым менталитетом, живут, буквально одной семьёй. В нашем доме принято хранить у соседей ключи, обмениваться книгами и кулинарными рецептами, подкидывать друг другу на пару-тройку часов детей или кошек на время отпуска.

Жители нашего дома, не дожидаясь милостей от городских и районных властей, своими руками оборудовали ав-

тостоянку и детскую площадку. А также, проявив завидное единодушие, выступили единым фронтом против мутноватого магазинчика, торгующего дешёвой водкой, и добились его закрытия.

Я рассказываю вам всё это, чтобы было понятно, почему мы повели себя именно так, когда в нашем доме случилась беда. Мы просто не делим беды на свои и чужие.

Но начну по-порядку. И прежде всего, представлю одного из главных героев моего повествования.

Три года назад, в честь выхода Веры на пенсию, дочь подарила ей смешного псёнка породы померанский шпиц. В детстве это существо напоминало детскую меховую рукавичку, а потом доросло аж до муфты. Звали цуцика Бони, но не от имени Бонифаций, что означает «счастливчик», а от Бонапарта. Я когда увидел это пышное имя в «щенячке», то в шутку предупредил жену, что от собаки с таким именем нас ждут сплошные неприятности. Ведь всем известно: «Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт».

Надо признать, что Бонапарт и впрямь обладает замашками своего легендарного тёзки. Он искренне считает себя альфа-лидером и готов отстаивать свои права на любом уровне. Размер противника не имеет значения.

Честно говоря, я раньше полагал, что мелкие собачонки от природы все глупые. Сами посудите, где могут помещаться мозги у существа, у которого вся голова размером с детский кулачок. Однако, общение с Бони, заставило меня пе-

решмотреть взгляды на мелких собачек. Наш пушистый мужичок оказался очень сообразительным, да ещё и обладающим удивительной памятью. Он знает всех наших соседей и их питомцев и не тявкает на них попусту, а вот чужаков вычисляет сразу. К тому же, несмотря на мимишную внешность, Бони крайне злопамятен. Он был совсем маленьким, когда на него бросился ротвейлер из соседнего дома. Наш шпиц запомнил это на всю жизнь. Теперь при виде любого представителя этой породы, он просто звереет. И его, обычно умильная лисья мордочка приобретает такое выражение, что даже нам становится не по себе. У нас во дворе живут два ротвейлера, и мы стараемся не встречаться с ними на прогулках.

В тот вечер вторника, когда всё это началось, я увлёкся чтением и едва не пропустил «наше» время вечерней прогулки. Хорошо, что жена, вернувшись из поликлиники, напомнила мне.

– Саша, пойди, погуляй с Бони, а то скоро Арно выведут.

Я поёжился. Судя по тому, какая замёрзшая и заснеженная вернулась с улицы Вера, погодка оставляла желать. Ужасно не хотелось откладывать книгу, вылезать из уютного кресла и выходить в метель. Но Бони, услышав кодовое слово, уже заюлил перед дверью. Да и то сказать, всё равно выходить надо, и лучше это сделать сейчас, чтобы потом не продирается по кустам, не допуская, чтобы Арно и Бони заметили друг друга.

Я отправился в прихожую одеваться, а Бони выпустил на лестничную площадку.

– Иди, вызывай лифт, – как всегда сказал я пёсику в шутку.

Я ещё не успел зашнуровать первый ботинок, когда услышал отчаянный визг Бони.

Напомню, что Бонапарт, несмотря на свой малый размер и вес в два килограмма, считает себя крутой собакой, и обычно не унижается до трусливого визга.

Я понял, что произошло что-то экстраординарное, и выскочил на площадку прямо в одном ботинке.

Бони задом отползал от лифта. Причем уши его были прижаты к голове, а хвост, обычно лохматым колечком, возвышающийся над спиной, прятался между ног. Я схватил пёсика на руки и начал осматривать на предмет повреждений. Ран на Бони не было, но его трясло, с высунутого языка капала слюна, а глаза выпучились самым невероятным образом.

– Да что там такое?

Взяв собаку на руки, я вышел на лестничную площадку. Неужели кто-то обидел Боньку? Уши оборву!

Дверцы ближайшего к нам лифта, были распахнуты, а в нём, утонув в пышной и длинной песцовой шубе, полулежала женщина. Подол шубы набух тёмной кровью. Кровь растекалась и по полу кабины.

Я узнал женщину. Это внучка полковника Сазонова. Кажется, её зовут Кристина. Она год назад вышла замуж и ожи-

дала ребёнка. По-видимому, у неё начались роды.

Как большинство мужчин, я ужасно боюсь этого дела и полностью теряю самообладание. Поэтому я отскочил от лифта, и завопил не хуже Бони.

Вера выглянула из квартиры.

– Саша, что случилось?

– Она... У неё... Соседка с седьмого этажа, кажется, рождает! Что-то надо сделать, – бормотал я в ужасе, пятясь от страшного лифта.

– Что сделать? Вызвать «Скорую», – сказала жена спокойно.

Она вышла к лифту и уверенно набрала нужный номер.

– Примите вызов. Патологические роды в лифте. Преждевременные. Зайцева Кристина, двадцать девять лет. Адрес... Лифт стоит на двенадцатом этаже.

– Сейчас приедут врачи, и всё будет нормально. Идите-ка вы с Бони домой, а то на вас смотреть страшно.

– От-ткуда ты знаешь п-про п-преждевременные роды? – Спросил я, заикаясь от ужаса, но, не имея силы оторвать взгляд, от всё прибывающей крови.

– Мне Лиля говорила, что у Кристи срок в середине марта, а сейчас ещё январь не кончился.

Лиля, точнее Лилия Альбертовна, это жена полковника Сазонова. Вера рассказывала, что дочь Сазоновых, Дина умерла от онкологии, когда Кристине было всего шесть лет и дед с бабкой сами поднимали внучку. Насколько я знаю,

опять же по рассказам супруги, девочка благополучно заочила медицинский институт и работает медэкспертом в полиции. Замуж она вышла за своего коллегу, не нарушая традиций «Ментовского дома».

«Скорая» приехала на удивление быстро. Врач – высокая статная блондинка попросила нас уйти и не мешать. Сама она склонилась над роженицей. Мы ещё не успели войти в квартиру, как докторица, по-девчоночьи взвизгнув, скакнула из кабины.

– Нина, звони диспетчеру! Пусть срочно вызывают травматологов или реаниматологов. Не знаю. Женщина ранена! И в полицию пусть позвонят.

Сама она привалилась к стене и пробормотала жалобно:

– Никогда такого ужаса не видела.

Первая мысль, возникшая у меня, была о том, что человек, ранивший Кристину, может быть где-то рядом. Он просто не мог далеко уйти. Я вспомнил, что я мужик, и, загнав всех женщин в квартиру, остался у лифта. Бони припал к полу от ужаса, но меня не бросил.

Минуты казались часами. На лифт я даже не смотрел, сосредоточив внимание на лестнице. Кристина едва слышно стонала. А моё сердце билось о рёбра с громким стуком, заглушая все остальные звуки дома. Поэтому, я даже не сразу понял, что вторая бригада врачей уже приехала.

Врач огромный плечистый и волосатый, больше напоминающий разбойника с большой дороги, чем представителя

самой гуманной профессии, рывкнул у меня над ухом:

– Где Олонецкая?

– А? Кто?

– У вас другая бригада была? Они что, уехали?

Наверно, он принял меня за идиота, потому, как я не сразу сообразил, что ответить.

– Простите, они в нашей квартире.

– Что они там делают? Там ещё кому-то плохо?

Я, наконец, стряхнул с себя отупение.

– Нет, просто я отправил всех женщин туда, опасаясь, что убийца где-то рядом.

– Но, но, мужик, пока никто не говорит про убийство, – прорычал врач, и потом спросил совсем другим тоном, – ну, что там, Степан Гаврилович?

Похожий на мокрого скворчонка второй доктор, присевший на корточки перед Кристиной, сердито пробурчал в ответ:

– Плохо. Какая-то сволочь бедняге чуть голову не отрезала. Ножевых ран не один десяток. Мразь! Здесь работать невозможно. Выносим девушку на простор.

В это время с топотом прибежали по лестнице полицейские. Они были запыхавшиеся и злые.

– Что с лифтами? – Сурово поинтересовался майор.

– А у нас в одном пострадавшая, а в другом реанимационное оборудование, – огрызнулся «разбойник с большой дороги», Пытающийся приподнять Кристину, и добавил, обра-

щаяся ко мне, – слышь, мужик, забирай служивых к себе, а сюда присылай Олонецкую с девчонками. У нас сейчас каждая пара рук лишней не будет.

– Что хоть случилось-то? – Спросил майор осторожно.

– Женщина молодая беременная. Какая-то скотина буквально истыкала её ножом. Доктор говорит, что там не один десяток ран.

– Твою мать! Эй, лейтенант, как только девушку вынесут, заблокируй лифт. А то сейчас ведь вызовет кто-нибудь. Как, как?! Да хоть пистолет воткни между дверями, а я в диспетчерскую позвоню, чтобы отключили лифты к такой-то матери.

– Ребята, шли бы вы, правда, отсюда, мешаетесь, – сказал третий врач, вынося из лифта два больших металлических чемодана.

Я пригласил полицейских к себе. Мы осторожно, пробрались мимо носилок, перегородивших всю лестничную площадку.

Первым делом майор позвонил в диспетчерскую

– Диспетчерская? Майор Корнеев. Немедленно отключите оба лифта в доме №... по улице... Значит надо. Ты мне ещё поговори! Я тебя к ответственности привлеку за невыполнение требований полиции в экстремальной ситуации.

Вскоре в квартиру застенчиво пробрался лейтенант.

– Лифты отключили? – Спросил майор.

Лейтенант кивнул. Губы у него дрожали.

– Ладно. А то, понимаешь, эта курица диспетчерская быковать начала: «Да что? Да по какому праву?» Идиотка!

Обращаясь к нам, он вздохнул:

– Извините. Сколько не работай, а к такому не привыкнешь. Давайте знакомиться. Я – майор Корнеев, Антон Николаевич.

Вера молча протянула наши паспорта. Говорить она не могла. Её била крупная дрожь.

Майор мельком взглянул на них и передал старлею, чтобы тот записал наши данные. Потом он обратился ко мне:

– Александр Владимирович, расскажите, что произошло. Это ведь вы вызвали «Скорую»?

– Нет, жена. Но первым обнаружил Кристину я. Только мне показалось, что она рожает. Кровь была снизу, а головы и шеи я почти не видел. Она как-то осела в шубе, наклонив голову. Я и узнал-то её по шубе в основном.

Тут Вера нашла в себе силы и начала говорить:

– Понимаете, всё произошло очень быстро. Я пришла домой минут за десять до того, как мы вызвали врачей. Я поднималась на соседнем лифте, но не заметила Кристину я не могла. Мне же надо было пройти мимо того лифта, где она лежала.

– Да, – подхватил я, – Вера напомнила, что пора гулять с собакой, я почти сразу выпустил Бони на лестничную площадку, чтобы он не мешал одеваться. Прихожая-то у нас, сами видите, тесная. Потом Бони завизжал, и я выскочил за

ним.

Тут я вспомнил, что так и не успел обуть второй ботинок. Взглянув на мои ноги, Корнеев понимающе кивнул. Я почувствовал, что краснею, и торопливо начал оправдываться:

– Понимаете, за собаку испугался. Бони так заверещал. Я подумал, что его лифтом прищемило, или он упал. Конечно, такого кошмара, я и предположить не мог.

– Ясно, и во сколько это было?

– Обычно я выхожу с Бони в семь, но сегодня минут на пятнадцать припозднился. Зачитался. Хорошо жена напомнила.

– Вы девушку хорошо знаете?

– Да как вам сказать? Здороваемся. Иногда перекинемся парой-тройкой слов о погоде, ну ещё о какой-нибудь ерунде. Знаю, что зовут её Кристиной, что она внучка полковника Сазонова. Живёт на седьмом этаже в нашем доме, но номера квартиры не знаю. Год назад она замуж вышла. Свадьбу чуть не всем домом праздновали. А ещё знаю, что она работает в органах.

– В каких?

– В ваших. Она медэксперт. Но где точно, не скажу.

– Это мы сами найдём.

Он опять схватился за телефон.

– Пешкин, это Корнеев. Человечка мне пробей одного. Зайцева Кристина, двадцать восемь лет. Живёт в доме № ... по улице... Квартиру там посмотри, родственников, ме-

сто работы... Ну, в общем, не мне тебя учить. Сам взрослый мальчик. Да это не она, это с ней сделали. Ранили её тяжело. Да ничего толком не знаю. Сейчас там врачи колдуют. Прогнали. Пока им все карты в руки. Вот увезут беднягу в больницу, тогда и начнём работать. Пальчики снимем, кинологов пригласим.

Больше мы почти не разговаривали, прислушиваясь к происходящему на лестничной площадке. Дверь в квартиру была распахнута настежь, и в прихожей стоял лейтенант, чтобы отслеживать ситуацию и предупредить начальство, когда им можно будет приступать к своей работе.

Мне показалось, что прошла целая вечность. Потом в квартиру заглянул «разбойник».

– Всё, алес!

– Увозите в больницу? – С надеждой спросил Корнеев.

– Да, какое там... Не вытащили.

Он со злостью ударил кулаком по дверному косяку.

– Блин! Молодая, красивая! Какой гниде понадобилось такое сделать?

И обращаясь к Корнееву, сказал:

– Слышь, майор, найдёте гада, будь другом, звякни, вот мой телефон. Я его своими руками урою.

Полицейские колдовали над местом преступления до глубокой ночи. Мы с женой сидели на диване, прижавшись друг к другу. Бони умудрился протиснуться между нами. Вдруг Вера прошептала:

– Ещё к кому-то «Скорая» в наш подъезд приезжала. Что же за вечер-то такой?!

– Может, это за телом. Ну, перевозка специальная, – пробормотал я.

– Да нет, с сиреной и маячком. Это к тяжёлому больному или раненному.

– А ты полагаешь...

– Не знаю.

Утром в нашу дверь кто-то осторожно постучал. На пороге стояла соседка из квартиры напротив, Надежда Петровна.

– Доброе утро, Саша. Тьфу, какое доброе. В общем, здравствуйте. Верочка не спит?

– Нет.

– Позовите её, пожалуйста. Её помощь нужна.

Жена уже вышла в прихожую, зябко кутаясь в шаль.

– Надюша, привет. Что там? Да ты проходи, не через порог же говорить.

– Верочка, попробуй с Васькой поговорить. Он сейчас у нас. Его Женька скрутил. Васька руки на себя наложить пытался. Ночью ведь у Лили инфаркт случился. До больницы не довезли.

До меня не сразу дошло, что «Васька» это полковник Саонов. Да, его же зовут Василий Иванович. Как-то я отупел.

– Да что же это... Прямо одно к одному, – всхлипнула жена, но тут же постаралась взять себя в руки.

– Сейчас приведу себя в порядок, а вы пока тащите Васи-

лия сюда. Усаживайте на диван. Саша, сядешь с одной стороны, а Женя с другой. И держите его покрепче. Не справимся – придется спецмашину вызывать. А не хотелось бы.

Я прошёл следом за Надеждой в её квартиру, и мы вдвоём с Евгением привели полковника Сазонова к нам. Вид у мужика был безумный. Впрочем, неудивительно.

Вскоре из ванной появилась Вера, собранная и свежая, блин, как утренняя роза.

Она взяла стул и села напротив дивана.

– Ну, что, поговорим? Для начала предлагаю всем перейти на «ты» и называть друг друга просто по имени. Никто не против?

Василий попытался рвануться, и мы с Евгением буквально повисли на нём. Сдавшись превосходящим силам, полковник мрачно спросил:

– Ну что? Уговаривать меня будешь, как маленького? Утешать?

– Не собираюсь. Что я тебе скажу? Что всё хорошо? Что все живы и здоровы? Мы же с тобой взрослые люди, и знаем, что это не так.

– А что же ты хочешь?

– А ты?

– Сдохнуть.

– Мне тебя пожалеть? Или сесть рядом с тобой и похныкать? Не дождёшься. Ты мужик. Настоящий. С большой буквы. Да, всё очень плохо. Но ты выдержишь.

– Зачем?

– Хотя бы для того, чтобы поймать эту сволочь, которая где-то ползает по миру и коптит небо своим поганым дыханием.

– Как я его поймаю? Смеёшься? Никаких зацепок! Эксперты с кнопок лифта сняли такую мешанину, что лучше не упоминать. Полицейская собака след не взяла. И, конечно же, никто ничего не видел и не слышал.

– Можешь мне не верить, но сейчас в этой комнате находится существо, которое точно знает убийцу, и никогда его не забудет.

Это в стиле моей супруги. Она умеет высказать какой-то парадокс, и пока его перевариваешь...

Это было много лет назад.

У меня был брат-близнец Лёша. Мы были очень близки, но при этом были очень разными. Я был очень тихим и спокойным: учёба, рисование, книги. А Лёшка постоянно оправдывал своё школьное прозвище – Флибустьер. Его как магнитом притягивали опасные приключения. Дрейф на льдине по Москве-реке в семь лет, Бог весть где, найденная боевая граната, брошенная в костёр – в десять лет, единоборство с озверелым алкоголиком, попытавшимся поднять руку на Леночку, первую Лёшину любовь – в четырнадцать. Он получал травмы, но не сворачивал с опасного пути. Окончив лётное училище, брат стал лётчиком-испытателем.

Это произошло прямо у меня на глазах на авиашоу. Ма-

ленький серебристо-алый самолётик Лёши вошёл в пике и не вышел из него, на полкорпуса ввинтившись в землю.

Я смотрел на это и тупо глотал воздух, не имея возможности вдохнуть. Я просто забыл, как надо дышать.

Мы тогда с Верочкой только поженились. И вот она, в ту пору ещё студентка, вдруг сказала мне что-то совершенно неожиданное. Пока я озадаченно пытался понять сказанное женой, способность дышать как-то сама вернулась ко мне. Нет, горе не стало менее острым, но организм как-то перещёлкнулся и приспособился жить с этим горем.

Вот и сейчас Вера заявила, что среди нас находится тот, кто знает убийцу. Мы все, включая полковника, огорошено уставились на неё.

Потом Сазонов неуверенно спросил:

– Ты это серьёзно? Среди нас есть кто-то, кто знает эту мразь?

– Да. Видишь ли, сильные эмоции не просто так возникают у человека. Насколько мне известно, Кристине нанесли множество ран.

– Двадцать три, – глухо пробормотал полковник.

Он уже не пытался вырваться, а подавшись чуть вперёд, буквально впитывал слова Веры.

– Сам подумай, для того, чтобы нанести молодой красивой беременной женщине двадцать три удара ножом надо дойти до крайней степени озверелости. А это значит, что в организме убийцы произошёл запредельный выброс норад-

реналина. К сожалению, нам этот запах недоступен, а вот Бони, запомнил убийцу на всю жизнь.

– Это как? – Спросил Василий.

Мышцы него расслабились, и теперь он просто слушал, а Вера продолжала плести словесные кружева:

– Для животных запах норадреналина – это запах опасности, и собственный запах носителя этой опасности впечатывается в мозг.

– Но ведь ищейка след не взяла, – неуверенно возразил Сазонов.

– Я точно не знаю, но, кажется, реаниматологи применяют какие-то адреналиновые препараты. К тому же на месте преступления потопталось много людей, весьма взволнованных. От перепуганной насмерть акушерки, до реаниматолога, который нам чуть дверь не вышиб от злости на убийцу. Запахи их эмоций забили запах убийцы.

– Но как я найду убийцу? Ведь Бони не сможет мне ничего сказать.

– Не сможет. Он, возможно, смог бы опознать его при встрече, но я даже не представляю, как они могли бы встретиться. Но если Бонапарт смог унюхать мерзавца, значит, ещё кто-то мог заметить и запомнить эту дрянь. Пусть бессознательно. У животных на жизнеобеспечение работает восемьдесят процентов мозга, у нас значительно меньше. Но агрессора и человек может почувствовать. Пусть и не по запаху. Понимаешь, норадреналин, хоть и быстро распадается,

но не за минуту из организма выводится. К тому же за ним следует резкий выброс адреналина. А это значит, что кто-то мог заметить человека с резкими беспорядочными движениями, расширенными зрачками, вспотевшего на морозе, в конце концов! Убийца не воспользовался вторым лифтом. Он не мог дожидаться его рядом с умирающей женщиной. А это значит, он спускался по лестнице! С двенадцатого этажа! Кто-то мог его увидеть, услышать. Мы будем искать этого «кого-то». В доме, во дворе.

Мы с Верой женаты уже очень давно, но я до сих пор не могу понять, КАК она это делает. Ведь никаких уколов, таблеток, гипноза. Да и слова-то говорила самые обыкновенные. Даже не посочувствовала мужику разом потерявшему всю семью. А с Сазоновым реально что-то произошло. Он несколько минут просидел молча, глубоко дыша, потом сказал:

– Ну, вот, что, мужики, не будем девочек больше напрягать. Пошли ко мне, перетрём.

– Уверен? – Спросил Евгений насторожено.

– Да.

Мы спустились в квартиру Сазоновых. Здесь царил полнейший бедлам: разрытая постель, какие-то клочки ваты, шприцы и распахнутая, несмотря на мороз, балконная дверь.

Евгений бросился к этой двери, быстро закрыл её и встал перед ней.

Василий горько усмехнулся:

– Женька, не бойсь! Больше прыгать не буду.

Он предложил нам сесть у стола, прикрыл дверь в спальню с неприбранной постелью и следами отчаянных попыток врачей спасти Лилию Альбертовну. Потом сходил на кухню и принёс бутылку коньяка и три стопки. Плеснул в каждую понемногу и сказал:

– Ребята, по граммულке – и всё. Головы нам нужны ясные. Будем думать, как найти эту сволочь.

Мы выпили. Немного помолчали. Потом я, неожиданно для самого себя сказал:

– Ребята, он был в тёмном. Точнее, в чёрном и матовом.

– Почему? – Строго спросил Василий.

Я почувствовал себя неловко, сжался, но потом заговорил быстро и сбивчиво:

– Семь часов вечера. Народ массово возвращается с работы. Люди забирают детей с продлёнки, из детского сада, заходят в магазины. Я знаю. Мы с Бонькой всегда в это время гуляем. Народу, как на демонстрации. Двор освещён неплохо. Ещё снег свежий выпал. Белый. Яркий. Человека в окровавленной одежде не могли не заметить, а ваши коллеги, я уверен...

– Прошерстили, как следует, – буркнул Евгений.

– Человека в окровавленной одежде заметили бы! Но если она матово-чёрная, то при таком освещении, да ещё в метель с двух-трёх метров не разглядишь. Конечно, если специально присматриваться...

– Да кто же к нему присматривался! Действительно, вечер, люди спешат по своим делам, да и погода не располагает, – вздохнул Василий.

– Хочу дополнить портрет нашего фигуранта, – сказал Евгений, – у него руки, наверняка в крови были по локоть.

– Значит, он прятал их в карманы! – Крикнул я.

– А ещё глубокий капюшон! – Подхватил Евгений. – Он артерию перерубил, кровь ему на морду наверняка попала.

– Так... Кое что вырисовывается. Остаётся самая малость – найти окровавленную куртку чёрного цвета с капюшоном. Только где? – Василий обхватил голову руками.

Что-то меня сегодня понесло. Может, коньяк виноват?

– Убийца живёт недалеко, – предположил я.

– Почему?

Глаза Василия буквально буравили меня.

– На улице в рассеянном свете фонарей, в такую погоду, да с расстояния два-три, а то и пять-десять метров, он мог остаться незамеченным, но в транспорте в час-пик...

– Эх, так широко ребята не охватывали, – вздохнул Евгений.

– Я позвоню в управление транспортной полиции. Пусть хоть навскидку проверят, – сказал Василий.

– А я попрошу ребят дать информацию по телевидению, – добавил Евгений.

– А ещё я с Мансуром переговорю. Возможно, убийца сбросил нож где-то неподалёку, – задумчиво произнёс Васи-

лий.

Тут я опять немного отвлекусь и расскажу о Мансуре. Это наш дворник. Человек удивительный! Он сумел, буквально стать заботливым хозяином нашего дома и двора. К нему бегут ребяташки, потерявшие ключ, к нему обращаются бабульки с просьбой донести сумки. Когда нас с Верой свалил с ног тяжёлый грипп, а дочь с семьёй отдыхала в Египте, Мансур неделю гулял с Бонапартом, носил нам продукты из магазина и лекарства. Мансур – благородный и надёжный человек, и, разумеется, не откажется помочь.

Но я, честно говоря, не был уверен, что разговор с ним даст какие-то результаты. Наверняка, полицейские уже расспросили дворника. Но мы не в праве были упускать хоть какой-либо шанс.

– С Мансуром поговорим обязательно, – сказал Евгений, – теперь давай подумаем, кто мог напасть на Кристину. Я почти уверен, что никто из наших не мог.

– Однозначно, – согласился Василий.

Я неуверенно пожал плечами. Я не очень хорошо знаю соседей, хотя представить кого-то из них, как там Вера сказала: «в крайней степени озверелости», я, пожалуй, никого не смогу.

– Но если это чужак, как он попал в подъезд? – Спросил я. – У нас же домофон.

– Не домофон, а кодовый замок, – поправил меня Евгений.

– А какая разница?

– Домофоном можно открыть дверь гостям из квартиры, а у нас замок открывается только кодом или ключом.

– А, кстати, – пробормотал Василий, – никогда не задумывался, как попадают в подъезд посторонние. Та же «Скорая».

– Наверно, у них, как у полиции, пожарников, аварийщиков есть какие-то универсальные ключи. Ведь ситуации бывают разными, – пожал плечами Евгений, – а вот как попадают рекламщики – не знаю. Доставщикам пиццы или товаров из Интернет-магазинов при заказе надо сообщать код. А эти как пролезают?

– Кстати о «доставщиках». Вот вам и утечка информации. Скольким посторонним каждый из нас сообщал код замка. Вот так и теряется смысл в запирании подъездов, – хмыкнул Василий, – а мы деньги за «безопасность» платим.

– Моя Верочка всегда говорит, что запирать надо не честных людей, а преступников, – невпопад ляпнул я.

– Ага, запри их всех, – вздохнул Василий, – ладно, ребята, мы отвлеклись. Значит, принимаем за рабочую версию, что убийца – чужак. Кем он может быть?

– Может кто-то влюблённый в Кристину, – несмело предположил я, – увидел её в таком положении, и в нём ревность разыграла.

– Романтик, – хмыкнул Евгений.

– Не, Женька, не скажи. Конечно, художники все не от

мира сего (Сашок, не обижайся!), но убийство из ревности вполне возможно. Помнишь того идиота, который жене руки отрубил? А сколько мы с тобой менее громких, но не менее диких случаев знаем. А уж любовь там, или оскорблённые чувства собственника... Кстати, почему влюблённый в Кристину? Удары могла нанести и баба.

– Ладно, примем версию, как возможную. Хотя мне она не очень нравится. А если случайный грабитель. У Кристи что-нибудь украли?

– Ну, да. Цепочка у неё была золотая тоненькая с маленьким крестиком. Не Бог весть, какая ценность. Ещё сумку утащили. Там немного денег, мобильник, косметичка со всякой женской ерундой, обменная карта беременной.

– Зачем вору карта беременной? – Возмутился я.

– Может у него подружка рожать собралась, а у неё документы не в порядке? – Неуверенно предположил Евгений.

– Ерунда! – Отрезал Василий. – Там такие сведения индивидуальные: срок беременности, пол ребёнка, группа крови, резус. Сдохнешь, чтобы в десятку попасть. А вот серьги! Чёрт, забыл про них! Сколько раз Криске говорил, чтобы не надевала их!

– Что за серьги? – Заинтересовался Евгений.

– Дорогушие. Авторская работа. Аметисты в белом золоте. Крисе их Руслан на свадьбу подарил. Под цвет глаз подбирал. Дурачок! Лучше бы на ипотеку деньги приберёг. Мы первый-то взнос на «двушку» со сватами осилили, а дальше

вряд ли потянем.

– Влюблённые, они все на голову слабые, – вздохнул Евгений.

– А где сейчас Руслан? – Зачем-то спросил я.

– Я его к родителям отправил. Мне его истерик здесь не хватало.

– Описание этих цацек операм дал? – Деловито поинтересовался Евгений.

– Об этом они с Лилей говорили. Потом уточню. Серьги приметные. Если дать ориентировку скупкам, появится шанс сволочь поймать.

– Значит, «случайного грабителя» оставляем. Ещё версии есть? – спросил Евгений.

– Маньяк? – Предположил я.

– Ребята бы сказали. Такие дела на особом контроле, – ответил Василий.

– А если «крестник»? – встрепенулся Евгений.

– Возможно, – пробормотал Василий в ответ.

Я уставился на мужиков в полном недоумении. Предположить, что у молодой женщины мог оказаться вполне взрослый крестник...

Заметив мой обескураженный вид, Евгений поспешил пояснить:

– Понимаешь, Саша, иной раз причастность человека к преступлению можно достоверно подтвердить только данными экспертизы. Крестник – это человек, которого удалось за-

крыть, благодаря этим данным. Конечно, имя эксперта преступнику знать не положено...

– У нас много чего «не положено», – вздохнул Василий, – но частенько на это «не положено» некоторые кладут без зазрения совести. Значит, версию «крестник» тоже оставляем. Сейчас, предлагаю разойтись и немного выдохнуть, а часов с шести начнём поквартирный обход. Что-то меня Вера убедила, что этого гада мог кто-то приметить.

В пять часов за мной зашёл Евгений, и мы вместе отправились к Сазонову. Василий к этому времени уже знал примерное описание смертоносного лезвия и поговорил с Мансуром. Как и следовало ожидать, Мансур ничего нового не сказал, но ужасно расстроился, что не приметил убийцу – а ведь в это время он ещё чистил снег во дворе.

Зато при обходе квартир мы смогли найти свидетеля, который видел убийцу.

Нашего свидетеля звали Ярослав, отроду ему было семь лет. Говорил он с нами с разрешения бабушки и в её присутствии. Бабушка по мере его рассказа бледнела всё больше. Ещё бы, жуткий убийца почти рядом с внуком! Отделённый от него только дверью. А ребёнок был один!

Ярослав был мальчиком очень храбрым, но так получилось, что мама ещё не пришла с работы, а бабушка ушла «на полчаса» к заболевшей подруге. Да ещё эта метель... Нет, вы не подумайте, Ярослав совершенно не струсил. Он включил свет во всех комнатах и телевизор (бабушка всегда смот-

рит программу «Сегодня» по НТВ), а потом подвинул стул к входной двери и стал смотреть в глазок, ожидая маму и бабушку.

На этого человека умный ребёнок обратил внимание, потому, что дядька был странным. Он спускался бегом по лестнице откуда-то сверху. Топот был слышен ещё до того, как Ярослав увидел чужака. Дядька очень торопился, но не держался за перила, а прятал руки в карманах, так, что мальчику даже показалось, что у незнакомца вообще нет рук. И двигался незнакомец, по выражению пацана, «как в старых мультиках». Возможно, именно так, Ярослав пытался объяснить суетливые вихляния странного человека. Когда Евгений спросил мальчика, о времени, тот уверенно ответил, что новости уже шли.

Ярослав подтвердил, что дядька был в чёрной куртке с капюшоном, а вот лица его мальчик не разглядел.

Мы очень обрадовались этому свидетельству, хотя по сути, Ярослав лишь подтвердил то, о чём мы догадывались: странное поведение, цвет одежды, руки в карманах... Единственно, что было новым и важным, что ребёнок уверенно говорил о «дядьке». У меня от этой информации просто камень с души свалился, потому, как представить женщину, способную на такое богомерзкое убийство, было страшно.

Больше ничего в этот день нам выяснить не удалось. Не принёс новостей и следующий день, а вот вечер...

Василий зашёл к нам около десяти часов.

– Крестника взяли. В Калуге. Некто Буханкин. Осуждён за изнасилование и убийство молодой женщины в июне позапрошлого года. Решающим доказательством вины Буханкина были результаты экспертизы, проведённой Кристиной. Четыре дня назад бежал. Симулировал почечную колику и бежал из больницы ночью, тяжело ранив санитаря. При задержании в Калуге утверждал, что получил маляву о смерти матери и спешил на похороны. Ребята проверили: мать действительно умерла.

Выпалив всё это единым духом, он обмяк, как проколотый шарик, потом, с благодарностью принял у Веры стакан морса, жадно выпил и продолжил:

– В Москве никак не засветился. Отследить маршрут, по которому он двигался невозможно, билетов он, разумеется, не брал и паспорт в кассах не предъявлял. Одежда тёмная, но никаких следов крови. Также, никаких предметов, принадлежащих Кристине, при нём не обнаружено. Но!

Тут Сазонов значительно поднял указательный палец и продолжил:

– Совсем скидывать его со счетов мы не должны. Первое, женщина, которую он убил в позапрошлом году, была именно зарезана. Второе, по времени он мог быть в Москве позавчера вечером. Потом сбросить серьги и цепочку сообщнику, у него же переодеться и продолжить путь в Калугу. И третье, ребята с Петровки ещё раз расспросили Ярослава и выяснили, что убийца в нескольких местах потерял плечом о

стену, теряя равновесие, когда бежал по лестнице. Эти «по-тертости» нашли. Они подтвердили рост убийцы, ранее установленный по направлению ножевых ударов. Так вот, рост Буханкина точно соответствует росту убийцы.

В этом месте Вера тихо ахнула.

– Значит, поймали гада?

– Этого-то гада поймали, но имеет ли он отношение к смерти Кристины или нет – неизвестно. Сам он рассказывать об этом, понятно не собирается. А никаких зацепок у нас нет. Вот если бы был нож, или сумочка Кристи, где могли остаться его отпечатки.

– Пока ничего не удалось найти? – Спросил я.

Василий покачал головой. Потом горячо заговорил:

– Завтра Буханкина привезут в Москву. Если вы, ребята утверждаете, что Бонапарт может его узнать, Христом-богом прошу, дайте мне шанс! Если Бони опознает мерзавца, то зубами буду землю рыть, но нарою доказательства вины этого урода.

– Вася, ты хочешь привести убийцу сюда? – Спросила Вера испугано.

– Да нет, Вера, что ты. Да и никто мне этого не позволит. Этот Буханкин совершенный же отморозок. Ему человека убить, что высморкаться. Его никто в город не выпустит. Я о другом прошу. Дайте мне Боньку. Я с ним съезжу в тюрьму, и мы проведём негласное опознание.

– Вася, Бонапарт с тобой не пойдёт. Он ни с кем не пой-

дёт, кроме хозяев. Уж на что он Мансура знает, и то ему на руках приходилось Боньку на прогулку вытаскивать, когда мы болели. Конечно, ты можешь его скрутить силой. Но я не уверен, будет ли пёс способен опознавать убийцу, если все его помыслы будут о том, как избавиться от тебя и вернуться домой.

– Значит, ничего не выйдет? – Василий горько вздохнул.

– Значит, я должен буду пойти с тобой.

Вера тихо пискнула, и опустила на стул. Я сделал вид, что не заметил этого и продолжал:

– Да, в моём присутствии Бонька будет в состоянии опознать убийцу, но как это сделать технически, не знаю. Меня же в тюрьму никто не пустит.

– Это уже моя забота. Оpozнание будет, разумеется, неофициальным. А о том, как его осуществить и при этом обеспечить безопасность тебе и Боне, мы подумаем. Сейчас вся Московская полиция на ушах стоит. От патрульных до генералов. У нас, слава Богу, не каждый день сотрудников убивают. Да ещё так жутко.

На следующий день мы с Бонапартом поехали на опознание. Василий предупредил, что нам надо будет пройти мимо восьмерых мужчин, примерно одного роста и телосложения, одетых в тёмное. Убийца будет стоять в ряду ребят из спецподразделения, натасканных на задержание особо опасных преступников. Все они будут «скованы» в единую цепь наручниками. Точнее, прикован к охранникам будет только

Буханкин, на остальных наручники будут расстёгнуты, чтобы не мешать «оперативным действиям» при необходимости. Кроме того, Буханкина будет держать на прицеле снайпер.

Увы. Столь замечательно подготовленное опознание с треском провалилось. Мы дважды (на повторе настоял я) прошли мимо ряда мрачных мужиков, но шпиц никого из них не удостоил своим вниманием.

Мне было ужасно стыдно. Когда мы возвращались, я боялся поднять глаза на Василия. Впрочем, он и сам был мрачен, и со мной не разговаривал.

Вдруг у него зазвонил мобильник.

– Слушаю, – неприветливо рявкнул Сазонов, но тут же посветлел лицом и продолжил с другой интонацией – Кто? А где? Он вызвал полицию? Изъятие оформили? Ну, теперь мы прижмём гада!

Василий повернулся ко мне, и радостно объявил:

– Женька звонил! Мансур нож нашёл в подвале. Ребята уже оформили всё путём. Женька говорит, там отпечатков прорва. Теперь у нас есть материал.

Ага, если бы всё было так просто! Отпечатки пальцев Буханкину не принадлежали (выходит Бонька не ошибся) и в базе не числились.

Интересно, а как на самом деле в жизни сыскарям удаётся найти преступника. В кино бы «пальчики» сразу бы опознали! А у нас опять тупик!

Точнее, не совсем тупик. Ориентировки на уникальные серьги, золотую цепочку и мобильник были разосланы по всем скупкам, и если бы эти предметы проявились где-то, об этом сразу стало бы известно.

Когда я выразил сомнение по этому поводу, вспомнив, что украденный пару месяцев назад у Веры телефон полицейские даже искать отказались, мотивируя это безнадёжностью, Евгений заявил:

– Ты, Сашок не путай Божий дар с яичницей. Одно дело мобильник, утерянный или украденный тихо-мирно у пожилой женщины, а другое дело – вещдок кровавого убийства. Да скупщики наперегонки в полицию побегут, когда увидят его.

Также пробивались все знакомства Кристины и Руслана, а, заодно и старших Сазоновых. Проверялись все воришки нашего района и окрестностей. Просматривались записи с камер наблюдения на транспорте и на улицах, по которым мог убежать с места преступления убийца. Обо всём этом мне рассказывал Евгений.

Увы. Пока никаких результатов не было.

Сазонов мрачнел всё больше. Мы не знали, как ему помочь.

Кроме того, меня не оставляло неприятное чувство, что жестокий убийца бродит где-то рядом. Не то, чтобы я был таким трусом, но от этой мысли становилось не по себе.

Это произошло в воскресенье. Мы с Бонапартом отправи-

лись в дальнюю аптеку, потому, что именно там нужное Веру лекарство продавалось по самой приемлемой цене. Саму Веру я, по понятным причинам, из дома не выпускал.

Пурга, бушевавшая в начале недели, отступила, сменившись крепким морозом. К воскресенью столбик термометра упал до минус двадцати шести градусов. Ярко светило солнце, воздух, как это бывает в морозные дни, искрился. Мы с Бони топали весьма бодро, чтобы не замёрзнуть.

Вдруг меня охватила какая-то необъяснимая тревога. С чего бы это? Никаких видимых причин для этого не было. Погода замечательная, улицы в восемь утра морозного февральского воскресенья пустыньны. Только на автобусной остановке переминается от холода молодой человек. Может, охватившая меня тревога связана с ним?

Если вы полагаете, что на меня мрачно смотрел из глубокого капюшона чёрной окровавленной куртки криминальный тип, то вы ошибаетесь. Парень выглядел вполне нормальным, а куртка на нём была жизнерадостного ярко-зелёного цвета. На скамейке стоял специальный рюкзак, которым пользуются доставщики еды из Delivery Club.

Приглядевшись, я заметил, что парень как-то болезненно морщится и поёживается. Но он мог просто элементарно замерзнуть, или время уже поджимало, а автобусы у нас по воскресеньям ходят весьма нерегулярно.

Но взглянув на Бонапарта, я набрал номер Евгения.
– Женя, Боня, кажется, нашёл!

Потом до меня дошло, что убийца, если это действительно он, может меня услышать, и просто сбежать, а мой возраст и комплекция не позволят мне догнать молодого парня. Поэтому я решил укрыться в аптеке. Охранник, увидев собаку, решительно двинулся ко мне.

– Извините, – пробормотал я виновато, – мы сейчас уйдём. Просто мне показалось, что на остановке стоит преступник. Убийца, который зарезал во вторник молодую женщину.

– В «Ментовском доме» что ли? – Спросил охранник.

– Ага. Я его спугнуть боюсь. Сейчас позвоню, и уйду.

– Стой хоть до вечера, только в зал не заходи. А тут ты вроде, как спрашиваешь меня о чём-то, а я пока за красавчиком присмотрю.

– Женя, прости, что прервал разговор. Я перешёл в аптеку, чтобы не спугнуть парня ненароком. Бонька его опознал. У пса сейчас морда, уши, хвост точно такие, как тогда, когда он унюхал убийцу. Я не знаю, что мне делать. Парень, стоит на автобусной остановке «Школа». Это буквально в десяти метрах. Я не уверен, что сумею его задержать, да и Бони мне в этом не помощник.

– Стой, где стоишь, Надя звонит Василию. Он сейчас нас с тобой слышит. Ты спокойно опиши, кого вы там с Бонькой нашли. Если подозреваемый двинется, скажи в какую сторону. Дальше уже наша работа.

Вот и всё. Убийцу взяли. Поначалу он, конечно, отпирал-

ся. Но собранные доказательства: отпечатки пальцев на ноже, чёрная куртка, найденная у него дома, хоть и стиранная, но сохранившая следы крови, дорогая сумка Кристины с её документами и картой беременной, почему-то не выброшенная убийцей, были неопровержимы.

Он оказался наркоманом. Убив Кристину, он тут же загнал барыге, жившему неподалёку, сорванную с шеи несчастной, золотую цепочку, и разжился вождеденной отравой.

Барыгу, не побрезговавшего окровавленной разорванной цепочкой тоже задержали. Надеюсь, что и этот паук получит по заслугам.

Детектив с енотом

Я ненавижу енотов!

– Нет, нет, Эсмеральдочка, тебя я очень люблю. Сейчас мы с тобой сделаем промывание желудка, а там и доктор Женя приедет, даст тебе таблеточку и животик болеть перестанет. Эсмеральдочка хорошая, Эсмеральдочка у нас замечательная. И где ты только эту пакость отыскала, паршивка?

Это я плохих енотов не люблю, точнее не считаю их домашними животными. Представьте себе десятикилограммового хищника очень умного, очень ловкого, с маской гангстера на морде, гибкостью прирождённого форточника и лапами профессионального взломщика. Для очаровательной Эсмеральды не существует закрытых окон и дверей. Щеколды, крючки, задвижки, шпингалеты – для этого создания просто игрушки.

– Да не крутись ты, чудище бестолковое! Надо скорее вымыть всю эту дрянь из твоих кишочков, в то доктору Жене и лечить будет некого.

Нет, одной мне не справиться. Слишком Эсмеральда бодра для умирающей. Ещё и кусается!

Я схватила мобильник.

– Ленка, срочно беги ко мне!

– Тётя Ира? – Отозвался сонный голос. – Тётя Ира, ты на часы смотрела? Сейчас, к твоему сведению, шестнадцать

минут четвёртого. Ночи, осмелюсь напомнить. В такое время приличным девушкам не звонят.

– Дуй ко мне, приличная девушка! Эсмеральда умирает!

– Бегу!

Вдвоём нам удалось наладить систему промывания, при этом "умирающая" так вопила и визжала, что моя фокстерьерка с пышным именем Фокстрот крутилась у наших с Ленкой ног, время от времени деликатно покусывая за пятки, напоминая, что животных мучить нельзя.

В это время в дом вошёл ветеринар Евгений Васильевич Седых. Фокстрот бросилась на него со злобным лаем, по собственному опыту зная, что ничего хорошего от ветеринаров ждать не приходится.

Доктор Женя небрежно отодвинул, захлёбывающуюся лаем, собаку и шагнул к столу.

– Ну что тут у вас?

– Подозреваю отравление крысиным ядом. Судя по симптоматике – крысидом.

– Где она его достала, поганка этакая?

– Спроси у неё.

Я начала не с начала, поэтому многое придётся объяснять в наших весьма запутанных отношениях. Пожалуй, пора исправить эту ошибку.

Жили-были две девочки: Машка-Ромашка и Ирка-Пронька. Нас так с самого детства и называли. Машка была

хорошенькая: круглое чистое личико окружённое венчиком светлых волос, огромные голубые глаза, опушённые роскошными ресницами, ладная фигурка. Мало, кто проходил мимо, не обратив внимания, на это чудо.

Я же была совершенно другая. Узкая мордашка с тёмными, почти чёрными глазёнками, мышиного цвета волосы, тельце, скорее подходящее кузнечику, а не человеку. Основным моим свойством, за что я и получила своё прозвище, было неуёмное любопытство. Я исследовала окружающий мир всеми, доступными мне способами. О своих открытиях, полученных путём наблюдений или вычитанных из книг, я делилась с Машкой. Так слушать, как Маша, не умел никто. Она ходила за мной, открыв рот, так ей было интересно. Иногда к нашему дуэту пытался примазаться кто-нибудь ещё, но подруга ревниво отгоняла всех – мои рассказы должны были принадлежать только ей.

Все детсадовские и школьные годы нас невозможно было представить по отдельности, но потом судьба, как это часто бывает, развела нас. Нет, мы никоим образом не ссорились, более того встречались при первой же возможности, но к сожалению этих возможностей становилось все меньше.

Я поступила в медицинский институт, Машка – в юридический. Почти одновременно мы вышли замуж. Я за профессора Кирилла Петровича Величевского, с которым мы сошлись на теме трансплантологии новорождённых, а Маша – за недавно овдовевшего богатого ресторатора Михаила Сер-

геевича Громухина, у которого за два года до этого конкуренты убили беременную жену. Потом у нас с Кириллом родился Илюша, а у Михаила с Машой через месяц родилась Леночка.

Мы с Кирюшкой иногда подумывали о втором ребёнке, но всё было как-то некогда. Ординатура, аспирантура, кандидатская диссертация, потом докторская. Причем, чем больше я углублялась в тему, тем более интересные горизонты открывались. Пятеро аспирантов, которые работали со мной, чуть не в глаза называли меня ведьмой, обвиняли в отсутствии у них личной жизни и нормальной работы органов пищеварения. Кирюшку я вообще почти не видела, он шлялся по разным международным конференциям, как бездомный пёс по помойкам, но клятвенно обещал мне сделать ребёнка по скайпу, едва мы совпадём по времени, которое можно считать приличным для этого процесса.

Миша с Машей на всякую ерунду не отвлекались, и вскоре осчастливили человечество близнецами Гришкой и Маришкой. При появлении этих малышей Машка-Ромашка и забыла всю эту юриспруденцию, как страшный сон и занялась исключительно детьми. Её детишки – красивые, умненькие, воспитанные просто украшали собой наш несовершенный мир. Я любовалась ими, и думала, а может быть надо жить так.

Но снова вылезала какая-то проблема, и надо было заниматься ею.

Маша была уже немолода, когда решилась на четвёртого ребёнка, и тут судьба, до этого баловавшая эту семью, решила, что пришло время сделать гадость. Никишка родился с тяжёлой патологией почек.

Можете обвинять нас в своячестве, в особом отношении к друзьям и прочим грехам, но мы с Кириллом подняли на уши всех, и кратчайшие сроки нашли девочку-отказницу, чьи показатели идеально подходили Никите.

Операцию проводил сам Кирилл, и, разумеется, она прошла удачно, потому, как у Великого Трансплантолога Величевского неудач ещё ни разу не бывало, а девочку Громухины тут же удочерили, и хотя она была явной мулаткой, называли Наташенькой.

К чести Михаила и Маши никаких различий между детьми они не делали, а любознательным, интересующимся, а что это у них Наташенька такая смугляшка, отвечали, что так было угодно Богу.

Мы же с Кирюшкой так и ограничились одним Ильёй.

А потом беда пришла и в наш дом.

Я ненавижу горы: ледники и пики, трещины и карнизы, ломанные вместе с ногами лыжи. Я ненавижу этот чёрно-белый ад, где ожоги можно получить от снега, ослепнуть от солнца, а, кому и этого не хватило заработать какую-то паршивую горнянку.

А ещё там бывают лавины.

Но Кирилл сам страстный поклонник горнолыжного спорта и Илейку приучил к этому безумству с четырёх лет. Поэтому наше семейство, вместо того, чтобы валяться где-нибудь на пляжах Турции, Египта или Испании, с упорством идиотов дожидалось зимы и тащилось "загорать" куда-нибудь на Домбай, Алатау или Эльбрус. А однажды они решили поехать во Французские Альпы.

Я, конечно, всегда ездила с ними, потому, как проводить отпуск отдельно от мужа, с которым и так редко встречаешься просто глупо. Мои мужчины много раз уговаривали меня встать на лыжи, но меня не вдохновляла перспектива получать травмы, таким образом, и пока они там что-то покоряли, я сидела с книжкой в гостинице.

Эта лавина сошла неожиданно.

Точнее, её ждали, но где-то совсем в другом месте. На трассе в это время было девятнадцать человек.

Троих просто каким-то чудом отнесло в сторону. Ребята изрядно поломались, поцарапались, один из них потерял глаз, но все они остались в живых.

Остальных искали долго: с собаками, какими-то щупами и приспособлениями, похожими на миноискатели

Нашли одного живого. Лучше бы не находили. Я как хирург за такую отбивную не взялась бы. Ещё нашли несколько фрагментов, но всё это были чужие мертвецы.

Миша с Машей отыскивали меня на склоне, на месте схода лавины, где я пыталась вручную откопать своих мальчиков.

Поисковые работы давно закончились, а за мной утвердилась слава местной сумасшедшей.

В тот же вечер меня перевезли с Москву, но едва я переступила дверь собственной квартиры, я села на порог и заплакала. Оказывается, я не плакала уже несколько месяцев, но сейчас как-то сразу вспомнила, как это делается. Я выла и хрюкала, визжала и рычала.

Кирилл и Илюшенька остались в этих чёртовых Альпах навсегда, но в нашей квартире всё напоминало о них.

Вот здесь Илейка раздавил три (!) мобильных телефона, потому, как профессор Величевский никак не мог нормально положить аппарат на тумбочку, и они у него регулярно соскальзывали на пол, а сын многоумного профессора под ноги не смотрел никогда.

А вот здесь я уронила кастрюльку с кипящим бульоном на диссертацию, представленную профессору на отзыв. А потом всю ночь перепечатывала творение юного дарования, в особо размытых местах, вставляя свои мысли. Профессор Величевский подмены не заметил и дал положительный отзыв. Защита прошла на "ура".

А на этом холодильнике вечно были приколоты магнитиками записки: «Иришка, срочно улетаю в Швейцарию, когда будет возможность – позвоню».

«Мальчики, вызывают в Зеленоград. Сложный случай. Будут звонить с работы – давайте телефон Катеньки. Я буду в операционной».

«Родители, жратвы оставьте, а то я Веру Васильевну скоро съем с костями».

Из-за этого стола, накрытого к новогоднему банкету, Кирюшка, давась ветчиной, выскочил из-за стола с воплем: «Шканцевой донора подобрали!»

А потом, сидя в луже шампанского у этого же стола, ревел, как раненный медведь: «Ну как эти бабуины не смогли определить группу крови?! Это же студенты-первокурсники делают без ошибок, а эти уроды так упились, что странно, как кровь с мочой не перепутали».

А потом мы поехали во Францию.

* * *

По возвращению в Россию лечиться пришлось долго. А когда я накачанная всякими препаратами по самые уши, вышла из клиники, Маша и Миша встретили меня, и пока мы ехали на машине, Михаил небрежно обронил, что оформил на моё имя гостевой домик в своей усадьбе.

Домик был просто очарователен. На первом этаже – небольшая прихожая, раздевалка для верхней одежды, санузел и кухня, совмещённая со столовой. Всё маленькое, но очень продуманное уютное и удобное. На втором этаже находились две крохотные спальни, гардеробная, ванная и туалет.

Когда я немного отошла от активного лечения психиатров и стала похожа на человека, а не на тухлый кабачок, прежние коллеги помогли мне устроиться хирургом в неболь-

шую местную больницу, что обеспечило мне экономическую независимость. Но Маша и Михаил постоянно звали меня к столу, или просили свою экономку "по пути" прихватить продуктов на мою долю, "забывая" взять за них деньги. Иногда мы с Машей и Леной устраивали совместный шопинг, и всегда Маша, несмотря на мои возражения, расплачивалась своей картой, утверждая, что это удобнее, так, как у неё во всех этих бутиках такие скидки и бонусы, что ей скоро будут привозить деньги на дом. За свои деньги я смогла купить украдкой только домашние тапочки.

Казалось бы, живи – и радуйся. Рядом настоящие друзья. Прекрасные бытовые условия. На новой работе я быстро сумела добиться уважения и симпатии коллег, да и сотрудники со старой работы меня не забывали, регулярно звонили, интересовались моей жизнью, консультировались по каким-то рабочим вопросам, а то, и заваливались в гости по поводу и без повода.

Тем не менее, каждое утро я просыпалась с одной мыслью: "Когда же я, наконец, умру?"

Нет, речь ни в коем случае не шла о суициде. Уйти из жизни добровольно – это обидеть, огорчить и даже предать всех тех людей, которые любили меня, боролись за меня, как-то пытались помочь.

Но ведь смерть может быть и случайной: пьяный мажор за рулём, упавшая с крыши сосулька, грипп, какой-нибудь экзотический, от которого за три дня сгореть можно. Вот та-

кой смерти я ждала, просыпаясь, каждое утро с одной и той же мыслью «Ну, когда же я, наконец, умру?» Просто в моей жизни больше не было смысла, так зачем зря небо коптить?

Но однажды на день моего рождения Маша принесла мне в подарок нечто, завёрнутое в белую пуховую шаль. Когда я развернула шаль, то внутри неё оказался крохотный белый щенок с ещё мутноватыми по-щенячьи, но очень умными глазками, и мокрым чёрным носом.

– Это фокстерьер, девочка – объяснила Маша, – не удивляйся, что беленькая. Ей только месяц, а пятна будут появляться позже.

Это создание свободно помещалось на ладони. Малышку не хотелось выпускать из рук, ну разве только для того, чтобы покормить или дать возможность сделать смешную лужицу, размером с пятирублёвую монетку.

В то утро, когда я проснулась, оттого что в щёку мне ткнулся мокрый нос, я в первый раз не подумала о смерти.

Собачку звали Фокстрот, и Троша, Трошенька совершенно изменила мою жизнь.

В доме Громухиных обожали животных и у всех были свои любимцы. Глава семьи души не чаял в своих мраморных датских догах. Виконт и Барон отвечали ему такой же любовью, прислушиваясь даже к дыханию своего хозяина, чтобы без малейшей задержки выполнить любой его приказ.

Маша обожала кошек. Так и вижу её в глубоком кресле с кошками: на коленях Алиса, самая старшая, и потому зани-

мающая почётное место, на подголовнике – Власта, на подлокотниках – Зося и Агнешка, а самая младшая, ещё почти котёнок – Душка на ногах, обутых в пушистые тапочки.

Алиса была кошкой из Машиного детства. Ей было уже почти тридцать лет. Её одолевали старческие недуги, но Маша признавалась, что просто не представляет, как жить без Алисы. В своё время Алиса стала для Маши, той же спасительной соломинкой, как для меня Фокстрот. Когда Маше было неполных двенадцать лет, её отец утонул, и мудрая тётя-психиатр, подсунула рыдающей девочке еле живого котёнка, которого надо было выхаживать. Забота о беспомощном существе помогла лучше любых препаратов и сеансов гипноза.

Надо ли говорить, как любила Маша старую кошку?

Гришка обожал всякую, с моей точки зрения, нечисть: поющие розовые тараканы, огромные пауки с волосатыми ногами и скорпион. Я в его комнату старалась, ни под каким видом не заглядывать. Но однажды, когда мальчонку сразил ротавирус, а, спешащая к нам «Скорая» попала в аварию, и на дороге образовалась большая пробка, я провела среди этих тварей несколько часов. Потом горстями глотала валерьянку и несколько ночей спала, не выключая свет в комнате.

Маришка любила птиц, и у неё был ручной попугайчик Фламбо. А ещё Мариша стала довольно известным в своей среде блогером, и вела свой блог от имени Фламбо.

Наташа и Никита пока не имели персональных любим-

цев, потому как родители считали их ещё слишком маленькими для такой ответственности. Поэтому просто любили всех животных в доме, и те отвечали им взаимностью.

У Лены тоже была любимица маленькая пучеглазенькая собачка неизвестной породы, которую четырёхлетняя девочка отбила у недоумков, развлекающихся издевательствами над пёсиком. Характер у Леночки был Громухинский. И при необходимости этот милый ангелочек мог прийти в такую ярость, что даже у полных дебилов срабатывал инстинкт самосохранения. Собачка прожила в холе и неге почти восемь лет, а после её смерти Лена вдруг решила завести енота. Её сначала отговаривали от этой авантюры, но когда крошка-енот появился в доме, все пришли в такой восторг, что малютка стала всеобщей любимицей. Енотик оказался девочкой, получил пышное имя Эсмеральда

Правда, всё это произошло ещё до моего появления в усадьбе Громухиных. А к тому времени, когда я поселилась в гостевом домике, Эсмеральда из всеобщего умиления превратилась в общесемейный кошмар. Вырвать из рук, поднесённую ко рту конфету, перекопать свежестеленное бельё на кровати, на свой вкус перелопатить важные документы на Мишином столе – это были ежедневные мелкие шалости, к которым Громухины быстро привыкли и почти перестали обращать на них внимание. Но Эсмеральда не собиралась останавливаться на достигнутом. Она могла включить ночью телевизор на полную громкость, открыть холодильник и по-

хозяйничать там, покопаться в хозяйской аптечке, перемешав разноцветные таблетки, и многое другое.

Собаки и кошки старались держаться подальше от этого чудовища.

Как-то раз енотиха навестила и меня. Пока я была на работе, трудолюбивая зверушка разобрала по листочкам второй том Большой медицинской энциклопедии и отправила все это на стирку в унитаз.

От сантехника, вызванного мною утром, я узнала много интересных и новых слов.

Так мы прожили около трёх лет, потом у Маши обнаружили рак поджелудочной железы. Перепуганный страшным диагнозом, Миша тут же отправил Машу в одну из самых прославленных клиник в Германию.

Маше очень не хотелось уезжать так далеко от дома, она очень волновалась за детей, хотя у младших была няня, а опытная домоправительница Лидия Львовна могла справиться с целой шайкой разбойников и взглядом остановить ураган, если по её мнению, это угрожало благополучию и спокойствию семейства Громухиных.

Миша разрывался между бизнесом и клиникой, где лежала Маша, стараясь хоть несколько часов выкроить для того, чтобы навестить жену.

В один из таких дней в доме Громухиных и появилась эта женщина.

Мне этот день запомнился сложной операцией. Проклятый аппендикс в нескольких местах пророс сквозь брыжейку, и мой маленький пациент потерял уйму крови. Когда, наконец, опасность для жизни миновала, и мальчика увезли из операционной в реанимацию, я поволоклась домой. Трясаясь в автобусе я мечтала, что дети выгуляли Трошу, а я сейчас быстренько покормлю её, заварю себе «Доширак» потом приму душ и нырну в постель. Болела спина, плечи, руки. Перед глазами плавали яркие мушки.

Но дома меня ожидал сюрприз. Забившись в уголок дивана, и прижимая к себе Трошу, словно пытаюсь отгородиться собачонкой от чего-то страшного, сидел мрачный Никитка.

Ко мне часто приходили дети Громухины, то просто поболтать или попить чаю, то посоветоваться, как поступить в сложных случаях, чтобы не слишком огорчить маму и папу. Но сейчас по Никишкиному лицу я поняла, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Первая мысль была, конечно, о Машке. Онкология – болезнь такая, что будь ты хоть трижды гениальный врач, а оборудование и препараты под рукой самые-самые, но гарантии на благополучный исход дать очень трудно.

– Папа звонил? – Спросила я самым небрежным тоном, внутренне сжавшись от страха.

– Да, они сегодня с мамой даже смогли погулять в саду. Он завтра прилетит утренним рейсом и сразу на работу. А к нам приехала Баба-Яга.

– Никитка, ну какая Баба-яга? Ты же на будущий год уже в школу пойдёшь. Пора бы уже понять, что Баба-Яга бывает только в сказках.

– А вот и не в сказках! Она настоящая! Её даже Лидия Львовна боится. А Ленка, вообще, сбежала. А про Наташку эта ведьма сказала, что это приبلуда черномазая и её нельзя любить. А что значит «приبلуда черномазая»?

– Это значит, что я сейчас пойду к вам в гости и поговорю с вашей Бабой-ягой.

– Тётя Ира, а ты её не боишься?

– Единственно, кого я боюсь, это Гришкиных волосатых пауков. А Баба-Яга пусть сама меня боится.

По дороге к дому Громухиных мы встретили заплаканную (!) Лидию Львовну. Я в первый раз увидела эту "железную леди" в таком состоянии.

– Лидия Львовна, здравствуйте. Я уже знаю о вашей неприятной гостье. Но как она в дом-то попала? Может, вызовем полицию, и пусть её под белы ручки из частного владения удалят.

– Нельзя полицию. Ей же Михаил Сергеевич сам разрешил в доме поселиться.

– Видно Машина болезнь ему мозги набок свинтила, – возмутилась я, потому, что довести до слёз Лидию Львовну могла только настоящая ведьма.

– Так ведь как получилось, – Лидия Львовна семенила рядом со мной, вводя в курс дела, – Михаил Сергеевич уже

одетый у дверей стоял, чтобы в аэропорт ехать. Тут звонок. Он сам дверь и открыл. А там это чучело стоит. "Мишенька, ты меня помнишь? Я твоя тётя Ада из Кемерово?" Ну, он ей в ответ пробурчал что-то. А она: "Да, да, я специально приехала помочь тебе в твоём ужасном положении". А он мыслями-то далеко, вот он этой тётке и говорит: "Проходите, вас Лидия Львовна устроит". А как же теперь можно полицию вызывать, если хозяин ей сам разрешил?

– Ладно, пошли, попробуем что-нибудь сделать, – мрачно сказала я, хотя общаться с неприятной тёткой мне сейчас хотелось менее всего.

Лидия Львовна, глотая слова, торопливо рассказывала:

– Лене она сказала, что, дескать, девочка накрашена безобразно и одета неприлично, и если она срочно не исправится, то станет проституткой.

– Возможно, в Кемерово другая мода, – пробурчала я сквозь зубы, – по-моему, Лена одевается также, как большинство девушек её возраста.

– Лена, попыталась это объяснить, но тётушка заявила, что желает её только добра, поэтому будет воспитывать. Потом ещё и целоваться полезла. Лена убежала из дома. Она сейчас у Бровицких. Наташеньку эта ведьма обозвала отвратительной чумазой обезьяной. Наташа и Никита были с няней. Надежда Владимировна, естественно возмутилась, и посоветовала этой ведьме быть аккуратнее в выражениях, особенно, если речь идёт о детях хозяев дома. Но в ответ услы-

шала такое, что не нашла слов для ответа и вместе с девочкой заперлась в Наташиной комнате. Кажется, обе плачут. А Никитка к вам убежал. Горничные все попрятались, кухарка увольняться хочет – эта из Кемерова обед блевотиной назвала прямо за столом, Маришку чуть не стошнило.

– Да уж повезло вам невероятно.

Я решительно распахнула дверь. Лидия Львовна и Никитка прятались за моей спиной, только Фокстрот гордо вышагивала впереди, потому что фокстерьеры никого не боятся. Мы миновали прихожую, просторный холл и вошли в уютную гостиную Громухиных, где обычно по вечерам у камина собиралась вся семья. Сейчас я с неудовольствием заметила, что незваная гостья заняла любимое Машино кресло. Все кошки разбежались, кроме полуслепой Алисы, которая попыталась вскочить неприятной Кемеровской тётушке на колени. Наверно, это была не первая попытка старой кошки, потому, как ведьма очень ловко ударила беднягу в живот. По всему было видно, что она "пристрелялась".

Гриша и Мариша прятались под лестницей, не решаясь оставить гостью без присмотра, но при этом, стараясь не попадаться ей на глаза.

– Мариша, – сказала я, – унеси, пожалуйста, Алису в мамину комнату и запри там.

– Она там будет плакать одна, – возразила Маришка, прижимая Алису к себе.

– Подумаешь, плакать она будет – рыкнула гостья, – да

эту плешивую вонючую тварь давно пора было утопить. Как можно такую гадость в доме держать? Одна зараза от неё.

Надо признать, что годы наложили на кошку свой отпечаток, почти от середины спины и до хвоста бедняга полысела, к тому же она часто непроизвольно писалась. Конечно, за ней ухаживали, мыли, протирали, но до конца избавиться от запаха было невозможно.

– Унеси кошку в Наташину комнату. Там Надежда Владимировна и Наташа её приласкают, – посоветовала я.

Тут, наконец, тётушка обратила внимание на меня.

– Припёрлась. Что же это такое?! Никакого порядка в доме. Уже восемь, а дети не в постели, в доме посторонние шляются. Ты кто такая?

– Я соседка Громухиных, Ирина Анатольевна Величевская. Доктор медицинских наук, профессор, – попробовала я задавить хамку авторитетом.

– Доктор, значит. Давление мерить умеешь?

– И давление могу померить, и ампутацию провести. Обращайтесь.

– А зачем ты пришла?

– А зачем вы приехали?

– Я-то со святой целью приехала: Мишеньке, племянничку моему троюродному с сиротками помочь, – завопила дама с интонацией профессиональной кликуши.

– Простите, а где вы нашли сироток? Операция у Марии Антоновны прошла успешно, лечение идёт нормально своим

чередом. Сейчас будет проведён курс химио- и иммунотерапии и Мария Антоновна вернётся домой. Михаил Сергеевич тоже жив и находится в добром здравии.

– Ещё неизвестно, выживет ли Машка после этой терапии, говорят, многие коньки отбрасывают, а во-вторых, можно ли жить в таком бедламе. Дети, как беспризорники, зверьё по дому шляется. То кошки лишайные, то собаки, которым место во дворе на цепи. Это вот что за безобразие? – Кивнула она на догов, смущённо забившихся за диван.

– Это собаки Михаила Сергеевича. Очень породистые и очень дорогие. Их специально для него из Дании привезли.

– Ему что деньги девать некуда?

– Я полагаю, это не наше с вами дело.

– А это что ещё за крыса бегаёт?

– Это не крыса. Это енотиха. Будьте с ней поаккуратнее, она всё понимает, и может сделать вам какую-нибудь гадость.

– А я это не стерплю и придушу гадину.

– Вряд ли вы сможете справиться с разъярённым енотом.

– Не дом, а чистый вертеп. Тьфу! Смотреть противно.

Ага, пора милую даму дожимать.

– А ещё в доме есть ядовитые пауки размером с тарелку. Гриша занимается их изучением и уже опубликовал две статьи в серьёзном научном журнале.

– Это кто же разрешил такую пакость в доме держать? Я в ювенальную юстицию сообщу. Ребёнка к такой дряни под-

пускать!

– Гриша умеет с ними обращаться и держит своих питомцев в специальных террариумах.

Держит-то, держит, но был у нас однажды случай...

Обычно Гриша запирает свою комнату, но тут к нему пришёл кто-то из друзей, и наш Гришаня расслабился. Всего минут на десять-пятнадцать, но Эсмеральда, которая пожирала малину в дальнем конце сада, среагировала мгновенно, проникла в комнату и выпустила всех пауков. Обе горничные, няня, повариха и её помощница убежали в гараж и заперлись там, в Машином Пежо. Наташу и Никиту, ввиду их нежного возраста к ловле ядовитых тварей Маша не допустила. Маришка самоустранилась, заявив, что умрёт от страха. А Лена, как всегда, куда-то незаметно исчезла в самый ответственный момент. Таким образом, в охоте на пауков принимали участие мы с Машей и Лидией Львовной, Гриша и садовник Юрий Васильевич. Правда, последний, "случайно" раздавивший одного из пауков был с позором исключён из команды ловцов. К великой, как я полагаю, его радости.

К счастью удалось отловить всех. Одного поймала я, накрыв пластиковым ведром, троих Маша завернула в полиэтиленовый дождевик, остальных специальным посвистом собрал Гриша. Оказывается, они были ручными. Правда взять эту "ручную" тварь в руки я не решилась бы и под дулом пистолета. С тех пор, на всех террариумах появились навесные замки. Пользоваться ключами Эсмеральда, к сча-

стью, пока не научилась

Ну, будем дожимать милую гостью.

– Я предлагаю вам переехать в хорошую гостиницу. Мне кажется, что там вам будет удобнее. Вы из Кемерово как добирались? Самолётом?

– Откуда же у меня деньги на самолёт? Мне собак из-за границы не привозят. Поездом, конечно.

– Я вам сочувствую. Это так неудобно. Вы, наверно, очень устали. А в гостинице будет тихо, ни детей, ни животных. Разумеется, и хороший номер и все ресторанные счета мы оплатим. А когда Михаил Сергеевич вернётся, вы обсудите с ним ваши планы, потому, как мы-то на это не уполномочены.

– А когда Мишка вернётся?

– Возможно, дней через пять, но вернее всего, через неделю, – бесстыдно соврала я, но никто из присутствующих не стал опровергать мою ложь.

Гостья задумалась. Думала она долго. Зачем-то встала, походила по комнате, подошла к окну и провела ногтем по стеклу, отчего мы все дружно вздрогнули, потом подошла к стене и стала рассматривать висящие там картины. Когда она проходила мимо дивана, бедные доги постарались максимально ужаться. Несчастные интеллигентные собаки, готовые без страха броситься на любого зверя или вооружённого бандита, были бессильны перед хамством. Только Фокстрот не испытывала никакого страха и с нахальством, характерным для её породы, даже не сдвинулась с места, ко-

гда неприятная тётка прошла в непосредственной близости. Троша только молча оскалилась, намекая, что её хвост тоже является предметом неприкосновенным, и наступать на него не следует.

Пока гостя бродила по комнате, размышляя над моим предложением, я торопливо прикидывала в уме, хватит ли у меня денег на обещанные блага. Ладно, в крайнем случае, займу у нашего главврача. Громухины столько делают для больницы, что он не пожалеет денег на сохранение покоя в их доме.

Побродив по комнате, тётушка плюхнулась в кресло так, что пружины жалобно зазвенели. Ну да, тушка-то у неё на центнер потянет, если не больше, а Маша даже после стольких родов весит пятьдесят шесть килограмм.

– Нет, никуда я не поеду. Как я детей одних оставлю?

– У младших детей есть опытная няня, старшие дети вполне самостоятельны, к тому же Лидия Львовна...

– Это всё наёмная прислуга, – прервала Кемеровская тётушка, – А я – родная кровь. Я вот смотрю – тут никакого порядка. Дети, как беспризорники. Что значит, должного присмотра-то нет. Старшая девка, явно, на панель бегаёт, а черномазую, Машка неизвестно где нагуляла, пока Мишенька на работе горел.

– У Наташи просто очень редкое генетическое изменение, называемое меланизмом. Это совершенно безопасно для её здоровья и незаразно для окружающих.

Эх, зря я про «незаразно» сказала! Наоборот, надо было неприятную гостью напугать. А отсутствие «болезни» у остальных членов семьи объяснить постоянным приёмом лекарств.

– Простите, не знаю, как вас величать...

– Аделаида Панкратовна.

– Аделаида Панкратовна, поймите, всё, что происходит в доме, делается с ведома и одобрения родителей. Михаил Сергеевич и Мария Антоновна взрослые умные люди, и сами знают, как надо воспитывать своих детей. Вы чужой человек, и ваше вмешательство может только внести разлад в семью, тем более в такой сложный период, когда мама в больнице, да ещё в другой стране.

– А ты, по какому праву здесь командуешь? Ты кто, вообще, такая? Небось, рассчитываешь, что Машка помрёт в своей загранице, а ты Мишкины миллионы приберёшь? Ошибаешься, ничего у тебя не выйдет! Есть у Мишеньки и его детишек защитник – это я!

Она широко перекрестилась на икону Николая-угодника. Громухины верующие люди, и почти в каждой комнате висят иконы.

– И вообще, вали отсюда, пока я полицию не вызвала! Соседка нашлась. Доктор. Ворюга, небось.

– Тётя Ира ближайшая мамина подруга. Они с детства дружат, – отважно вступился за меня Гриша.

– А ты, щенок, вообще молчи, когда взрослые разговари-

вают. А то по попе получишь!

Она попыталась шлёпнуть мальчика, но тут Барон и Висконт вспомнили о своих обязанностях телохранителей и, глухо рыча, двинулись на агрессивную гостью.

– Вот, я говорила, что собакам в доме не место. Немедленно посадите их на цепь, пока они ребёнка не задрали! – Завизжала Аделаида Панкратовна, отступая к лестнице.

– Пойдёмте, я провожу вас в вашу комнату, – вздохнула Лидия Львовна, – туда собаки не зайдут. Я, полагаю, вам будет спокойнее поужинать в своих апартаментах. Я всё принесу вам через двадцать минут.

Лидия Львовна увела гостью в приготовленную для неё комнату, а мы с Гришкой и Никишкой беспомощно переглянулись. Такого фиаско мне ещё не приходилось испытывать.

– Гришенька, – заискивающе прошептал Никитка, – может, ты подсунешь ей в комнату какого-нибудь из своих пауков или скорпиона.

– Да ты что? – Возмутился Гриша. – Они же живые, хорошие, а эта Баба Яга их убьёт.

– Неужели у папы может быть такая родственница, – удивлённо пробормотал Никита, – я думал они все добрые, как дедушка с бабушкой или тётя Люда с дядей Сашей и Юликом.

Тут, крадучись, спустилась по лестнице Марина, и почти сразу едва слышно хлопнула входная дверь, и в гостиную бесшумно, как тень просочилась Лена.

Через несколько минут появилась и Лидия Львовна.

– Ну, что делать будем? – Спросила Лена.

– А, может, её запереть где-нибудь? – Предложила Марина.

– Маришенька, ты же знаешь, что снаружи у нас запираются только папин кабинет и Гришенькина комната. Но, ни к бумагам Михаила Сергеевича, ни к Гришиным питомцам эту фурию подпускать нельзя. А из остальных помещений у нас запираются только туалеты и ваннные комнаты, и те изнутри. Я отвела её в гостевую комнату. Она там бродит, лапает картины и мебель, и, мне кажется, до утра не выползет, – сказала Лидия Львовна, а потом обратилась ко мне, – спасибо вам, Ирина Анатольевна, вы идите, отдохайте, вам, же завтра на сутки, сегодня мы всё равно уже ничего сделать не сможем, а завтра вечером я с Михаилом Сергеевичем попробую переговорить.

– Спасибо, Лидия Львовна, я, действительно, пожалуй, пойду. А вы тут держитесь.

Утром я помчалась на работу. День пока начинался неплохо. Я посетила своих вчерашних и позавчерашних пациентов, и с удовольствием отметила, что никаких неприятных сюрпризов судьба мне не подготовила. До начала плановой операции у меня оставалось сорок минут, и я решила выпить кофе и позвонить Лене, чтобы узнать "фронтовые" новости.

– Я ей дала одну из своих карточек, на которой остави-

ла двадцатку и карту тройка, и мы её отправили гулять по Москве. Может, заблудится.

– Не надейся. Как-то она нашла вас в первый раз.

– Да, я об этом не подумала. Но как же эта ведьма возмущалась такой маленькой суммой. Орала, что небогато мы живём, а собак из-за границы выписываем. Дались ей эти собаки. Я ей объяснила, что сейчас очень много денег уходит на мамино лечение, и что папа только что оплатил моё обучение в Оксфорде. Это её тоже страшно возмутило, дескать, она в Кемерово училась и умная получилась, а в Оксфорде вонючем ума мы не получим.

– Она ещё и поэтесса?!

– Ага! Ужас просто! Она нам за завтраком какие-то рифмованные моралите читала. Собственного сочинения!

– Потрясающее везение! Творческий, человек, понимаешь.

– В общем, я эту творческую личность еле выпихнула. Хоть денёк подышим спокойно. Жаль, что она вечером будет папе мозги выносить, но в театр пойти я её не уговорила. Приличные женщины, по её мнению, вечером должны быть дома.

– А она не забыла добавить, что у себя дома?

– Похоже, она наш дом уже считает своим. Бродит везде. На прислугу покрикивает. А нас всё обмусолить питается и бедными сиротками называет. Все уже на пределе. Мы с Лидией Львовной решили, что если Баба Яга придёт раньше

папы, мы Виконта с Бароном к Юрию Васильевичу отведём, чтобы они нашу драгоценную гостью не сожрали ненароком. Их прямо трясёт от злости, когда они эту бабу видят.

Я убеждённая атеистка, но тут я просто не могла, ни сказать: "Господи, помоги семье Громухиных!"

Ночь в больнице прошла относительно спокойно, и мне даже удалось вздремнуть в ординаторской, а в половине седьмого утра, когда я завтракала, ко мне примчалась Ленка со свежими новостями.

Вечером Михаил Сергеевич вернулся с работы очень поздно, и гостью не увидел, только немного удивился, что собаки его не встретили. Правда, он был такой уставший, что даже говорить толком не мог.

А на следующий день Михаил за завтраком встретился с тётушкой, был с ней отменно вежлив, а потом прошёл в кабинет, вызвал туда Лидию Львовну и спросил, кто эта дама.

– Это же ваша троюродная тётя Аделаида Панкратовна из Кемерово, – ответила домоправительница.

– Я не припомню никаких родственников в Кемерово. У нас четыре поколения жили и живут в Москве или ближайшем Подмосковье. Вот только родители мои пожелали на старости лет приобрести домик в Гурзуфе. Но где тот Гурзуф, и где Кемерово. Вы, наверно, не поняли. Скорее всего, это Машенькина родственница. Ладно, пусть пока поживёт, а мы потом с Машенькой свяжемся по скайпу, и всё выяс-

ним.

Ленка, пересказывая эту беседу, особенно веселилась над словом "дама", которым папа обозначил Бабу Ягу.

– Ну, и как? – Спросила я.

– Папа на работу уехал, а у меня Баба Яга ещё двадцатку выклянчила. Я ей пыталась объяснить, что большинство московских пенсионеров и на меньшие деньги целый месяц живут, коммуналку оплачивают, а ещё питаются и одеваются. А она мне ответила, что, дескать, некоторые собак из-за границы выписывают, и детей во всякие Оксфорды отправляют. Ну, я ей деньги на карточку положила, и гулять по Москве выпихнула.

Ближе к концу рабочего дня, когда я размышлялась после очередной операции, мне позвонили из приёмного покоя, и сказали, что меня спрашивает плачущая девочка. Первая мысль была, естественно, о Машке. Я скатилась с лестницы, не дожидаясь нашего медлительного лифта.

В маленьком коридорчике у служебного туалета сидела Маришка, и маленькими глоточками пила из мензурки валерианку.

– Мариша, что случилось?

– Алиса умерла.

Я украдкой вздохнула с облегчением.

– Маришенька, Алиса была очень старой кошкой, и это могло случиться со дня на день. Мне очень жаль, но жизнь

наших любимцев много короче человеческой. Но она была очень хорошей кошкой, а мне мама говорила, когда я была маленькая: "Все хорошие животные непременно попадают на радугу".

– Тётя Ира, ты не понимаешь, она нехорошо умерла.

– Что значит нехорошо?

– У неё судороги были сильные и пена изо рта. Я думаю, что Баба Яга что-то отбила ей, когда пинала в живот.

– Может быть... Хотя это больше похоже на отравление. Еда, вода – всё было, как обычно?

– Да.

– Если кормушку и поилку ещё не вымыли, заверни понадежнее и спрячь подальше, я отдам в ветеринарную лабораторию.

– Лидия Львовна сразу велела всё вынести в отдельном пакете на дальнюю помойку, а Екатерина Макаровна убирается с дезраствором.

– Тоже неплохо. Сейчас внимательно следите за кормушками животных. Пусть они едят только в вашем присутствии.

– А вы думаете, что эта гадюка может плюнуть кому-то в кормушку?

– Ну, плюнуть, не плюнуть, но подсыпать или подлить что-то может запросто.

– Ведьма, ведьма, ведьма! Скорее бы она от нас уехала!

– Маме пока про Алису не проболтайтесь.

– Папа сегодня звонил в клинику, говорил с врачом. Ма-

ме сегодня делают химию в сочетании с иммуноглобулином. Она только под капельницей четыре часа пролежит, а потом сегодня, завтра, а, может и послезавтра будет слишком слабой для разговоров.

Я хотела объяснить Маришке, что лечение онкологии само по себе шок для организма, но тут медсестра из приёмного покоя выскочила с телефонной трубкой в руке и сказала, что у Терентьева открылось вторичное кровотечение, и меня срочно требуют в оперблок.

Домой после полуторасуточной работы я добралась на ватных ногах, покормила Трошу, зная, что дети непременно два, а то и три раза выводили её сегодня на прогулку вместе с догами, и завалилась спать.

Фокстрот обычно спала у меня в ногах. Но тут она вдруг вскочила и яростно залаяла. Воры к нам забраться не могли. Территория посёлка охранялась надёжно, а над воротами и по периметру ограды Громухинского сада стояли камеры.

Неужели, Громухины не выдержали и сослали эту Гидру Лернейскую ко мне. Ну, спасибо, ребята! Я торопливо накинула халат и спустилась вниз. Если Баба Яга решила погостить и у меня, я её просто не пущу. Пусть переночует в беседке в саду. Сейчас лето, не замёрзнет.

Из-за двери я услышала тихие стоны и слабое поскрёбывание. Дела-а! В таком состоянии я даже Бабу Ягу не могла оставить на улице. В крайнем случае, сама в беседке перено-

чую, а, может мне повезёт, и Кемеровскую тётушку госпитализируют.

Я распахнула дверь. На пороге лежала Эсмеральда. Судя по тому, как были неестественно вытянуты её задние ноги, я поняла, что они у бедной енотики отнялись. Кряхтя от натуги, я подняла увесистую тушку, с трудом внесла её на кухню и взгромоздила на стол. Потом я позвонила ветеринару доктору Жене, который наблюдал всех наших животных, и попробовала сделать Эсмеральде промывание желудка. Несмотря на парез задних конечностей и мучительные судороги, зверюга передними лапами и зубами действовала достаточно бодро, и мне пришлось будить и вызывать на помощь Лену.

Евгений Геннадиевич Седых, чаще называемый нами, доктором Женей, был огромен, громогласен и своим помощникам спуску не давал. Мы с Леной и сочувствующей Трошей белками носились по лестницам, потому, что доктор Женя требовал от нас, то чистые полотенца и простыни, то тазы с тёплой водой, то одеяла. Естественно наш домик сиял, как новогодняя ёлка, а так как он стоял ближе к воротам, чем основной дом, и прочие постройки, полиция вломилась именно к нам.

– Капитан Гуляев! – Резко представился один из полицейских, который, судя по всему, был главным, и спросил отрывисто. – Где труп?

За что я уважаю доктора Женю, это за то, что во время

работы со своими пациентами он абсолютно равнодушен к посторонним раздражителям. Полиция, армия, извержение вулкана его в этот момент абсолютно не волнуют.

– Мы надеемся, что трупа не будет, – флегматично отозвался он, делая Эсмеральде инъекцию антидота.

Мы-то с Ленкой основательно струхнули, увидев четверых вооружённых людей на моей кухне, а доктор Женя даже не обернулся в их сторону. Фокстрот тоже оказалась на высоте, и хотя она прижалась к моим ногам, хвост отважно держала вверх.

– Будем оформлять ложный вызов? – Неуверенно спросил Гуляев. – Учтите, господа, за это штраф полагается.

Тут дверь снова распахнулась, и дом ворвалась Кемеровская тётушка. Может, она правда ведьма и на метле летает. Расстояние-то между нашими домами приличное.

– Что вы, недоумки, здесь делаете? – Завизжала она. – Хозяин дома отравлен, а они тут с крысой возятся.

– Как отравлен?! – я заорала так, что даже нахальная Эсмеральда постаралась сделаться невидимой. – «Скорую» вызвали?

– Я считала своим гражданским долгом в первую очередь вызвать полицию, потому, что тут явный криминал. Все живы, здоровы, а Мишенька, племянничек мой несчастный в судорогах корчится, и пена у него изо рта так и лезет, так и лезет. Видно не дают кому-то покоя Мишенькины миллионы!

Я не стала дослушивать подробностей, а огромными прыжками помчалась к дому, на ходу вызывая «Скорую».

– Громухин Михаил Сергеевич, пятьдесят два года, предположительно, отравление крысидом, адрес... У ворот вас встретит садовник и проводит в нужный дом.

Потом я разбудила по телефону садовника.

– Юрий Васильевич, через несколько минут подъедет «Скорая», встретьте их, пожалуйста, у ворот и проводите к Михаилу Сергеевичу в спальню. Похоже, его отравили.

– Догадываюсь кто, – невнятно пробормотал садовник, по-видимому, торопливо натягивая на себя что-то из одежды в этот момент, – своими руками кобру придушу!

Ленка умчалась далеко вперёд, а полицейский, что бежал наравне со мной, одышливо спросил:

– Откуда, вы знаете название яда?

– Вы застали нас в тот момент, когда мы енотиху от крысида спасали. Сомневаюсь, что в доме появилось несколько видов яда. Здесь ничего такого вообще никогда не держали.

Ленка встретила нас на пороге.

– Жив? – Спросила я задыхаясь.

Разговоры во время сумасшедшего бега в сорок, с хорошим хвостиком, лет уже даются непросто.

– Жив, но судороги такие, что он даже с кровати упал. Тётя Ира, а вдруг папа умрёт?!

– Не паникуй раньше времени. Быстро буди Лидию Львовну, и потом обе ко мне на помощь.

«Скорая» приехала быстро, как я потом узнала, полицейские продублировали мой вызов, и к нам послали ближайшую машину. Врач «Скорой» мгновенно оценив мои профессиональные действия, спросил:

– Вы врач?

– Хирург Величевская.

– Я вынужден буду это зафиксировать в протоколе, коллега. Вы же законы знаете?

– Конечно.

Законы пишут те люди, которые высоко сидят и так далеко глядят, что нас, ничтожных, просто не замечают. Дипломированный врач, если он не находится на своём рабочем месте, не вправе оказывать профессиональную помощь пострадавшему. А это значит, что если Михаила всё-таки не удастся спасти, то сидеть мне долго и счастливо в какой-нибудь колонии. По крайней мере, достаточно, что бы подумать, как я дошла до жизни такой. Почему-то законодательно у нас должны оказывать первую помощь пострадавшему непрофессионалы, которые ломают рёбра, делая искусственное дыхание, пытаясь вытащить, зажатого в машине, человека просто разрывают ему позвоночник, и даже выводя несчастного из простого обморока, умудряются сломать ему скуловую кость.

Я сообщила все свои данные и описала уже проведенные процедуры молодому фельдшеру, который всё это тщательно

записал, и мы с Лидией Львовной и Леной вышли из комнаты, чтобы не мешать профессионалам, действующим на законном основании.

Немного придя в себя от пережитого ужаса, Лидия Львовна спросила:

– Интересно, что делала наша Кемеровская тётушка в спальне Михаила Сергеевича в такое необычное время?

Ленка захихикала, наверняка представив эту тушу, пытающуюся совратить отца. Я понимала, что это у девочки нервное, но всё-таки погрозила ей пальцем, дабы унять её расшалившееся воображение.

– Да она его и отравила, гадюка подколодная, – уверенно заявил садовник, не без труда удерживающий разволновавшихся догов.

– Вряд ли, – возразила я, – это яд не мгновенного действия. Должно было пройти несколько часов после его употребления, поэтому возблагодарим судьбу, что Аделаиде Панкратовне не спалось, и она шаталась по дому. Но как её занесло в спальню Михаила?

Тут следует сделать небольшое отступление, и объяснить некоторые особенности устройства быта в семье Громухиных. Дело в том, что кабинет Михаила, супружеская спальня, а также гардеробная, туалет и ванная комната старших Громухиных находятся в обособленной части дома, куда можно попасть из небольшого холла, где стоят лежанки для догов. В холл ведёт отдельная лестница. Заходить в эту часть дома

без серьезной причины у домашних не принято. Даже дети туда не заходят просто так. Как там оказалась гостья – уму непостижимо. Хорошо собак не было. Там они её однозначно порвали бы.

В это время из спальни вышел врач «Скорой» и сказал, что прямой угрозы жизни больного нет, но он всё-таки настоятельно рекомендует госпитализацию, почистить печень, и прочие внутренние органы, а также понаблюдать за состоянием больного, пока весь яд точно не будет выведен из организма. После этого врач попросил увести собак подальше, собрать всё необходимое для больницы, и освободить проход.

Когда «Скорая» уехала, увозя Михаила, капитан Гуляев попросил всех живущих в доме собраться в гостиной, так как налицо была попытка отравления хозяина дома, и ему надо собрать все данные для протокола. Даже малышня, накинув халатики поверх пижамок, спустилась вниз, держась за руки няни и отчаянно зевая. Мы все расселись по диванам, креслам и пуфикам, дети устроились у камина, который по их просьбе растопил садовник. Всем нам было как-то зябко.

Лидия Львовна взяла на себя труд представить всех.

– «Скорая» сейчас увезла Михаила Сергеевича Громухина, хозяина дома. Его жена – Мария Антоновна Громухина уже пятый месяц находится на излечении в клинике в Германии. Поэтому, позвольте мне, как экономке, представить

присутствующих.

Один из полицейских что-то записывал в блокнот, другой держал диктофон.

– Начну с себя. Меня зовут Лидия Львовна Козодоева. Вот мой паспорт. Работаю в семье Громухиных уже более десяти лет. Теперь представлю членов семьи. Елена Михайловна Громухина, семнадцать лет. Только что окончила школу, скоро уезжает учиться в Англию. Гриша, Григорий Михайлович и Марина Михайловна Громухины, близнецы, им по двенадцать лет, учатся в школе, ну и самые младшие Громухины: Никиша и Наташа. Им по шесть лет. Семья очень дружная, все любят друг друга. Теперь представлю служащих в доме. Надежда Владимировна Иванова – няня младших детей. Работает у Громухиных почти с рождения Гриши и Мариши. Считайте, вторая мама. Повариха Медея Арташесовна Арутинян. Работает в доме шесть лет. Великолепная кулинарка. И никогда никаких пищевых отравлений не было. Её помощница Оксана Игнатьевна Пилипенко. Работает три года. Никаких нареканий. В доме также есть две горничные: Екатерина Макаровна Пескова, работает четыре года и Нина Игоревна Кошкина, работает два года и собирается нас покинуть, но не вследствие каких-то обид или недовольств, а просто потому, что поступила в Институт Гостиничного хозяйства. Нина, я правильно назвала институт?

– Да, правильно, правильно. Какая разница? Думаете, мне самой отсюда уходить хочется? Но ведь Михаил Сергеевич

уже оплатил первый год моей учёбы, теперь и на попятный идти неудобно вроде, – вздохнула девушка.

– Ещё в доме постоянно живёт садовник Юрий Васильевич Окунёв. Правда, вход к нему отдельный. Юра, я не помню, сколько ты работаешь у Громухиных.

– Столько не живут, – хмыкнул садовник, – я прорабом на стройке дома был. Почти тринадцать лет, короче. И хочу сказать, что никогда у нас тут никого не травили. Единственное отравляющее вещество я в прошлом году применял, оно было предназначено против тли и белокрылки. Для людей и животных безопасно.

– А вообще, крысиный яд есть в доме?

– Да, Боже сохрани! – Воскликнула Лидия Львовна. – У нас же кошки! А если кто-нибудь из них отравленную мышшь съест? Да и нет у нас ни мышшей, ни крыс, в доме кошки за порядком следят, а в саду фокстерьер всех давно разогнал, да и енот по возможности ловит. Да, я, простите, не представила Ирину Анатольевну Величевскую. Она владелица маленького домика и старая подруга хозяев.

В это время в гостинной появился доктор Женя с Эсмеральдой на руках. Не обращая ни на кого внимания, он сказал Лене:

– Пойдём, положим её в клетку. Пять дней не выпускай, какие бы истерики она не закатывала. Если будет хуже, завтра звони. Я опять поставлю капельницу. Кормить только тем, что я прописал. Жить будет, шкодить тоже.

Они с Леной торопливо вышли из комнаты, а Лидия Львовна поспешила представить доктора Женю.

– Это Седых Евгений Геннадиевич, ветеринар. Он здесь не живёт, только приезжает при необходимости. Он следит за здоровьем наших животных. Ещё у Михаила Сергеевича есть два телохранителя и водитель, но они, тоже живут отдельно.

– Ну, что же, – сказал капитан Гуляев, – там сейчас подъехала оперативная группа. Дальше работать будут они. А мне, напоследок, хотелось бы узнать имя ещё одного из присутствующих. Кстати, почему вы, Лидия Львовна, не представили нам этого человека?

Домоправительница смутилась.

– Я, честно говоря, не знаю кто это.

– Память у тебя короткая, наймитка бестолковая, – злобно прошипела Баба Яга – Я же говорила, что я троюродная Мишенькина тётя Ада из Кемерово. Аделаида Панкратовна Громухина.

– Неправда, – холодно сказала Лидия Львовна, – Михаил Сергеевич вас не признал. У него вообще нет, и не было родных в Кемерово. Припомните, может быть, в родстве с Марией Антоновной.

– Нет, – звонко крикнула Наташа, – я бабушке Оле звонила и фотку Бабы Яги ватсапнула. Маме эта тётка никакая не родня.

– Как интересно! – Воскликнул Гуляев. – Так чья же вы

родственница, мадам?

– Мишенькина, – упрямо повторила «тётушка».

– Да что мы гадаем, – фыркнула Лена, – давайте прямо сейчас по скайпу свяжемся с бабушкой и дедушкой, родителями папы. Делов-то! Уж они-то знают, чья вы тётя.

– Хорошая мысль, – одобрил Гуляев.

– Мы давно не виделись, – недовольно буркнула Аделаида Панкратовна, – они могут меня не узнать.

– Давно не виделись, а дом Громухиных сразу нашли? – Уточнил один из полицейских.

– Я бывала здесь проездом, правда очень давно, ещё этой гримзы не было, – гостья ткнула пальцем в Лидию Львовну с такой злобой, что доги опять напряжинились, приготовившись напасть на агрессивную бабу.

– Лидуши не было, а я тут работаю с момента планировки дома, и тебя, никогда не видел, хотя на память не жалуясь, – решительно заявил садовник.

Кемеровская тётушка беспокойно завозилась в глубоком кресле, словно желая из него выбраться. Но быстро вскочить ей не удалось. К тому же как-то так получилось, что двое полицейских оказались рядом с креслом, а один у двери. К нему присоединился и наш Юрий Васильевич с обоими догами.

Один из полицейских протянул капитану Гуляеву планшет, тот взглянул на экран и удовлетворённо хмыкнул.

– Ну, что же, если вы сами никак не можете разобрать-

ся в том, чья это родственница, возможно, я смогу помочь вам. Тем более что Аделаида Панкратовна, кажется нам, полицейским знакома лучше, чем вам. Или к вам, мадам следует обращаться по-другому, например, Алла Петровна, Антонина Павловна, или Акулина Прохоровна.

– Так это не тётушка? – Ахнула Лена.

– Может быть, кому-то и тётушка, – пожал плечами Гуляев, – но представляясь вам, она солгала. Зовут её совсем не Аделаида Панкратовна. При рождении эта особа получила имя Анна Павловна Синеглазова, – продолжил он, не отрывая глаз от гостыи.

– Какое имя-то красивое, – вздохнул садовник, – а эта жаба, Господи прости, даже его не удержала. Всяко себя назвать была готова, лишь бы людей честных обманывать.

– Вы правы, Юрий Васильевич, – вздохнул Гуляев, – недостойна оказалась она красивого имени, и потому больше известна в определённых кругах, как Резвушка.

Лена и Никишка хихикнули, а Марина прошептала:

– Ну не фига же себе, Резвушка! Бегемот на пуантах!

Капитан сделал девочке страшные глаза, и задумчиво пробормотал:

– Правда людей травить она ещё не пробовала. Может быть, старость подступает, и приходится менять ампулу.

– Но ведь...

Я и быстренько прикусила язык.

Стоп. А то сейчас как со «Скорой» получится. Но там я

жизнь человека спасала, в таком вопросе, иногда минуты решают. Да и, в конце концов, кто я такая, чтобы учить сыщиков работать. У них и знания есть нужные и опыт, да и результаты экспертизы им, а не мне, будут известны.

– Ну, а теперь, я хотел бы взглянуть, что вы успели интересного найти в этом доме, Анна Павловна, – сказал полицейский.

– Нина, Катя, принесите вещи нашей гостьи, – попросила Лидия Львовна.

– Лейтенант Трофимов, поднимись с девушками. Ну, а вы, Анна Павловна, не хотели бы мне что-то пока рассказать? Или в чём-то признаться?

Кемеровская тётушка вздёрнула подбородок и демонстративно отвернулась от капитана.

Обе горничные и лейтенант спустились по лестнице буквально через пару минут. Трофимов нёс пузатый баул.

– Эта сумка стояла у двери в комнату, – сказал Трофимов, – горничные опознали в ней багаж гостьи.

– Что же, посмотрим, что там, – Гуляев расстегнул сумку. Сверху лежал халат или платье, а ниже...

– Что тут у нас? Иконка маленькая, похоже, старинная.

– Это икона называется "Преподобный Сергей у гроба своих родителей". Очень редкий сюжет, – сказала Маришка, – она стояла в спальне дедушки и бабушки. Преподобный Сергей – дедушкин ангел-хранитель.

– А это у нас что? Подсвечник? Бронзовый?

– Это антикварный подсвечник середины восемнадцатого века. Это папе друзья подарили на пятидесятилетие, – вздохнула Лена, – но их было два.

– А вот и второй, – сказал Гуляев, разворачивая очередной свёрток – никаких чудес. Ничто в этом мире не исчезает бесследно.

– А это что?

– Это библия нашего прадедушки с маминой стороны. Он был священником и сам получил её от своего отца, тоже священника, – сказал Гриша

– Ну, а дальше всякая мелочёвка пошла. Вот украшения женские: серьги и колечко из жёлтого металла с красными прозрачными камушками.

– Это серьги и кольцо из рубинового гарнитура, который папа подарил маме в благодарность за рождение Наташки с Никишкой, – сказала Лена, ещё колье есть, но оно хранится в папином сейфе. Колье мама редко надевала, а кольцо с серёжками постоянно носила и держала в шкатулке в спальне.

– Понятно. Ещё серьги с...

– Опалом, – поспешила объяснить Лидия Львовна, – это тоже из часто надеваемых.

– Ещё два кольца из жёлтого металла.

– Это всё хранилось в спальне, – кивнула Лена, – в шкатулке лежало то, что мама надевала почти каждый день. Но основные драгоценности – у папы в сейфе.

– А это у нас что?

Дети и садовник захохотали, даже чопорная экономка позволила себе улыбнуться.

– Это медали наших догов с собачьей выставки в Бёрне, – крикнул Никитка, отсмеявшись.

Гуляв тоже фыркнул.

– Мадам, а куда вы их собирались себе повесить? – Спросил он.

– Ты можешь меня задержать, мент поганый, но издеваться права не имеешь, – прошипела «тётушка».

Какое ворьё трепетное пошло!

Больше в сумке не было ничего кроме скомканных газет.

– А газеты зачем? – Удивилась Марина.

– Для объёма, – пояснил капитан Гуляев, – чтобы сумка казалась набитой, но при этом была не слишком тяжёлой.

– Кстати, – сказала Лена, – она с этой кошёлкой, такой же раздутой, уже два раза уезжала по Москве гулять.

– Вполне могла ещё что-то вынести и где-то припрятать, – вздохнул полицейский, – Анна Павловна, здесь расскажете, или вам удобнее это сделать в более официальной обстановке?

– Обойдётся!

– Тогда, мы, пожалуй, с Анной Павловной откланяемся. Мне ещё до конца дежурства надо кучу бумаг оформить, – Гуляев достал наручники и надел их на тётушку, – Трофимов, останешься здесь, поступаешь в распоряжение опергруппы, а мы поехали.

* * *

В эту ночь никому из нас уснуть так и не удалось. Сначала эксперт брал какие-то пробы, снимал у нас отпечатки пальцев, потом по заданию следователя Лидия Львовна, горничные и дети пытались составить списки пропавших вещей.

Наконец, полицейские покинули дом, а Медея Арташе-совна и Оксана Игнатьевна приготовили ранний завтрак, и мы все собрались в столовой.

– Я так и не поняла, – вздохнула Лидия Львовна, – зачем Кемеровской тётушке понадобилось самой вызывать полицию, после того, как она подсыпала отраву Михаилу Сергеевичу.

– Я полагаю, что она ему яд не подсыпала, – сказала я.

– Вы хотите сказать, что Михаила Сергеевича отравил кто-то из нас? – Спросила Екатерина Макаровна, глядя на меня с ужасом.

– Нет, нет, – поспешила я успокоить испуганную женщину, – если вы позволите, я хотела бы вам изложить всё по порядку, по крайней мере, так, как это я себе представляю.

– Ух, ты! – Горько засмеялась Лена. – Ты, тётя Ира, прямо как Эркюль Пуаро. Он тоже любил собирать всех и рассказывать, как произошло преступление.

– Ну, может быть и не Эркюль, но кое-какие соображения у меня есть, – призналась я, – но сначала я хотела бы кое-что уточнить. Самые ценные вещи Михаил Сергеевич хранит в сейфе, который стоит у него в кабинете?

– Да, – подтвердила Лена.

– А ключ...

– Единственный ключ только у хозяина. Я убираюсь только в его присутствии, причём делаю это сама, никто из горничных туда не заходит. Мы так с самого начала договорились, – поспешила пояснить Лидия Львовна.

– Значит, в кабинет, который наверняка, вызывал у вашей гостьи наибольший интерес, она могла попасть только в то время, когда Михаил Сергеевич был дома.

– Однозначно, – заявил Гриша, – но тут есть маленькая проблема: папа не любит, чтобы кто-то заходил к нему в кабинет без спроса.

– Само собой, – кивнула я, – но вряд ли он каждый раз запирает кабинет, когда ему надо ненадолго выйти в спальню или в туалет.

– Наверно, так, – сказала Лидия Львовна, – но у нас не заведено было входить в эту часть дома без причины. Поэтому точно утверждать, я не берусь.

– А зачем запирает, если в холле перед кабинетом и спальней обычно ночью спят Виконт и Барон? – Спросила Марина. – Чужих они не пустят. А никто из нас просто так туда не пойдёт.

– Итак, мы выяснили, что попасть в кабинет мошенница могла только в то время, когда Михаил Сергеевич был дома, и он ей нужен был живым. А, следовательно, нельзя не согласиться, что убивать хозяина дома мошеннице было не с

руки.

– Получается так, – неохотно согласилась Медея Арташе-совна.

– А вот подсыпать ему снотворное, пока он выходил в туалет или в ванную, она вполне могла, – продолжила я.

– Усыпить хозяина, чтобы потом спокойно поковыряться в сейфе, – сообразила Нина Игоревна.

– Или хотя бы попробовать, – мрачно буркнула Лена, – и ей на руку было то, что папа в кабинете иногда пьёт кофе.

– Она вполне могла притаиться на лестнице, ведущей к кабинету и спальне, и подкараулить удачный момент – подхватила Лидия Львовна, – когда хозяева уходят к себе, на лестнице остаётся только слабая дежурная подсветка.

– А почему она не усыпила всех? – Удивилась Надежда Владимировна.

– Ну, отслеживать каждого в доме – нереально. Пока всех выследишь, чтобы усыпить, уже первые усыпленные проснутся, – объяснила я, – значит, снотворное пришлось бы добавить в общую еду или питьё. Но при этом почти невозможно рассчитать дозу, а главное, в столовой или, смежной с ней, гостиной постоянно кто-то есть. Значит, надо было попасть на кухню.

– Да кто бы её туда пустил? – Возмутилась Оксана Игнатьевна. – Там у тёти Медеи микроб не проползёт, а тут этакая бабища бы заявила!

– Вот поэтому-то, Кемеровская тетушка и не пыталась

всех усыпить.

– Но откуда взялась отрава? – поинтересовалась Лидия Львовна.

– Да, ведь папа, и Эсмеральда отравились не снотворным, – крикнула Лена.

– А ещё Алиса. Она тоже умерла, – тихо сказала Маришка.

– Да. Я не видела смерти Алисы, но и Михаил Сергеевич и енотиха, похоже, были отравлены крысидом. Без всякого сомнения, яд был приобретён и принесён в дом Кемеровской тётушкой.

– Но зачем?! Если она не собиралась никого травить? – спросил Гриша.

– Гришенька, она не собиралась травить никого из людей. И ужасно перепугалась, когда поняла, что Михаил Сергеевич отравлен. Так испугалась, что со страху вызвала полицию.

– А кого же она хотела отравить? – Спросил Юрий Васильевич.

– Животных: Алису, Эсмеральду, собак.

– За что же зверюшек-то травить? – Удивилась Медея Арташесовна.

– Они ей мешали. Старая полуслепая Алиса, давно перепутавшая день и ночь, могла некстати попасться тётушке под ноги во время очередной ночной вылазки, и испуганным мявом разбудить весь дом. Догов тётушка по-настоящему боялась, к тому же они ей мешали крысятничать в кабинете и спальне. Да и, вообще, ограничивали свободное передвиже-

ние по дому. Если бы вы вовремя не перевели их в домик Юрия Васильевича, собак бы уже не было в живых. Она бы их точно уморила.

– А Эсмеральду-то за что? – спросила Марина.

– А Эсмеральда была своего рода соперницей, и её вороватые лапки запросто могли встретиться с «лапками» настоящей воровки в самом неподходящем месте.

– Какая гадость, – вздохнула Надежда Владимировна, – мало того, что она хладнокровно убивала невинных бессловесных Божьих тварей, но ведь она подвергала опасности и людей. И Михаил Сергеевич тому подтверждение. Но он взрослый сильный мужчина, а что было бы с детьми?!

Няня прижала к груди малышей.

Но Никитка вывернулся и спросил:

– Но кто, же отравил папу?

– Я думаю, это сделала Эсмеральда. Лена, помнишь, ты рассказывала мне, что как-то раз, енотиха своровала весь сахар из буфета в кабинете? Её ведь наказали за это?

– Два дня пришлось воровке в клетке просидеть.

– Еноты очень хитрые. Возможно, опасаясь наказания, она, слопав сахар, поспешила заменить его содержимым своей кормушки. Вот только крысид ведь не белый, а бурый порошок. Да ещё с мясной отдушкой. Как Михаил мог спутать его с сахаром, не знаю.

– Я знаю, – сказала Лена, – папа, если ему надо ночью поработать, а сил уже нет, пьёт очень крепкий сладкий кофе.

Запах кофе ведь перебивает прочие запахи.

– А цвет?

– Папа любит сахар Турбинадо. Это коричневый сахар. К тому же, папа работает при одной настольной лампе, и буфет с кофеваркой, сахарницей и прочим остаётся в полумраке. Мама сколько раз папу ругала за это.

– Тогда всё сходится, – сказала я, – ароматный кофе, коричневый сахар. Как нечистый ворожил!

Наташа настороженно прислушивалась к нашему разговору. Смысл сказанного ребёнку удалось уловить не сразу. Но когда она поняла, слёзы брызнули у девочки из глаз.

– Ну, пожалуйста, не надо наказывать Эсмеральду! Она не хотела папу отравить! Ну, пожалуйста!

– Наташенька, – растеряно пробормотала Надежда Владимировна, – никто и не собирается наказывать Эсмеральду. Она же не знала, что в её кормушке яд.

– Животные безгрешны, – прошептала Лидия Львовна, – а Кемеровской тётушке как бы ни пришлось ещё и адвоката нанимать. Она конечно баба мерзкая. Мошенница, воровка и всё такое. Но, получается что, не убийца.

– Фиг ей, а не адвоката! Всё из-за неё случилось: и папа в больницу попал, и Эсмеральда отравилась, и Алиса умерла, – звонко крикнула Маришка

– Не надо ей адвоката. Она противная, гадости всё время говорила, да ещё целоваться лезла и «сиротками» обзывалась, – пробурчал Гриша.

– А действительно, почему она вела себя так вызывающе по-хамски? – Задумчиво пробормотала Лидия Львовна.

– Да, ей же надо было держаться тише мыши, – подхватила Надежда Владимировна.

– Отнюдь, – возразила я. – В доме все привыкли к вежливости, и перед откровенным хамством, мы все просто спасовали и растерялись. Даже собаки не знали, как себя вести. И уж конечно, ни у кого из людей не возникла мысль, проверить, кто эта тётушка. Только шестилетняя Наташа сообразила послать фотографию аферистки бабушке. Но никто из нас не решился спросить у наглой тётки паспорт, или постараться выяснить её личность, связавшись по скайпу с родителями Михаила Сергеевича. На это мошенница и рассчитывала. Она парализовала нас наглостью, как удав парализует взглядом кролика.

– Вот и я говорю: с какой стороны не посмотри – всё одно гадина ползучая, – сердито буркнул Юрий Васильевич.

Детектив с тигром

Я человек обыкновенный. Не полный дурак, конечно, но и не академик, какой. Восемь классов окончил скорее благодаря тому, что учителям до отрыжки надоело со мной возиться, и они предпочли дать мне «путёвку в жизнь», и больше не тужиться, перетягивая меня из класса в класс.

Я это всё к чему говорю. Мозги у меня на разгадывание преступлений не заточены. Да я бы и не сунулся, вот только Зойку пожалел. Девчонке и так в жизни досталось. По лицу её как трактор прошёл: нос перебит, скула сломана, шрам от угла брови до челюсти. Но девчонка она хорошая добрая. Сколько раз меня выручала.

Я ведь это... Короче, выпиваю. Я из-за этого и из цирка вылетел. А ведь с самими Запашными работал! За зверями ихними ухаживал. Иногда на репетициях на стрёме стоял. Ну, там, со шлангом или пугачом. Зверь, он даже дрессированный, зверем остаётся. Это вам не собачка декоративная в шлеечке со стразами.

Ну, вот мне сколько раз говорили, что к зверям под этим делом никак нельзя. Не любят они пьяных. Заразы, понимали бы чего! Короче, сунулся в клетку в подпитии...

А у нас, цирковых, все, как одна семья. Старик Егорыч бросился меня, дурака пьяного спасать и сам пострадал.

Пришлось из цирка уйти.

Пристроился я в небольшой частный зоопарк. Мы с Зойкой там, в смену работаем. Она храбрая. Хищников не боится, а у нас ведь и волки есть, и медведь, и, даже, тигр.

Сколько раз, когда я в запой уходил, меня Зоя прикрывала и выходила в мою смену. По-тихому. Если бы она нашему хозяину об этом, хоть раз сказала, ей бы за эти часы приплачивали бы, ну а мне, соответственно, пистон бы вставили.

А деньги-то Зое ведь лишними не были бы. Она сама признавалась, что на пластическую операцию скопить хочет. Понятно, девчонке двадцать лет, а у неё физия такая несообразная.

Мы с Зойкой через день работаем. Я вообще после смены обычно расслабляюсь. Вот я приду вечером, выпью, сколько душа просит, а на следующий день – ни-ни. Стараюсь, по крайней мере.

В тот раз всё, как обычно было. Домой пришёл, по дороге всё, что нужно купил. Расслабился. А что? Имею право. Живу один. Никто над ухом не жужжит. Только чувствую утром, что надо ещё. Ну, я Махмудке, который у меня комнату снимает, денежку дал, чтобы он в магазин сбегал. Махмудка – он честный. Сразу всё принесёт как надобно, а сдачу, понятно, себе за труды возьмёт.

Только я, значит, сел за стол – звонок. Наш ветеринар трезвонит. Владимир Михайлович. Срочно на работу вызывает. ЧП там у них.

Ага, у них там ЧП, а у меня, между прочим, на столе такой

натюрморт, хоть картину пиши: капуста квашенная хрустящая, опёночки маринованные, сальце домашнее с прожилочками, хлебушек ржаной свеженький. А главное, она, родимая. Стоит на столе запотевшая, а по горлышку слезинка скатывается.

Ну как тут уйдёшь?

Да только с нашим Михалычем лучше не спорить. Такой мужик въедливый!

Короче, прихожу в наш зверинец. А там такое, что у меня и вчерашний хмель выветрился.

Тигр наш Рыжик по вольеру мечется. Шерсть на загривке дыбом, глаза горят, усищи, как клешни вперёд выставлены. Кто-то ему руку натуральную человечью в вольер кинул. Да от такого не только тигр, котёнок озверееет.

А у нас Рыжик с характером. Сколько я тигров, львов и леопардов в цирке повидал, да только они, по сравнению с нашим бандюганом, просто паиньки. Рыжику жизнь досталась нелёгкая. Ему месяц всего был, как один придурок его своей бабе подарил. Малыши они все лапочки, да только из некоторых потом тигры вырастают. Ну, хозяйка тоже, видать не большого ума Рыжику досталась. По всяким тусовкам его таскала и для модных журналов с ним фоткалась. Всякие там селфи-мелфи, сюсю-мусю. А потом Рыжик подрос. Собственно, как и следовало ожидать. А подросший тигр уже на игрушку не похож. К полугоду зверь уже стал реально опасным. Хозяйке своей безмозглой спину разодрал. Без злобы,

просто шалил так. Она спохватилась и велела Рыжика в клетку переселить в глубине сада. А ему, зверю-то, тоже обидно. Он ведь привык на хозяйской постели спать, по диванам валяться, со стола вкусняшки выпрашивать. А в клетке у него характер совсем испортился. И стала хозяйка придумывать, куда бы тигра деть. А тут проблема – ни цирки, ни зоопарки не берут. Там ведь документы нужны: что за зверь, да откуда, да чем болел, и когда прививки делали. А ведь он для хозяйки своей вроде куклы был. Никаких документов у него не было, да и воспитанием никто не занимался.

Вот так и попал Рыжик к нам. Повезло зверю. А то уж хозяйка планировала его пристрелить и шкуру перед камином положить. Сначала сюсюкалась с ним, а потом шкуру перед камином! Не слабо так.

Вот такому зверю кто-то руку, отрубленную человеческую и подсунул. Не муляж какой-нибудь. Настоящую! А для хищника это страшное дело. Ему же постоянно внушают страх перед человеком. Иначе, фиг со зверюгой справишься.

Короче, к моему приезду картина маслом: тигр лютует, мент орёт, чтобы ему эту руку достали непременно. А Зоя хоть и храбрая, а всё равно девчонка. Истерика у неё, понятное дело. А меня вызвали, чтобы я, значит, с Рыжиком договорился, и пакость эту отрубленную из клетки достал.

Я нашему ветеринару и говорю:

– Ты чего, Михалыч? Я же выпимши. Сейчас кроме той руки ещё мои части тела в клетке образуются.

А ветеринар наш уже и не знает, кого ему бояться больше. То ли тигра, то ли куска трупа, то ли полицейских.

А ведь ещё и Хозяин есть. Он когда обо всём этом узнает...

Ну, я, короче, приготовил багор, тигра водой из шланга окатил от души, чтобы Рыжик наш охолонул слегонца, и пока он башкой тряс, руку эту клятую багром подцепил и под решёткой из клетки выволок.

Я уж хотел потихоньку в сторону дома порулить. Ждут же меня там. Сальце заветривается, капуста подсыхает, да и родимая, небось, согрелась.

Да только полицейские велели не расходиться, потому, как допрашивать сейчас всех будут. Вот ещё незадача!

Ну, я потихоньку вдоль клеток пошёл. Зверьё-то голодное. Кормить их или пока можно потерпеть? У нас правило такое: кормёжку с Рыжика начинаем, потом к Потапычу, потом к волкам, за ними к мелким хищникам, а уж в последнюю очередь к копытным. Когда к хищнику заходишь, а от тебя более сильным зверем пахнет, тут проблем никаких, а если наоборот, то зверьё ярится начинает. Только тигру лучше поголодать сегодня, чтобы успокоился. А с остальными-то что делать?

Дохожу до волчьей клетки. И у них какая-то мустолыжка полуобглоданная валяется. Ещё одна рука? Это что такое? Кто-то не поленился и весь погост к нам перетаскал?!

Ну, я полицейского капитана и спрашиваю, эту руку им

доставать, или как.

Тут такое светопреставление началось! Лучше и не вспоминать. Полицейские вооружённое подкрепление вызвали. Зверинец наш окружили. Все клетки обыскивать начали. Но, слава Богу, больше никаких частей тел не обнаружили. Только зверьё перепугали.

В самые подозреваемые мы с Зойкой попали. Ну, типа, нам делать больше нечего, как всякую дрянь в клетки подбрасывать.

С Зоей поговорить-то не получилось. Её Михалыч валерьянкой накачал до полного отупения. Сидит девчонка, глазами хлопает, как совёнок и ни фига не соображает. Поэтому следователь с меня решил начать.

Ну, а я что? Ничего. Всё равно уже весь кайф поломали. Да только от меня толку тоже мало. Меня же не было, когда тигру и волкам эти конечности подсовывали. А если бы я рядом оказался, то точно бы по шеям шутнику надавал. Так я следователю и сказал. А он всё докапывается.

– Вы ведь, Григорий Алексеевич выпиваете?

– Ну, да. На свои пью. И в нерабочее время.

– А не могло ли на вас под влиянием алкоголя накатить затмение, при котором вы залезли бы в клетки и подложили хищникам фрагменты человеческих тел. Живёте вы совсем рядом, а охраны в зверинце ночью нет.

– Ну, во-первых, где бы я эти фрагменты взял? Кладбища или морга поблизости нет, а в магазине такое не купишь.

А во-вторых, я однажды сунулся в подпитии в клетку. Этот опыт намертво в мою сущность впечатался.

– А кто ещё кроме вас и Зои Максимовны Зареченской может войти в клетки к хищникам.

– Ветеринар наш заходит, Владимир Михайлович. Когда осмотреть животных надо, или там прививки какие сделать. Хозяин может зайти, если для рекламы сняться надо. Но они к хищникам в одиночку не заходят. Я обычно на подстраховке в самой клетке, а Валерия Викторовна... Ну, это наш бухгалтер и кассирша, по совместительству. Так вот, она со шлангом рядом с клеткой стоит.

– Получается, что кроме вас и Зареченской никто не мог поместить в клетку фрагменты человеческих тел.

– Да почему же не мог? Вы же видели, как я багром у тигра из клетки под решёткой руку доставал. А кто мог помешать шутнику таким же манером её вовнутрь пропихнуть тем же багром?

Короче долго он меня мурыжил. Да только без толку.

Домой вернулся я поздно. Капуста засохла, грибы почернели, а сало осклизло. Всё в помойку. Да и пить уже некогда. Тем более, что уже поздно, а завтра с утра на работу. Клетки сегодня не чистили, зверей не кормили. Значит, завтра работы будет невпроворот.

К утру зверушки наши успокоились. А Рыжик даже ласкаться начал. С голодухи.

Я клетки убираю, а сам всё поглядываю, нет ли сегодня

каких сюрпризов.

Обошлось.

Я уже у верблюдов возился, вдруг прибегает Валерия Викторовна и кричит:

– Гришка, ты сегодня вечером не расслабляйся! Завтра опять на работу.

– Это ещё почему? – Спрашиваю.

– Зою арестовали. Представляешь, та рука, которая у Рыжика была, оказывается, принадлежала Зойкиному отцу.

– Глупость, какая. Что, Зоя своему отцу руку отрезала?

– Да нет, руку ему в больнице ампутировали. Месяц назад. Из-за диабета.

– Ну, и причём тут Зоя?

– Так ведь не зря же именно в нашем зверинце его рука появилась! Тем более, что у Зойки с отцом очень плохие отношения.

– Я так и не понял, какая тут связь.

– Ну, оперативникам виднее. Только Зареченскую они арестовали.

– А вторая рука тоже Зойкиного отца?

– Нет, не может же у него быть две левые руки. И вообще, про эту руку известно только то, что она женская, и Зое не родственная.

Ну, ваще!

У нас в зверинце уборка и кормёжка утром и вечером. А днём я обычно домой уходил. Обедал, отдыхал до вечерней

кормёжки. Но в этот день решил остаться и напроситься на чай к Валерии Викторовне. И ветеринар наш подгрёб. Сидим, обсуждаем, что да как. Ведь не каждый день у нас сотрудников арестовывают и всякую дрянь в клетки подбрасывают.

– Я давно хозяину говорил, что охрану нам надо, – бухтел Михалыч, – сегодня зверям расчленёнку подкинули, а завтра и вовсе шкуры с бедолаг снимают.

– Много ты понимаешь, – рассердилась Валерия Викторовна, – от зверинца и без того одни убытки. Зрителей мало, а жрут звери ого-го! Где ещё на охрану-то денег взять?

– Ага, а как случись что, виноватых среди нас искать будут, – буркнул ветеринар.

– Точно, вон Зойку уже посадили. А причём тут она? – Подхватил я.

– А притом. Лицо у неё такое из-за отца. Я точно не знаю, что там произошло, но конфликт случился нешуточный. Она от отца ушла и сейчас у тётки живёт. Так тётка эта, сестра Зойкиной матери, на зятя даже в суд пыталась подать за племяшку.

– А чего же не подала?

– Да он там какой-то мент в погонах. Дело замяли. А только есть у Зойки причина на отца-то зуб иметь.

– Так ведь руку же врачи отрезали! А вторая рука вообще неизвестно чья. Причём тут наша Зойка?

– Ну, что ты заладил: «причём, причём». Да не знаю я! А

только очень всё сходится. И на отца обида, и рука у тигра в нашем зверинце. Не просто так это всё.

Да, наверно, не просто так. Только непонятно это всё.

Ну, я, на всякий случай, у Валерии координаты Зойкиной тетки взял.

Дай, думаю, схожу к ней. Может, прояснится чего. Не люблю я, когда непонятно.

Ну, позвонил, попросил разрешения заглянуть вечерком. А тётка-то эта, Антонина Леонидовна, даже обрадовалась.

– Спасибо вам, Гриша, за ваше участие. А то сию одна, не знаю, что и думать. И Зоеньку до слёз жалко. И полицейские с обыском приходили, как будто мы преступники.

Я после работы помылся, переоделся в чистое. Пусть видит Зоина тётушка, что племяшка её не в каком-то бомжатнике работает, а с приличными людьми.

Ровно в восемь, как договаривались, я уже в дверь звонил. Открыла мне женщина хоть и немолодая, но красивая, как артистка. Я аж стушевался. К таким женщинам наверно в костюме и галстуке приходиться надо. А я в свитере и джинсах.

Но Антонина оказалась женщиной с понятием.

– Ой, Гриша, вы же после работы. Голодный наверно. Мойте руки – и к столу. У меня всё готово.

И впрямь. Котлетки домашние, картошечка жаренная, салатик с «Кириешками». Ну, и бутылочка, натурально. Я поначалу-то руку к ней потянул, но спохватился и отдёрнул.

– Извините, – говорю, – Антонина Леонидовна, а только

мне завтра с утра на работу, а зверь он в строгости держит.

Да мы с Антониной и без водочки поговорили душевно. И всё она мне про несчастную Зоину жизнь рассказала.

Сестра Антонинина, Настя умерла, когда Зое десять лет было. Отец Зоин недолго вдовствовал, и через год женился. Отношения в семье были сложные. Сколько раз Зоя к тётке прибегала на мачеху жаловалась. Но всё-таки, жили, худо-бедно. Да вот только Зоя в семнадцать лет влюбилась. Костик Ливадов мальчиком оказался положительным. Из хорошей семьи, умненький, как раз только поступил в медицинский институт. И с Зоей у них всё хорошо было, серьёзно. Вот только немножко они поторопились и далеко зашли в своих отношениях. Ну, Максим как узнал, что Зоя забеременела, так словно с цепи сорвался. Скандалы каждый день. Костика побить не пытался, а всё зло на Зое срывал.

Уж сколько Антонина пыталась зятя успокоить. Дескать, Зое через два месяца восемнадцать исполнится. Поженятся они с Костиком, и ребёнок уже в браке родится. А Костик – мальчик хороший, и родители у него люди приличные. Да, семья небогатая, но не всем же за олигархов замуж выходить. Не напасёшься олигархов-то!

Зоин отец с мачехой даже заявление на Костика подали за связь с несовершеннолетней, да только Зоя, когда её спрашивать стали, так и объяснила, что никакого насилия и со- вращения не было, а просто любят они с Костей друг друга и собираются пожениться, как только закон позволит.

После этого Максим совсем озверел, и так однажды дочь избил, что у неё выкидыш случился. Она как пришла в себя в луже крови и поняла, что ребёнка потеряла, добралась до окна и выбросилась из него. Убиться не убилась: третий этаж всего. Но поломалась сильно. Руки сломала, ключицу, рёбра. А, главное, лицо сильно изуродовала.

Антонина пыталась в суд подать за причинение тяжких телесных повреждений племяннице, но тут экспертиза как по волшебству объявилась. А в экспертном Акте чёрным по белому написано, что все повреждения соответствуют падению с высоты. А выкидыш отчего случился – то врачам неизвестно.

Больше года Зоя по больницам мыкалась: сначала в хирургии, потом в психушке, как суицидница. За это время Костик как-то пропал с горизонта. Да и то сказать, Зоя до этого несчастья красавицей была. А теперь...

Антонина мне и фотки Зоины показала. И впрямь, хороша была девчонка!

Удивился я на этого Костику. Чего он от Зои отвернулся? Ну, да, лицо изуродовано, но ведь она той же девушкой осталась, в которую он влюбился и на которой жениться собирался. Он же не на одном лице жениться хотел. Да и виноваты в произошедшем оба ведь были. Пожалуй, даже Костику, как мужику и будущему медику следовало бы побольше ответственности проявить. Девчонки, они что? Слабый пол. А уж как до любви дойдёт, у них, бедняжек вообще крышу

сносит. Тут мужикам думать надо.

А он её бросил. Да ещё в такой тяжёлый момент. Такой слабак? Или просто гад? Мне захотелось ему в глаза посмотреть. Да только где они, те глаза?

Стоп! Зое было семнадцать, когда Костик поступил в институт. Медицинский. Сейчас Зое двадцать. По всему выходит, что её Костик должен учиться на третьем-четвёртом курсе. А сколько в Москве медицинских институтов? Три или четыре. Да пусть хоть десять, всё равно не фиг делать! Найдём прекрасного принца. Тем более, что днём-то я свободен. Как раз, когда студенты учатся.

На следующий день примчался на работу пораньше, всё, что надо сделал, потом Михалыча предупредил, что возможно вечером немного припозднюсь, но пусть они с Валерией не волнуются – всё будет тип-топ.

Начал я с лечфака Второго меда. Просто этот институт ближе всего к нам, а факультет я выбрал потому, что не знал, какие там ещё есть.

Пошёл я, понятно, не в деканат, а в курилку. Курить в институте нельзя, так ребята под курилку вентиляторную приспособили. А там всякие трубы, моторы. Красота! Только залезать неудобно. И шумно очень. Зато никто из преподавов или администрации не заглядывает.

Смотрю, ребята по возрасту подходящие, ну я и спросил, нет ли среди них Константина Ливадова.

Нет, ну бывает же в жизни так. Действовал наудачу, и сра-

зу попал в точку.

Был, говорят такой. С нами в группе учился. Да только выперли его месяц назад из института.

– За что?

– Шутник он был, твой Костик. Да вот шутки его не всем по вкусу пришлись.

– Да что такое? Расскажите толком.

– Да он как-то раз на занятия нашей англичанке селезёнку принёс. А она у нас женщина сублильная нервическая. Что было!

– Какую селезёнку?

– Да обыкновенную. Человеческую. Из трупа изъятую.

– Из вашей анатомички утащил?

Ребята невесело засмеялись. Потом один из них сообщил.

– Ты что? У нас там такой цербер сидит, что если бы Костик из нашей анатомички попытался бы селезёнку или ещё какой шманделок утащить, то его бы органы оказались рядом. В банках с формалином.

– А откуда же он её взял? Может, это баранья какая-нибудь?

– Да нет. Человеческая. Даже не сомневайся, – сказал один.

А второй добавил:

– Костик же в каком-то морге санитаром подрабатывает.

Видно там и прихватил. Шутник!

– Что-то вы о нём без особой теплоты говорите.

– А какая тут теплота может быть. Его из института попросили, но и нам всем досталось. Три дня в анатомичке сидели, все образцы перепроверяли на наличие и целостность. Формалином провоняли, что твои зомби. Ох уж мы и поминали Костю. Икалось ему, небось, до потери пульса.

Хотел я у ребят адрес Константина спросить, да потом подумал: а зачем? Расстались-то они с Зоей три года назад. Да и неизвестно почему. Может, девчонка сама не захотела отношения продолжать. Ну, типа, ты меня красавицей любил, а я уже не та. И вообще, прошлая жизнь кончилась, и вспоминать про неё не хочу. А если он сам свинтил, то тем более, на такого смотреть неохота.

А вечером после работы меня ждал неприятный сюрприз. Подхожу к дому, а там меня менты поджидают. Опаньки! А это ещё зачем?

Я, конечно, не ангел, но вроде ничего особенно интересного для полиции не сделал. Вот только Махмудка у меня живёт без регистрации.

А что ему делать прикажете? Он в Россию не погулять приехал, а денгу зашибить. А если ему за свой счёт регистрацию оформлять, так ещё и в минусе парень окажется. И почему у нас всё так не по уму? Махмудка парень-то хороший. И работать умеет, и аккуратный, и честный. А вот всё равно, словно преступник какой. А иной, ворует без стеснения, а остаётся человеком уважаемым. И полиция к нему не пристаёт, и всякие газеты-телевизоры нахваливают, и даже в

народные избранники ему баллотироваться можно.

Ну, я к ментам, чем, дескать, обязан. А они мне ордер на обыск показывают.

– Проходите, – говорю, – только я прямо с работы, зверьём от меня припахивает. Переодеться то, хоть можно?

– Нет, – отвечает старлей, и говорит, – лучше подумайте, гражданин Укропов, есть ли у вас что-либо, важное для следствия. В ваших интересах отдать это добровольно до начала обыска.

Знать бы ещё, что для их следствия важно.

Ну, Махмудка, понятно. Да только, похоже, он сбежать успел. Дверь в его комнату приоткрыта, и оттуда ни мур-мур.

Ну, бутылка водки у меня стоит. С тех самых пор. Нераспечатанная. Так ведь она, голубушка в магазине куплена. За деньги. А что ещё такого криминального? Даже и не соображу.

А старлей напирает.

– А есть ли в вашем доме топор?

Ну, ёлки кучерявые! Есть ли топор? Да у меня в доме печное отопление, а интеллигентно разделявать дрова ножом и вилкой, я не обучен.

В нашем посёлке через дорогу огромный жилой массив выстроили. Вот там, в домах и центральное отопление, и удобства всякие, и даже мусоропровод. А у нас, в частном секторе, всё по-простому: печка, сеновал и сортир в конце огорода. Потому и топоры есть, и лопаты, и вилы. И ещё мно-

го такого, о чём горожане и не слыхивали. Даже прялка прабабкина в сарае стоит.

Принёс я полицейским все четыре топора. У меня один рабочий, второй запасной, а ещё маленький топорик есть – я им лучину щиплю на растопку, и колун полупудовый для кряжистых поленьев.

Пошли мы в дом. Тут один из полицейских (вот ей Богу не вру!) на четыре кости опустился и начал пол мой в лупу разглядывать. И чего найти хотел? Пол, как пол. Ну, грязноватый. Убираться-то я не очень люблю. Ну, и что такого? Мне тут балы не устраивать. А он бедолага, полицейский этот, ползает на карачках, и всё в лупу смотрит, ещё и лампочкой какой-то себе светит. Весь пол своими брюками протёр. А потом ещё и в сарай пошёл, и там генеральную уборку делать начал. Во даёт! Может, это и не полиция вовсе, а какая-то клининговая компания рекламную акцию проводит.

А остальные в шкафах роются, в ящиках стола. Глядишь, и там порядок наведут.

Меня Марья Даниловна, соседка, которую в понятия звали, шёпотом спрашивает:

– Гриша, а чего они ищут-то?

– Да не знаю я.

Тут участковый наш, Димка Филиппов прикрикнул на нас сердито.

– Не положено разговаривать!

А потом сам не выдержал и проболтался.

– Та рука, которую в клетке у волков нашли, у живого человека отрублена. Топором. На деревянном полу.

Нет, ну, вы даёте, ребята! А я-то тут причём?

Наверно, полицейские очень часто с преступниками общаются, и им кажется, что любой человек может просто так, за здорово живёшь, взять и живому человеку руку оттяпать. Да об этом подумать-то страшно, не то, что сделать!

Вон Марья Даниловна аж побледнела вся. Да и муж её, Сан Саныч, в лице переменялся и бочком, бочком к двери. Меня и самого замутило.

Часа два полицейские возились. Ну, кончили обыскивать, наконец. Нашли чего, или нет – не знаю. Какие-то бумаги дали подписать. И мне и понятым. Потом сели в машину и укатили. И топоры с собой забрали. Да мне не жалко. Берите, ребята, коли надо. Я себе ещё куплю.

На следующий день, придя на работу, я узнал, что Зоину тётушку, Антонину Леонидовну тоже арестовали. Принесла эту новость, понятно, Валерия Викторовна. У неё же зять в полиции служит. Вот она всё и знает.

– Рука-то вторая оказалось Зойкиной мачехе принадлежит, – от возбуждения Валерия аж подпрыгивала на месте, хотя при её корпулентности это непросто.

– Да откуда это известно-то? – Спросил Михалыч.

– Экспертизу провели, специальную. Сравнили ДНК этой руки с личными вещами мачехи. Всё совпало. Руку отрубили у неё как раз в ту ночь, когда в клетку волкам подкинули.

– А что же мачеха, в полицию не заявила. Или она в больнице без сознания?

– Пропала она. И никто не знает куда. Уже в розыск объявили. Вот по всему и выходит, что либо сама Зоя, либо её тётка в этом виноватые.

– А на фига им было эти руки в наш зверинец подбрасывать? Может кто-то специально тень на плетень наводит, что бы Зою с тёткой подставить, – предположил я.

– Это пока неизвестно. А только понятно, что всё это, так или иначе, с Зареченской связано.

Зоя появилась на работе через три дня. Бледная, осунувшаяся, перепуганная насмерть. Отпустили её, потому, что вины доказать не смогли. А без этого только на три дня задерживать можно.

Валерия баба-то добрая. Как Зойку увидела, так сразу к ней бросилась.

– Зоенька, как ты? Ты чего на работу-то пришла? Тебя же ноги не держат. Отлежалась бы дома.

– Не могу я дома. У меня же ближе тётки Тони и вас никого нет. А тётю в больницу увезли. С инфарктом. Прямо из тюрьмы.

Вот тогда я, наверно, и решил во всём этом разобраться. Жалко мне стало и Зою, и Антонину Леонидовну. За что их жизнь так выламывает? В то, что они руку у живого человека отрубить могли, да ещё хищникам подбросить, я ни на минуту не поверил. Это в полиции могут себе что-то там выду-

мывать, а я Зою два года знаю. И уверен, что она не из тех, кто на такое способен.

Что же. Начнём с самого начала. Что точно известно-то? Рука, оказавшаяся у Рыжика, была вполне законным путём ампутирована у Зоиного отца в больнице. Вот с этой руки и начну, пожалуй.

Стоп. Что-то мне студенты-медики говорили, что Константин в морге работал. При больнице наверно. Где у нас ещё морги-то есть? Если он мог в морге селезёнку взять, то, может, и руку там же прихватил. Вот зачем непонятно. Но может, у него с головой беда какая. Ну не пережил парень случившегося с любимой девушкой, и тронулся умом. Правда, долго он как-то трогался, целых три года. А сколько надо? Я, вообще-то, в этих делах не силён.

Надо бы узнать, в какой больнице Зойкин отец лежал.

Обо всём этом я размышлял, убираясь у животных. Закончив с этим делом, я отправился в контору. Там Валерия Викторовна и Владимир Михайлович Зою чаем отпаивали с вареньем. А она всё плакала. Даже точнее, не плакала, а как-то сочилась слезами, и никак успокоиться не могла.

Я решил, что найду ту сволочь, что с девчонкой такое сделала.

– Слышь, Зой, а в какой больнице твоему отцу руку отрезали? – Спросил я.

Валерия замахала на меня руками и зашипела как рассерженная кошка, а Михалыч покрутил пальцем у виска, де-

скасть, Зое и так плохо, а тут я с расспросами лезу.

Но Зоя подняла на меня заплаканные глаза и тихо сказала:
– В шестой.

А потом заговорила торопливо, всхлипывая и проглатывая от волнения слова.

– Предст’авляешь, Гриш, я ведь его нав’вестить п’приехала, когда узнала, что с ним приключ’чилось, а он видеть меня не за’хотел. Через врача пе’редал, чтобы я уб’биралась прочь, потому как нет мне про’щенья. Врач ещё и от себя добавил, что такие детки только г’горе родителям приносят, и лучше бы им вообще на свет не рож’рождаться.

Ишь ты, обидчивый какой! А когда он дочку свою лупцевал без всякой жалости, он о чём думал?

А вслух я спросил:

– И за что же он так на тебя рассердился?

– Да ведь тётя Тоня, когда у неё заявление в полиции не взяли, к папиному начальнику пошла. Уголовное дело не завели, но очередного звания папе не дали, а потом при первой же переаттестации и вовсе от него постарались избавиться.

Ну, это понятно. Если он с родной дочерью так обошёл-ся, то и ещё кого-нибудь изуродовать, а то и убить смог бы. А удалось бы это замять или нет – неизвестно. От таких вспыльчивых начальству один геморрой. И лучше от них избавляться, пока и над начальственными погонами тучи не сгустились.

Так, что же мы имеем? В шестой больнице руку ампутиро-

вали. Надо бы туда заглянуть. Михалыч мне помог эту больницу по Интернету найти. Правда, всё допытывался, зачем это мне.

– Прости, Михалыч, – говорю, – я пока и сам толком не знаю. Вот разберусь чуток, и всё расскажу.

– Смотри, глупостей там не наделай.

Да не собираюсь я никаких глупостей делать. Их и без меня в этом мире, есть кому творить.

На следующий день прихожу на работу, а Зоя уже у Рыжика клетку чистит. И вот ведь, штука какая, Рыжик – зверюга дикая, хищник, а к Зойке ластится! То ли соскучился, то ли понимает, что плохо девчонке, и утешить её хочет.

– Справишься одна сегодня? – Спрашиваю.

– Справлюсь, Гриша, не сомневайся.

Ну, а раз такое дело, я развернулся и поехал в эту шестую больницу.

Нашёл морг. Сунулся туда, да только там какая-то тётка мне навстречу выскочила. Злая, как оса. Налетела на меня.

– Вы куда идёте. Если у вас тут покойник, то вход с другой стороны. Всё же написано!

Я аж попятился.

– Нету, – говорю, – у меня тут покойника. Я вообще живого человека ищу.

– А про живых надо в справочной узнавать, а не по моргам таскаться.

И почему она такая злая? Я же ничего плохого не сделал и

обидного ей не сказал. Неужели она по жизни такая бешеная? А может, у неё неприятности какие-нибудь. Ладно, пёс с ней. Постою в сторонке. Может, выйдет кто. Есть же там живые люди, кроме этой тётки.

И впрямь, часа не прошло, как вышел молодой парень. Потянулся, на солнышко посмотрел, закурил. Я к нему. Поздоровался вежливо, представился. Спросил, не в морге ли он работает.

– В морге. Только тебе если покойника обиходить по-особому надо, так это не ко мне. У нас этим санитары занимаются. Среди них даже визажист есть настоящий. Всё в лучшем виде ребята сделают. И платить им напрямую надо. А я тут не при делах. Я патоморфолог и совсем другим занимаюсь.

– Да нет, мне узнать надо, не работает ли у вас Ливадов Константин.

– Работает. Только я его уже несколько дней что-то не вижу. Может, заболел. Но это надо у нашей Элеоноры Александровны спрашивать. Она главная.

– Это такая злая тётка с халой на голове?

– Она. Элеонора у нас, конечно строгая, но без причины на людей не бросается.

Ага, знаем мы, как не бросается.

– А тебе зачем Костик-то нужен?

– Понимаешь, месяц назад тут у одного мужика левую руку ампутировали, а потом её кто-то в наш зверинец подкинул. Вот я и хотел спросить Костика, не он ли так глупо по-

шутил. Из-за этой шутки хороший человек пострадать может.

– Ну, это вряд ли Костик мог сделать. Руку в хирургии ампутировали. К нам она попасть не могла. Только если мужик умер во время операции. Что бы уж, хе-хе, комплектом хоронить. Прости, это у нас юмор такой, специфический.

– А куда же она делась? Её что тому мужику отдали? У которого отрезали?

– Да нет, конечно. Только и в морг такое не несут.

– Как это?

– А зачем это в морге? Сюда тела умерших людей поступают. Здесь мы проверяем, отчего человек умер, не было ли врачебной ошибки. Ну и готовим к достойному погребению. А если нам сюда каждый аппендикс потащут вкупе с аденоидами и ампутированными конечностями...

– А куда же их девают? Не на помойку же?

– Существует специально разработанный порядок утилизации биологических потенциально опасных отходов. Всё это сразу помещается в специальный мешок или контейнер, герметизируется и отправляется в печь.

– А украсть ампутированную руку из этого мешка можно?

– Ну, парень, у тебя тоже юмор, как у патологоанатома, специфический. Да кому же в голову придёт в этом мешке ковыряться? Даже думать противно. Да и не безопасно это.

Ну да. Только рука-то как-то выбралась из этого мешка и попала в клетку к Рыжику. Вряд ли она смогла это сама

сделать. Да ещё через три месяца.

Напоследок я, набравшись храбрости, отправился на поклон к суровой Элеоноре Александровне, чтобы узнать адрес Константина Ливадова.

Элеоноре я рассказал всё. Она оказалась совсем не вредной, просто жутко усталой и замороченной.

– А рука-то точно Зареченскому принадлежит?

– Так в полиции эксперты установили. А я не знаю.

– Дичь несусветная!

– Может и дичь. Да только Зою с её тётушкой по-настоящему в тюрьму сажали. А я даже представить не могу, как ещё связать ампутированную руку Зареченского с нашим зверинцем. Кроме парня, который был в Зою влюблён, а сейчас у вас работает, больше никаких пересечений нет.

– А я пока всё равно связи не вижу.

– Костик, может, знает кого-то, кто ещё мог быть связан с вашей больницей и нашим тигром.

– Хорошо. Дам я тебе адрес Ливадова. Ему от бабки с дедом домик в пригороде достался. Туда он и съехал от родителей. Только глупостей там не наделей!

Я, правда, так на дурака похож, что меня все об этом предупреждают?

Адрес я быстро нашёл. Костик-то вроде меня, в деревне жил, через дорогу от городских кварталов. Халабуда его, как и моя, последние денёчки, видать, доживала. Даже двора-то при ней не было. Прямо с улицы так и заходи.

Дверь мне Костик открыл, ну, вообще, никакой. Вот зараза! Я, можно сказать, из-за его шуточек дурацких почти неделю до бутылки в собственном холодильнике дойти не могу, а этот, оттягивается в своё удовольствие. Паразит!

Начал я его про руку-то спрашивать, а он как заорёт вдруг.

– Да! Да! Да! Убил я эту бабу! Сначала руку ей отрубил, а потом и прикончил заразу, потому, как визжала она на весь посёлок.

Я аж растерялся. Какую бабу? Я же его про другую руку спросить хотел. Ну, про ту, которую у Зойкиного отца ампутировали.

Только пока я ушами-то хлопал, Костик вдруг бутылку, недопитую об угол стола дербулызнул.

Во, дурак! Там же ещё грамм пятьдесят оставалось на-вскидку.

В воздухе разлился знакомый запах, только он, почему-то, показался мне неприятным.

Зажав горлышко бутылки в руке, Костик двинулся с этой «розочкой» на меня.

Э-э, нет. Шалишь, брат. Я, худо-бедно с тиграми и львами справлялся, а уж с таким сусликом дранным...

Короче, двинул я ему раза! Потом взял поганца за шкирман, встряхнул маленько, чтобы в чувство привести. Похоже, перестарался немного, у Костика все косточки брякнули. Ну, я его, значит, аккуратненько на пол уложил и набрал 102. Пусть там сами в полиции разбираются, где, чьи руки,

а я что-то совсем запутался.

Я потом и в суд ходил. Зоеньку не пустил. Мы с ней маленького ждём, и не к чему в её положении всякие страсти слушать.

Костик на суде и рассказал, что обозлился на Зоиных родаков, за любовь свою порушенную. Долго не мог придумать, как отомстить. Да случайно узнал, про ампутацию руки у Зареченского. Тут у него план мести и созрел. Месяц потом эту руку в собственной морозилке хранил, пока Зоину мачеху выслеживал, да заманить сумел в свой «коттедж». Во, урод!

Ну, мы с Зоей поженились, и всё у нас путём.

Операцию пока делать не стали: беременным нельзя, доктор сказал. Я даже обрадовался про себя. Эту-то Зою я люблю, а после операции она другой станет, чужой совсем.

Но мы, конечно, сделаем потом эту пластику. Уж очень Зойке хочется. Денег накопим, и сделаем у самого лучшего доктора. А что, разве два честно работающих и непьющих человека нужной суммы накопить не смогут?

А бутылку ту, последнюю, которую я так и не выпил, мы теперь вместо талисмана семейного храним.

Детектив с лошадыю

Я – стерва. Такое уж у меня амплуа. Если подумать, то хотя бы одна стерва в женском коллективе просто необходима. Надо же остальным дружить против кого-то, и вдохновенно перемывать кому-то косточки. Это очень способствует единению коллектива. Так, что я хожу по жизни с костями, промытыми почти до стерильности, но ничуть не комплекую по этому поводу. Чего только не сделаешь, ради спаянного коллектива.

Не знаю, как звали того мудреца, который придумал комедию дель арте, но это был великий человек. В самом деле, если встречаешь Панталоне, то с самого начала понимаешь, что перед тобой старый похотливый козёл и не ждёшь от него благородства. К тому же он скуп и удавится за стакан газировки, так, что лучше не просить у него ничего, чтобы не ставить ни себя, ни его в неловкое положение. Если рядом оказывается Бригелла, то лучше держать ухо востро. Он, не то, чтобы настоящий воришка, но, если что-то, по его мнению, лежит плохо он постарается переложить это получше и поближе к себе, любимому. Причём это касается не только денег или вещей, но и людей. А уж с Коломбиной я вообще предпочитаю ходить по разным сторонам улицы. Две стервы рядом – это перебор.

К сожалению, в жизни не всё так просто, и не все пантало-

не носят красные штаны. Но наш прекрасный серпентарий, ой, пардон, частный кабинет семейной психологической помощи «Совет да любовь» построен по законам классической комедии дель арте, правда, маски немного другие. Ну, тут уж ничего не поделаешь, нам же не просто жить, но ещё и деньги зарабатывать в этом мире как-то надо.

Глава «Совета», она же соучредитель организации, Инга Владимировна работает в амплуа доброй, мудрой и всё понимающей тётушки. Знаете, из породы тех, кто уверено обещает: «чужую беду руками разведу». Приходите к ней с любой проблемой. Она всех поймёт, рассудит и даст мудрый и справедливый совет. Прекрасная женщина. Только очень несчастная. У неё муж пьёт. И не просто пьёт, а гуляет с купеческим размахом, сопровождаемым непристойными выходками. И со своей бедой Инга Владимировна не может справиться категорически. Или не хочет. Денег её супруг, крупный виноторговец на «хобби» жены не жалеет. Почти.

Второй экспонат нашей кунсткамеры это милейшая Елена Павловна. Это создание неземное. В свои пятьдесят шесть лет она по-детски верит в чудеса, и считает, что миром правит доброта, а если встречается что-то другое, то это просто ошибка, некий сбой в программе. Таким «сбоем» оказалась её жуткая соседка по даче, с которой достойнейшая Елена Павловна ведёт многолетнюю войну. Военные действия с обеих сторон представлены широким спектром: от разорения чужих цветников, до поджогов хозяйственных построек.

До опасного членовредительства пока дамы не дошли.

Третье наше сокровище – это Юленька, Юлия Михайловна. Прелестное создание. Её ампула – инженеру. Юная, наивная, очаровательная. У Юленьки безупречная фигурка, огромные голубые глаза в густых зарослях ресниц, золотистые волосы и маленький яркий от природы ротик. И характер у неё легкий и весёлый. Прелестная девушка! У Юлечки только один недостаток. Она прирождённая охотница за мужчинами. Ей очень нужен муж. Поэтому едва завидев потенциального жениха, Юля принимает охотничью стойку, только что переднюю лапу, как пойнтер не поднимает. Мужики от неё почему-то шарахаются.

Ещё у нас в штате две родственницы Инги. Карина ведёт всю бухгалтерию, а её дочь Алиса сидит на телефоне. Но они обе работают на удалёнке, и в офисе практически никогда не появляются.

Ну, и, наконец, ваша покорная слуга, Надежда Викторовна, двадцати восьми лет от роду, стерва. Я второй соучредитель нашей конторы. Не потому, что у меня много денег, а просто у меня было две бабушки, и после их смерти, я продала квартиру одной из них очень удачно, и вложила всё в наш с Ингой бизнес. Время от времени подумываю, а не забрать ли мне свою долю. Чему, чему, а уж деньгам-то всегда можно найти применение, да и куда более достойное, чем наш гадюшник. Но каждый раз не решаюсь сделать это. Ведь если я отзову свои деньги, то Инге придётся всё переделывать, ис-

кать другое помещение, подешевле. А мы тут славно устроились: несколько уютных комнаток, аквариумы, птички. Да не резкоголосые волнистики, а настоящие соловей и малиновка. Поют – заслушаешься. А ещё у нас есть две кошки: Марта и Ириска, и добрейшая дворняга Бантик. Мы специализируемся на анималотерапии⁴ особенно в лечении аутизма. В последнее время Инга носится с идеей иппотерапии⁵. Конечно кошечки и собачки – это прекрасно, но если бы у нас ещё была и лошадка...

– А почему не дельфинотерапия? А что, очень даже просто. Заведём дельфина. Пусть плавает в большом аквариуме в холле.

– Ах, Надежда, ну что вы такое говорите. Вы способны загубить на корню самое хорошее начинание. Вы, что не представляете, какие на это нужны деньги? Особенно в Москве, – вздыхает Инга.

– Честно скажу, не представляю. Я, вообще, с большими деньгами не очень в ладу. Только мне кажется, что иппотерапия обойдётся ненамного дешевле. Сама лошадь денег стоит. Да нам ещё не всякая подойдёт. Нужна ведь идеально выезженная. Плюс содержание этой самой лошади. Думаю, в Москве и это недёшево. А ещё, аренда, свободного от других занятий, манежа. Сами знаете, чем больше народу, тем с аутистом сложнее работать. И, конечно, зарплата тренера.

⁴ Метод медицинской и психотерапии с использованием животных

⁵ Метод реабилитации посредством лечебной верховой езды.

Ведь никто из нас с лошадьми обращаться не умеет. В наших корявых ручках лошадь может испугаться или заупрямиться, или... Ну, что там ещё они могут делать?

– Наденька, с вами так тяжело бывает дискутировать, вы не можете понять чужой мечты. У вас душа бескрылая, – укоряет меня Елена Павловна, и Юленька согласно кивает.

– Зато моя душа ногами крепко на земле стоит – фыркаю я в ответ.

Дамы молча поднимают глаза к небу. Правильно, чего от стервы ждать.

Но мечта об иппотерапии упорно не хочет нас покидать наш маленький дружный коллектив, и однажды утром Юлечка влетает в офис, сияющая, как новая монетка, и прямо с порога кричит:

– Кажется, я нашла нам лошадку.

– Что за лошадка, рассказывай, – сразу заинтересовалась Инга.

– Правда, пока это всё ещё вилами на воде писано. Просто через десятые руки до меня дошла информация, что недалеко от Москвы есть один богатый бизнесмен, владеющий неплохой конюшней и не чуждый благотворительности. И в его конюшне живёт пожилая кобыла Магнолия. Она много лет детишек в парках катала.

– Ой, – прошептала Инга, – дайте ухвачусь за что-нибудь деревянное, чтобы удачу не спугнуть.

Вцепившись в столешницу старенького стопроцентно де-

ревянного столика, подаренного нам добрым самаритянином (столлик раньше принадлежал его бабушке и предназначался помойке), Инна Владимировна попросила Юлию.

– Юленька, а теперь подробно и не спеша расскажите, кто этот бизнесмен, и как с ним договориться.

– У меня есть двоюродная сестра. Брат её мужа – лошади-ник. Три года назад они даже на паях с приятелем купили лошадь и по очереди на ней катались по выходным. Потом что-то не заладилось. Так вот, держали они эту лошадку в частной конюшне. Там и познакомились с Огарковым Валерием Сергеевичем. По словам брата мужа моей кузины, этот Огарков нормальный мужик, и с ним можно иметь дело. При этом он богат настолько, что брать с нас горькие копейки за аренду лошади просто погнушается.

– Ага, как же, – фыркнула я, – знаете, Юлечка, чем богатые от бедных отличаются?

– Чем?

– Тем, что они ни одной копейки из рук не выпустят. Поэтому и богатеют.

– Наденька, не надо о грустном, – умоляюще прошептала Елена Павловна.

А Юлия посмотрела на меня так, что мне сразу захотелось спрятаться в тёмном чулане со швабрами. Кажется, её этот Огарков не только, как хозяин лошади интересует. От открытого столкновения нас удержала Инга. Она вспомнила, кто тут главный, отпустила несчастный столлик, который после

реставрации превратился в прелестную винтажную вещь, и строго сказала:

– Мы с вами не деревенские гадалки, а умные образованные люди. Поэтому не будем тыкать пальцем в небо, а будем действовать грамотно. Юлия Михайловна, постарайтесь всё точно разузнать об этом человеке и выяснить, как с ним связаться. И, если, он действительно готов оказать нам помощь, договариваться с ним будет Надежда Викторовна.

– Тяжёлую артиллерию хотите подключить? – Обиделась Юля.

– Да, – коротко ответила Инга.

В самом деле, мы все прекрасно понимали, что если с самого начала на несчастного мужика напрыгнет Юленька, отягощённая вечным охотничьим инстинктом ловли спутника жизни, то этот самый богач просто сбежит от нас вместе со своей кобылой. Конечно, я предпочла бы, чтобы переговоры вела сама Инга, но возможно, она решила пока побыть в резерве и вступить в переговоры, если понадобится подкрепление. Ладно, ей видней. Она выше сидит, дальше глядит.

В области сбора информации Юле нет равных. Уже через несколько дней она на нас вывалила целый ворох этой самой информации. Огарков вдовец. Жена его, бывшая топ-модель, разбилась на машине полтора года назад. Есть пятилетний ребёнок. Аутист. Имеется роскошный особняк на Новой Риге, огромный участок земли со своими лесами, прудами, конюшнями и т.д. Словом, жених перспективный во

всех отношениях.

Последнее Юлия не озвучила, но это можно было прочесть в её сияющих глазах.

– А как с ним можно связаться? – Спросила Инга будничным голосом, выдёргивая Юленьку из радужных мечтаний о прекрасном принце с дворцами, прудами и конюшнями.

– Вопросами благотворительности у него занимается секретарша, старая выдра из бывших комсомольских лидеров.

Выдра – это хорошо. С выдрой можно попытаться договориться. По крайней мере, она вряд ли будет растекаться мыслию по древу. Да, так да, ну а нет, так обойдёмся без лошади.

С «выдрой», в миру, Марией Андреевной Ложкиной мы действительно договорились быстро. Она меня выслушала, задала пару уточняющих вопросов и сказала, что переговорит с Валерием Сергеевичем и перезвонит мне. Позвонила она на следующий день и сообщила, что Огарков предлагает приехать к нему в пятницу к трём часам дня домой. Там же я могу посмотреть лошадь и условия для проведения занятий с детьми. Я спросила, как добраться и Мария Андреевна очень удивилась, что я поеду без машины. Ну, да, нет у меня машины. Живу я около метро, до работы мне идти пятнадцать минут пешком, до дома родителей пять трамвайных остановок, и дачи у меня, к счастью нет. А держать этого крайне неудобного во всех отношениях (парковки, техосмотры, страховки – жуть!) белого слона мне не хочется.

Милейшая Мария Андреевна подробно описала дорогу от станции, и даже любезно скинула расписание наиболее удобных электричек.

Итак, в пятницу я семеняла по тропинке от станции Манихино к загородному владению господина Огаркова. Я спешила. Огарков просил меня приехать к трём, а точность, как известно – вежливость королей. Увы, короткая пешеходная тропинка от станции к усадьбе оказалась не такой удобной, как я ожидала, и времени пришлось потратить больше расчётного.

Было уже без пяти три, когда я, основательно запыхавшись, вошла в открытые ворота поместья господина Огаркова. Позади меня раздался негромкий рокот двигателя, и небольшой открытый ярко-алый автомобильчик, обогнав меня, резко затормозил. За рулём оказалась красивая девушка, выглядящая так, словно ей прямо сейчас предстояла съёмка на обложку глянцевого журнала.

– Эй, голубушка, вы кто такая? – Высокомерно осведомилась «глянцевая» барышня.

Признаюсь, у меня на языке вертелся встречный вопрос: «А вы, милочка, кто?».

Прикусив язык вместе с дерзким вопросом (может, это родственница Огаркова сестра или дочь), я вежливо ответила:

– Меня зовут Надежда Викторовна Рыбакова. Я приехала к Валерию Сергеевичу по делам благотворительности.

– Что-то он мне ничего про это не говорил, – фыркнула красавица.

– А должен был? – Спросила я невинно.

Девушка как на стенку налетела, и принялась хватать ртом воздух.

Ну, вот кто, скажите, пожалуйста, меня за язык тянул? Обидела человека. Да, мне эта девица не понравилась, но я тут в гостях, а она, похоже, дома. Я уже придумывала, как бы мне загладить свою дерзость, когда позади нас остановилась ещё одна машина. Элегантный водитель быстро, но не суетливо вылез из авто, обошёл его и распахнул пассажирскую дверцу.

Холёный импозантный уверенный в себе мужчина лет сорока-сорока пяти подошёл к нам. Если это сам Огарков, то переговоры будут непростыми.

– Здравствуй, Лола, – сказал он красавице, помогая ей выйти из машины, – признаться, я не ожидал тебя сегодня.

Потом он вопросительно уставился на меня. Я поспешила представиться.

– Моя фамилия Рыбакова. Надежда Викторовна. Мы договорились сегодня встретиться с вами в три.

Я намеренно не стала употреблять выражения: «вы велели приехать сегодня» или «вы назначили мне встречу» и так далее. Я понимаю, что я здесь в роли просительницы, но Огарков произвёл на меня впечатление человека, который принимает решения твёрдо, и не меняет их из «снисхождения»

к слёзным мольбам и униженным просьбам. Так что влиять перед ним хвостом бесполезно. Он решит давать нам лошадь или нет без моих прогибаний. А, потому, лучше говорить на равных.

– Да, да. Вы ведь детский психолог и интересуетесь Магнолией. Прекрасно. Я, признаться, только что с биржи. Голоден и зол. Поэтому, предлагаю, сначала пообедать, а уж потом заниматься делами. Вас устроит такой вариант?

– Вполне, – улыбнулась я.

К нам подошла величественная дама в строгом деловом костюме шоколадного цвета.

– Анна Борисовна, Это Надежда Викторовна. Сегодня она обедает с нами. Я сейчас приведу себя в порядок, и минут через пятнадцать садимся за стол.

Он предложил Лоле руку, и они пошли к дому.

За обедом Валерий Сергеевич был мил и любезен. Он умело распределял своё внимание между мной и Лолой, не забывая при этом и о еде. Он воздал должное замечательной солянке, похвалил новый наряд Лолы и заявил мне, что не ожидал увидеть столь симпатичного психолога.

Я легко подхватила непринуждённость беседы и сказала, что «симпатичность» – это одно из обязательных качеств моей профессии, так как психолог, не вызывающий симпатии, не найдёт дороги к сердцу пациента. Мы ещё немного поболтали на общие темы, ну, там о погоде, о природе, но потом заговорили об аутизме, и Валерий Сергеевич полностью пе-

реключился на разговор со мной. По тому, как насупилась красавица Лола, я поняла, что ей это неприятно.

После обеда мы с Огарковым направились к конюшням. Лола отказалась составить нам компанию, сославшись на то, что её туалет не приспособлен для прогулок по скотным двора́м.

– Я подожду тебя в голубой гостиной, милый, – проворковала она.

– Конечно, дорогая, – отозвался Огарков, недовольно дёрнув уголком рта.

Не знаю, какие узы их связывают, но, мне кажется, что девушке надо чуть поаккуратнее заявлять свои права на Валерия Сергеевича. Впрочем, не моё это дело. Сами разберутся. Взрослые люди.

В полумраке конюшни Магнолия показалась мне чудовищно огромной. Когда она, узнав хозяина, подалась к нему, я невольно шарахнулась.

– Похоже, вы боитесь лошадей, Надежда Викторовна, – насмешливо сказал Огарков.

– Боюсь, – призналась я, – я истинная горожанка, и троллейбус мне как-то привычнее лошади.

– Как же вы собираетесь работать с лошадью, если вы её так боитесь?

– Я не знаю... Я думала, что есть какие-то специально обученные люди, – беспомощно проблеяла я.

– Люди-то, конечно есть. Но как быть с вашими пациен-

тами. Если вы так боитесь лошадей, то их нелегко будет убедить в том, что лошади можно доверять.

Ага, прочитай мне ещё курс по детской психологии! А то я сама не знаю, что дети считают взрослых на невербальном уровне. И угораздило же меня в это ввязаться. Почему бы Инге самой с этим всем не заняться. Впрочем, о чём это я? Инга не согласится работать на выезде. Не царское это дело, да и контору оставить не на кого. А больше детских психологов у нас нет. Срочно брать ещё кого-то? Ну, это не серьёзно. Психолог, это вам не дворник, абы кого не возмёшь. Пока подберёшь нужного специалиста, тут и лето пройдёт. Придётся таскаться сюда осенью или зимой. Технически, это возможно, но первое впечатление у детишек должно быть приятным. Начало лета это свежая зелёная травка, одуванчики, птички поют. Красота, одним словом.

Наверно, все эти мысли отражались на моей физиономии, потому что Огарков уже откровенно потешался надо мной.

– И что будем делать? – Спросил он издевательски.

– Не знаю, – призналась я.

– У меня к вам такое предложение. Вы могли бы остаться у меня на эти выходные? У меня просто образовалось окошко до понедельника, и я мог бы сам попытаться, как это у вас, психологов, говорится, адаптировать вас к работе с лошадьми. Ваш муж не будет возражать?

– Я не замужем. Я уже сходила замуж и мне там не понравилось.

– Вот и прекрасно. Значит, мы с вами можем позаниматься с лошадьми, а если у вас всё получится, будем решать, как и на каких условиях, я буду предоставлять вам Магнолию для работы с детьми.

– Но я ведь ехала на деловую встречу, и у меня с собой кроме телефона и книжки в дорогу ничего нет.

– Это не проблема. Сейчас водитель отвезёт вас домой, вы возьмёте всё необходимое и вернётесь. Впрочем, если вам это удобнее, скажите Анне Борисовне, и она обеспечит вас всем необходимым.

– Нет, нет, спасибо, я предпочитаю свои вещи.

Через пятнадцать минут я уже ехала в роскошной машине в сторону Москвы и недоумевала, как сумела влипнуть в эту авантюру. Нет, определённо, этот Огарков страшный человек. Даже не человек, а бульдозер какой-то, всё сметает на своём пути. Я даже сама не поняла, как я согласилась. И что теперь делать? Может, добежать до квартиры, запереться там и сказать, что передумала. Да нет, глупости какие-то. Детский сад. Огарков же цивилизованный человек. Не съест же он меня за эти два дня. Я предупрежу родителей, Ингу. Адрес Огаркова у Инги есть. Чего тут паниковать-то без повода?

Вечер пятницы не самое лучшее время для передвижения на автомобиле по Новорижскому шоссе, но водитель Огаркова виртуозно миновал все пробки и доставил меня в усадьбу с максимальным комфортом. На крыльце меня уже ожи-

дала Анна Борисовна.

– Пойдёмте, я провожу вас в вашу комнату, и помогу обустроиться. Ужин у нас в восемь, – сказала она вежливо.

«Комната» оказалась двухкомнатными апартаментами с собственной ванной и огромным балконом. Я вышла на балкон. Пахло черёмухой, где-то начинал пощёлкивать соловей. Да, живут же некоторые.

На следующее утро, мы, как и договорились накануне, встретились в шесть утра. Выпив по чашке кофе, мы отправились на конюшню.

– Давайте просто прогуляемся, – предложил, Огарков, принимая из рук конюха повод Магнолии.

Мы пошли по тропинке, а следом шла огромная белая лошадь, и я поначалу могла думать только об этом. Но постепенно так увлеклась рассказом Валерия Сергеевича, что почти забыла об этом.

– У Магнолии непростая судьба, Когда я только начал обучаться верховой езде, Магнолия была моей первой лошадью. Она всегда отличалась кротостью и идеально подходила начинающим. Я случайно встретил её через десять лет. Бедняга попала в руки «катальщиков». Причём, очень недобросовестных, и они довели её до ужасного состояния. Ветеринар, который потом лечил Магнолию, утверждал, что это ходячий справочник по болезням лошадей. Я бы даже уточнил: «едва ходячий». Я выкупил старушку у этих бандерлогов и решил, что она имеет полное право дожить свою жизнь в нормаль-

ных условиях. Но мне кажется, что ей не хватает работы и общения с людьми.

Я так заслушалась, что даже не заметила, что поводья уже в моей руке, и я сама веду Магнолию.

Когда мы вернулись к завтраку, нас уже ожидала в столовой очаровательная Лола в изящном пеньюаре гиацинтового цвета и с безупречным макияжем. А вскоре к нам присоединилась холёная старая леди.

– Мама, познакомься. Это Надежда Викторовна. Она детский психолог.

– Она будет работать со Славой? А у неё есть рекомендации? – Осведомилась старуха.

– Пока она будет работать с другими детьми, – сказал Огарков.

Мадам сразу потеряла ко мне интерес, и, повернувшись к Лоле, желчно проскрипела:

– Деточка, вы опять забыли одеться должным образом. Мы же с вами договаривались, что пеньюар для будуара, а в столовую следует выходить в приличном виде.

Я сжалась, не зная куда спрятать глаза, а Лола только засмеялась, словно хрусталинки рассыпала.

– Ах, Ирина Александровна, у вас такие устаревшие понятия.

Ой, кажется, я попала в гадюшник покруче нашего.

После завтрака Огарков вновь потащил меня на конюшню. Теперь мне предстоял урок верховой езды.

Потом мы втроем плавали в бассейне, гуляли в парке, я снова общалась с Магнолией и даже научилась кормить её с руки дольками яблока, а потом пили хорошее вино на открытой веранде, слушая соловья, и снова гуляли...

Но Огарков вдруг неожиданно сказал:

– Через пятнадцать минут я уезжаю, могу вас подкинуть до лома.

Я уставилась на него с недоумением, не сразу сообразив, что уже наступил воскресный вечер.

– Поторопитесь, – холодно добавил Огарков, у меня через три часа самолёт. Я улетаю в Женеву. Вернусь через неделю, тогда и поговорим.

Неделя пролетела быстро. Надо было как-то разгрести текущие дела, перекинуть своих пациентов Инге, определить с кем начинать курс иппотерапии, проконсультироваться с опытными психологами, кто работал по этой методике.

Огарков позвонил в пятницу и приказал:

– Приезжайте.

На переговоры мы поехали вдвоём с Ингой. Огарков был сама любезность. Он не только позволил работать с Магнолией, но и отдал на всё лето в наше распоряжение гостевой домик, чтобы не таскать детишек каждый день из Москвы.

Когда мы прощались с Ингой, она прошептала:

– Надежда, учти, если ты со своей всегдашней стервозностью здесь в чём-то подгадишь, я тебя убью!

Но всё складывалось отлично. Уже в понедельник в госте-

вом домике поселились Ваня и Ксюша со своими мамами. Мы начали работать.

Познакомилась я и сыном Валерия Сергеевича, Изяславом. На моё счастье, всё оказалось не так уж и плохо. Конечно, у мальчика были некоторые признаки аутизма и задержки речевого развития, но главная проблема состояла в педагогической запущенности. Мамы нет, папе некогда, бабушка ребёнком заниматься не готова, а обе няни, единожды услышав про аутизм, не пытались это как-то преодолеть. А если подумать, оно им надо? Но уже наши первые занятия показали, что проблема Славы решаема.

А ещё я неожиданно пристрастилась к верховым прогулкам. Когда у Валерия Сергеевича бывала возможность приехать вечером домой, мы частенько катались часок другой после ужина.

Короче, сплошная пастораль. И я была совершенно довольна жизнью и собой, пока меня не начали убивать.

Впрочем, ещё до этого у меня состоялся очень важный разговор с матерью Валерия.

Как-то раз, когда я, проводив Ксюшу после занятий, брела вдоль пруда, меня вдруг окликнула Ирина Александровна.

– Надежда Викторовна, не хотите разделить со мной моё одиночество, раз уж сегодня вечерней прогулки не будет?

Действительно, Валерий Сергеевич уехал на несколько дней, а в одиночестве я кататься верхом не решалась. Я подошла к Ирине Александровне, сидевшей в удобном крес-

ле на берегу с удочкой в руках. Знаком предложив мне усаживаться в соседнее кресло, мадам вдруг хитро подмигнула мне и предложила:

– Посплетничаем?

– Охотно, – искренне отозвалась я.

– Я замечаю, что Валерка стал приезжать каждый вечер домой.

– А что в этом такого? Ведь это его дом, – не поняла я.

– Его, но раньше он приезжал только на выходные, предпочитая всю неделю ночевать в московской квартире. Какие у вас на него виды, Наденька?

Я поняла, что краснею. Честно говоря, Огарков был мне симпатичен. Моё первое впечатление о нём, как о человеке-машине было явно несправедливым. Да, деловой человек должен ценить своё время, не расплёскиваться в сантиментах и не колебать воздух красивыми словесами. Но при этом мне по-настоящему было приятно и интересно с ним общаться.

– Вот и я о том же, – скрипуче хихикнула старуха.

– Он мне нравится, – призналась я, – но он ведь несвободен.

– Кто вам сказал?

Брови Ирины Александровны недоумённо взметнулись вверх.

– Но ведь Лола...

– Ха! Лола! Мой сын сделал однажды большую глупость

– женился на пустоголовой кукле. Эта моделька поспешила забеременеть, чтобы Валерку захомутать. Дурочка не понимала, что мужик не судак, и на живца не клюёт. Правда, Валерке всё равно надо было жениться. Для солидности, так сказать. Холостой бизнесмен с определенного возраста уже не вызывает доверия. Но Валерий хоть и связал себя узами брака, любить эту куклу не собирался, как и менять свой образ жизни. Мамашке ребёнок тоже не был нужен, и она им не занималась. Ей нужна была красивая жизнь, но вся эта шелуха брюлики, тряпки, машины довольно быстро приедается. Бедная девчонка бродила целыми днями по особняку в гордом одиночестве. Общаться со слугами ей статус не позволял, а мне она была неинтересна. Первые месяцы она, конечно, упивалась хвастовством перед бывшими приятельницами, но потом это надоело и им, и ей. И тогда она нашла отдушину в алкоголе и стритрейсинге. А это сочетание редко доводит до добра.

– А Лола?

– Лола дочь Валеркиного партнёра по бизнесу. Она немного похожа внешне на первую мою сноху. С чего-то девочка решила, что теперь её очередь стать супругой Валерия. Причём, зачем это ей надо, непонятно. Никаких тёплых чувств они друг к другу не испытывают. Богатый жених ей тоже не нужен. Лолкин отец не беднее Валерия и для своей любимой единственной доченьки ничего не жалеет. Так, что Наденька, если мой сынуля вам интересен, считайте, что я

вас благословила. А Мишке, это Лолкин отец, я скажу, чтобы он девчонку в какое-нибудь интересное путешествие отправил. Глядишь, она мозги проветрит, и поймёт, что ей Валерий на фиг не нужен.

Честное слово, после этого странного разговора, у меня что-то в душе переменялось. А, может, и правда...

И вот тут меня начали убивать.

Первый случай произошёл в начале июля. Я уже работала со второй группой детишек – Дилярой и Сигизмундом.

Вспоминать произошедшее неприятно. И всё же я вспомню.

Итак, бархатистый июльский вечер. Мы с Валерием едем бок о бок по дорожке у пруда. Валерий на своём красавце могучем Голиафе, невероятного почти бронзового цвета, а на миниатюрной рыжей Шанели. Болтаем о пустяках, любуемся закатом. Вдруг я слышу какой-то громкий хлопок, и сразу чувствую резкую боль в плече. Дико ору, и благовоспитанная Шанель срывается от моего вопля в безумный неуправляемый галоп. Впрочем, я и не пытаюсь управлять лошастью. Бросив поводья, я тупо трясусь в седле, цепляясь изо всех сил за лошадиную шею. Но эта шея почему-то очень мокрая и липкая, и я понимаю, что не удержусь...

Я не помню, кто остановил лошадь, кто снял меня с её спины и перенёс в дом. Я вообще больше ничего не помню из событий того вечера и следующего дня.

Очнулась я в своей постели. Рядом сидела женщина в би-

рюзовом медицинском костюме. Увидев, что я пришла в себя, она наклонилась надо мной, и участливо спросила:

– Как мы себя чувствуем?

– Как вы не знаю, а я паршиво, и пить очень хочется.

Язык у меня шершавый и неповоротливый. Левая рука забинтована, и как-то мучительно онемела, к правой подключена капельница.

– Что случилось?

Женщина поднесла к моим губам поильник и принялась рассказывать:

– В вас стрелял какой-то мерзавец. Охрана Валерия Сергеевича и полиция его сейчас разыскивают. Но вы, Надежда Викторовна молодец. Вы сумели удержаться на лошади и не упасть. Падение могло стать фатальным. А рана у вас неопасная. Можно сказать, что это просто глубокая царапина. Даже кость не задета.

В середине дня меня навестила Ирина Александровна.

– Наденька, как ваши дела?

– Бывало и получше. Не пойму, зачем в меня стреляли? Кому я нужна?

– Полиция предполагает, что стрелок банально промахнулся. Он стрелял против солнца. Возможно, его целью был Валерий. Сами понимаете, чем богаче человек, тем больше у него недоброжелателей. Это сейчас пока рассматривается, как основная версия.

Я провалялась неделю. Меня постоянно навещали, то

Ирина Александровна, то Валерий. Частенько приходил ко мне и Славик. Надо сказать, что мальчуган выправляется прямо на глазах. За время моей болезни мы с ним научились лихо складывать пазлы и узнавать в детских книжках с крупными буквами все буквы его имени. Думаю, что к школе от его проблемы и следа не останется. Вот только бы с хорошим логопедом ему позаниматься. Я в этом вопросе не сильна.

Валерий был встревожен и мрачен. Стрелка так найти и не удалось. Полиция смогла определить, откуда он стрелял. В этом месте были обнаружены следы автомобиля, предположительно Шкоды Фелиции, и мотоцикла марки Хонда. Возможно, этой машиной или мотоциклом пользовался преступник. К сожалению, от того места недалеко до дороги, с которой запросто можно попасть и на Рижскую, и на Ленинградскую трассу, а там искать неизвестные транспортные средства труднее, чем иголку в сене. Больше зацепить стрелявшего было нечем.

Рука у меня заживала на удивление быстро. Возможно, благодаря каким-то особым импортным препаратам, которые Валерий доставал, невзирая на все санкции. И уже через две недели, я смогла продолжить занятия с Дилярой и Сигизмундом.

И вот тут произошло второе покушение, куда более жуткое.

В конце июля погода испортилась. Похолодало, зарядили дожди. Нам пришлось перенести занятия в манеж. Надо ска-

зать, что конюшни, ветеринарка, выгульные и тренировочные площадки были оборудованы замечательно, а вот манеж был довольно убогим. Ни сам Валерий, ни его гости практически никогда манежем не пользовались, и конюхи даже приспособились хранить в нём сено, оставив для занятий небольшую площадку.

В тот вечер мы занимались с Дилярой. Это был последний день наших занятий. На следующий день должны были заехать следующие детишки. Я не без гордости отмечала, что благодаря нашим занятиям, Диляра сделала большой шаг вперёд. Таких успехов у меня ещё не было. Малышка даже научилась сама забираться на Магнолию, по специальной лесенке. Это давало нам возможность заниматься вдвоём.

Магнолия, безусловно, была лучшая из лошадей. И она погибла из-за меня. Не могу без слёз вспоминать это благородное животное.

Но обо всём по-порядку. Итак, мы занимались с Дилярой, и умница Магнолия первая заметила опасность. Почему-то загорелось сложенное в манеже сено. Загорелось сразу в трёх местах! Сдёрнув ребёнка с лошади, и прижимая девочку здоровой рукой к груди, я бросилась к воротам манежа. Они оказались заперты! Снаружи! Солома уже пылала вовсю. Но я ещё не успела толком испугаться, и потому смогла вспомнить про маленькую дверцу сбоку от ворот. Я прыгнула на эту дверцу спиной вперёд, выламывая хлипкую щеколду. Вывалившись на улицу, я кое-как, не выпуская

перепуганную Диляру из рук, я бросилась прочь от уже всюю полыхающего манежа. Вслед мне несся жалобный плач несчастной Магнолии.

В тот же вечер я уехала в Москву.

Ирина Александровна приехала ко мне в начале сентября. Я даже не сразу поняла, как она смогла меня разыскать. По возвращении в Москву, я оборвала все связи и поменяла в телефоне симку.

– Как нашла, как нашла, – проворчала старуха, – ты просто забыла, что тебя же Руслан возил за вещами. Кстати, твоё барахлишко я не взяла специально. Сама за ним приедешь. Или к нему.

– Ирина Александровна, я не могу. Это же я Магнолию погубила. Бросила там в манеже. У меня до сих пор её крик в ушах.

– Глупости-то не говори. Ты, между прочим, ребёнка спасла. Раиса умоляла Валерку твой адрес дать. Она тебе по гроб жизни благодарная. Это её собственное выражение. А Магнолия... Что же, и мне её жалко. Хорошая лошадка была. А спасти её у тебя просто возможности не было. Мы с тобой давай лучше так поступим, кончай киснуть, и начнём искать эту сволочь. И за тебя отомстим, и за Магнолию, и за маленькую девочку, которую эта дрянь не пожалела. Ведь, если бы не ты, Диляра бы погибла.

– Как мы будем искать? Ведь полиция же искала и не нашла.

– Не нашла.

– А ведь они специалисты.

– У них мотивация другая. Им «палку» за раскрытие надо. А нам с тобой надо гадину отловить. А мотивация, она дорогого стоит.

– А мы с вами умеем преступников ловить?

– Научимся, раз надо.

Несгибаемая старуха. Хотя надо признать, с нашей последней встречи она сильно сдала. Из холёной пожилой дамы она, действительно превратилась в старуху. Впрочем, и я вряд ли похорошела.

А Ирина Александровна между тем продолжала.

– Я у полицейских всё досконально вызнала. И с операми беседовала, и с экспертами, и со следователем. Они сначала хорохорились, ну, типа там «тайна следствия» и всё такое. Но со мной спорить тяжело.

– Это точно.

– Вот и не спорь. Значит, что я узнала. Первое, солома загорелась одновременно в нескольких местах.

– Да, но как это могло произойти, не представляю. На это ведь время нужно, я при этом не могла не заметить поджигателей, но я никого не видела. И не только я. Время было ещё не позднее. Около пяти часов. Лето. На тренировочной площадке кто-то работал, охранники мимо проходили, Рая сидела неподалёку, дочку ждала. Они в этот же вечер уехать собирались. И никто не заметил поджигателей.

– Вот и первый крючок, за который мы подцепим нашего злодея. Эксперты выяснили, что горючая смесь была размещена в манеже заранее. По их расчётам, во второй половине ночи, где-то часа в два-три.

– Но почему манеж не загорелся тогда?

– А вот в этом главная хитрость. Вот на этом мы гадину и поймаем. Горючая смесь была прикрыта специальной плёнкой, которая испарилась через четырнадцать-пятнадцать часов после закладки. Смесь загорелась, как только к ней начал поступать воздух.

– Не понимаю, чем это может нам помочь.

Кажется, меня начала захватывать сыскная лихорадка.

– Эта тварь разбирается в химии. И очень неплохо. Просто погуглив состав горючки и защитной плёнки, такую пакость не создашь. Да чтобы она ещё и загорелась в нужное время.

– С этим трудно не согласится.

– Вот, вот. Это у нас первое. Но есть и второе. Неподалёку от манежа опять были обнаружены следы мотоцикла и опять Хонды. Более того, эксперт с большой долей вероятности предположил, что это тот самый мотоцикл, который был на месте выстрела. Там какие-то характерные дефекты на крышке.

– Сколько в Москве и области химиков на мотоцикле?

– А пёс их знает, много, наверно. Но есть ещё одна зацепка, которая сужает круг подозреваемых.

– Какая?

– Скорее всего, это баба.

– Почему?

– Валерка по молодости был очень неопрытен в отношениях с женщинами. Это он в отца пошёл. Тот тоже был кошак мартовский. И тоже к сорока годам избегался и остепенился.

– Но я честно не знаю, кто из женщин мог бы так меня ненавидеть. Разве, что Лола на меня обиделась.

– Не наговаривай на ребёнка. Лолка давно в Австралии. Дайвингом у большого кораллового рифа занимается. Такие видео присылает. Красота. Кстати, они там с подружкой себе таких кавалеров отхватили, что Валерке с ними не тягаться. Да и характер у Лолы не тот.

– А больше и подумать ни на кого не могу.

– Наша цель – это злобная, умная баба, которая знает химию, ездит на мотоцикле и умеет стрелять.

– И где мы такую найдём?

– Места надо знать. Сейчас мы Машке Ложкиной позволим.

– Кому?

– Марии Андреевне Ложкиной. Это секретарь Валерия по общим вопросам. Она Валерку знает, как облупленного. Она была секретаршей у его отца, и Валерия именно она приобщала к ведению дел. Сергею было не до таких мелочей, он бизнесом занимался.

– Да, да. Мария Андреевна. Я же с ней общалась.

– Всё, тихо, я звоню. Маш, привет, это Ира... Ты же всё знаешь про наши скорбные дела... Интересно, откуда... Тебя допрашивали?... Неленивые ребята у нас в полиции работают... Ещё бы все преступления раскрывали... Ладно, ладно, мне нужна твоя помощь. Ты знаешь всех пассий моего сынули?... Да не прибедняйся. Подарки, цветы он, что, сам заказывал?... Почему именно на этих обратить внимание?... Ну, что же, пожалуй, с них и начнём.

Ирина Александровна отложила телефон.

– Значит так, женщин, конечно, у этого кобеля хватало, но в основном это были кратковременные ничего не значащие связи. Из серьёзных романов можно отметить Галину Грачевскую, Анастасию Персикову и Людмилу Савицкую. Ещё две дамы надолго рядом с Валерием не задержались, но почему-то каждой из них он приобрёл квартиру, одной в Кузьминках, другой в Митино, и регулярно высылаёт кругленькую сумму денег.

– И что нам теперь со всем этим делать?

– А теперь мы будем думать. Мне кажется, что наш злоумышленник кто-то из этих прекрасных дам.

Думать, так думать. Я честно попробовала. Но у меня ничего не получилось.

Ирина Александровна позвонила через два дня.

– Надя, я нашла частного детектива, который нам поможет. К сожалению, меня сейчас так скрутил радикулит, что я почти не встаю с постели. Работу сыщика я оплатила, но

общаться с ним придётся тебе. Высылаю координаты.

Детектива звали Константин Горбовский. Уже через неделю он предоставил мне адреса и телефоны всех «фигуранток». Я начала планомерное знакомство с дамами. С кем смогла. Анастасия Персикова, по данным частного детектива, восемь лет назад вышла замуж за англичанина и уехала из страны. Людмила Савицкая чуть больше года назад умерла от рака. С Галиной Грачевской мне удалось пообщаться. Дабы не спугнуть предполагаемую преступницу, я без предварительного звонка заявила к ней домой.

Дверь мне открыла решительная особа в спортивном костюме. Такую запросто можно представить и на мотоцикле, и с оружием в руках.

– Вы к кому? – Спросила она отрывисто.

– К вам, Галина Алексеевна. Мне надо с вами поговорить, – пробормотала я робко.

Что я натворила, я пошла сюда одна, никого не предупредив. А если она убийца, она сейчас меня приберёт тут как муху, а потом мой труп на свалку вывезет. Запросто.

Женщина посторонилась, кивком предлагая мне войти в квартиру, и поинтересовалась:

– Кто вас прислал?

– Никто. Я просто хотела поговорить о Валерии Сергеевиче Огаркове.

Грачевская уставилась на меня с таким недоумением, как будто я предложила ей пройтись на руках по Садовому коль-

цу.

– О ком? О Валерике Огаркове? А что с ним такое?

– Ничего, – поспешила я уверить, – он жив и здоров. Я только хотела узнать, вы были с ним знакомы?

– Да. У нас даже был роман. Семнадцать лет назад. Я тогда в институте училась. На последнем курсе.

– А потом?

– Потом мы разошлись. Я замуж вышла, потом развелась, потом ещё раз вышла, и опять развелась. Мне не до Валерика было. Так, что я ничего о нём не знаю. Но если вы, действительно, нуждаетесь в моей помощи, сочту ссылку на Валерика достаточным основанием, чтобы вам помочь. Из ностальгических соображений, так сказать. Так, какие у вас проблемы?

– А вы кто? – Спыхватилась я.

– Галина Грачевская. Мануальный терапевт. А вы кто?

– Простите, я не представилась. Меня зовут Надежда Викторовна Рыбакова. Я знакомая Валерия Сергеевича. Я разыскиваю знакомых Огаркова. Есть основания предполагать, что он кого-то из них обидел.

– Валерик? Обидел? Готова поклясться, что не меня. Однозначно.

Н-да. Как-то мои поиски не слишком успешны. Надо будет запросить у Горбовского дополнительную информацию о профессиях наших дам.

Когда детектив представил эти данные, я едва не взвизг-

нула, и тут же поспешила позвонить Ирине Александровне.

– Ирина Александрова, кажется, я нашла её!

– Рассказывай.

– Потоцкая Марина Игоревна. Именно ей Валерий Сергеевич девять лет назад приобрёл двушку улучшенной планировки в Митино. Как раз к рождению её сына. Ей же он ежемесячно выплачивает по сто тысяч.

– Похоже, это Валеркин ребёнок. Жениться он не хотел, но ребёнка обеспечил. Это в его духе.

– Самое главное, Потоцкая закончила цирковое училище. Работает каскадёром. А ещё, её часто приглашают для проведения фаер-шоу.

– Стой, где стоишь. И не думай сама соваться к этой Потоцкой. В этот раз можешь нарваться не на мануальщика, а на настоящего убийцу.

– Но у нас нет никаких доказательств её вины. В полиции с нами разговаривать не будут.

– И не надо. Без них обойдёмся. Я поеду с тобой, и мы выжмем из гадины признание.

– Ирина Александровна, если она действительно преступница, то вам лучше держаться от неё подальше. В вашем возрасте...

– Не хами!

– Простите, с вашим радикулитом.

– С ним я разберусь. Это не твоя печаль. Сейчас звякну Горбовскому. Пусть проследит, чтобы дамочка от нас не

улизнула. Я через час, нет, через два буду у тебя, и поедем к красотке в гости.

– А если она не захочет с нами общаться?!

– Постараемся её уговорить. Ты же у нас психолог. Вот и воздействуй на неё профессионально. Всё, ко мне врач пришёл. Сейчас меня обкалывать будет.

Два часа я металась по квартире. Во-первых, мне было страшно. К Грачевской я сунулась по дури, не совсем понимая грозящей опасности. Теперь у меня руки и нос похолодели от страха, и коленки подгибались, хотя где-то внутри у меня всё дрожало от охотничьего азарта.

А во-вторых... А вдруг я всё-таки ошиблась.

Через два с половиной часа, Ирина Александровна позвонила.

– Я у твоего подъезда. Спускайся. Ребята Горбовского подтверждают, что Потоцкая дома, а пацан её пока в школе. Поехали.

Ой, что будет!

Марина Игоревна оказалась женщиной почти фантастически красивой. Высокая, стройная с пышной гривой чёрных, как смоль волос и правильными чертами лица. На мой взгляд, её фигура была немного слишком атлетичной, но это ничуть не портило Потоцкую. И чего Валерий на ней не женился?

Она встретила нас страха и удивления.

– Ирина Александровна, Надежда Викторовна, что вас

привело ко мне?

Так она нас знает. Ничего себе!

– Я хотела спросить, чем вас обидел мой сын.

– Ничем.

– Он вас обманул?

– Нет. И жениться на мне не обещал. Вам ведь это интересно.

– Да, – вступила я в разговор, – тогда, объясните, пожалуйста, чем вы недовольны.

Потоцкая посмотрела на меня так, что не будь я стервой, я обязательно устыдилась бы своего нахальства и бежала прочь от этой достойной женщины. Увы, я оказалась достаточно толстокожей. А, может, вспомнила свой ужас, когда металась по горящему манежу с маленькой Дилярой на руках, и предсмертное ржание Магнолии снова зазвучало в моих ушах. Да и раненое плечо заныло. На нервной почве, наверно.

Короче, мы пару минут играли в гляделки, и пространство между нами едва не искрило от ненависти. Потом Потоцкая нервно передёрнула плечами и заговорила горячо и быстро.

– Мы познакомились с Валерием на корпоративе, куда меня пригласили выступить. У нас было всего несколько встреч, но я точно знаю, что Никита его сын. Когда я сообщила Валерию об этом по телефону, он кислым голосом сказал, что решит проблему. Это был наш последний разговор. Потом все переговоры шли через эту мымру Ложкину. Ва-

лерий откупился от меня этой халабудой и унижительными алиментами. Я всё ждала, когда же он одумается. Потом он женился на этой модельке. Я с удовольствием узнала, что она родила психически неполноценного ребёнка. А мой Никита умный и красивый. Он с четырёх лет шахматами занимается, в математический кружок ходит. К сожалению, я не могла переговорить с Валерием лично. Этот цербер в юбке охранял хозяина, как государственную тайну. Да и жена эта никчёмная между нами стояла. С этой дурой я быстро разобралась. Но и овдовев, Валерий не стал ближе. Можете представить, как мне обидно было сознавать, что все деньги достанутся этому дебилу Славику. А потом ещё и ты, стерва, нарисовалась. Я сразу почувствовала, что ты Валерия чем-то зацепила. С твоей-то рожей! Но, если бы он женился на тебе, могли родиться ещё дети, и тогда у Никиты совсем не осталось бы шансов. Вот я и решила убрать тебя.

В эту минуту раздался грохот выламываемой двери, и в квартиру влетели недобрые ребята в камуфляже.

Когда Потоцкую увели, я растеряно спросила:

– Ирина Александровна, откуда они взялись?

Старуха хихикнула и показала мне микрофон на своей блузе.

– Я не ты, я грамотно подготовилась. Ладно, поехали в школу, Никиту заберём. Что там как решат, пока непонятно, но не бросать же пацана одного.

Детектив с воробьём

Сначала я увидела глаз. Глаз был круглым чёрным и очень блестящим.

– Чирик, – крикнул обладатель глаза.

Кажется, он был чем-то недоволен.

Я не знала, что ему ответить, и поэтому промолчала.

– Чир-р-рик! Чир-р-рик!

Я попыталась подняться...

Передо мной маячила жуткая бледно-голубая фигура без лица. Живыми у чудовища были только два глаза. Мне стало страшно от этих, преследовавших меня глаз. Я зажмурилась с такой силой, что моим собственным глазам стало больно.

– Ага, очнулась, наконец. Как ты себя чувствуешь? – До-нёсся откуда-то вполне человеческий голос.

Чувствовала я себя плохо. Особенно болела голова. Мне казалось, что она разбита на много кусочков, и каждый из них сильно болит. И боль всех этих кусочков складывалась во что-то совершенно невыносимое.

– Александр Петрович, она пришла в себя!

– Хорошо, сейчас подойду.

Я заставила себя открыть глаза. Откуда-то сбоку приблизилась ещё одна безликая фигура. Я заставила себя присмотреться. Фу-у. Ну, и ничего страшного. Это просто человек. В тёмно-синей хирургической пижаме. А безликим он кажется оттого, что у него на лице медицинская маска! Я, наверно, просто в больнице. Вот только, как я сюда попала? Ничего

не помню.

– Деточка, хорошо, что ты пришла в себя. Ты сейчас на аппаратном дыхании, поэтому, не пытайся говорить, всё равно не получится. Но если ты меня понимаешь, просто прикрой глаза.

Я послушно хлопнула глазами.

– Замечательно! – Обрадовался мой собеседник. – Ты помнишь, что с тобой случилось?

Я попыталась пожать плечами, но не уверена, что у меня получилось.

– А как тебя зовут, помнишь?

Ну вот, я и имя своё забыла. Ужас! Что же теперь делать? Мне захотелось плакать.

– Ничего страшного, поспешил успокоить меня врач(?). Я сейчас буду называть тебе разные имена, а ты, если узнаешь своё, опять моргни.

Он принялся медленно и старательно выговаривать:

– Аня... Наташа... Лена... Маша... Катя... Люда...

Я поспешила опустить веки. Ну, конечно же, Люда! Как я могла забыть. Меня так называли в честь бабушки. Папиной мамы. Людмилы Андреевны Кукушкиной.

– Вот и славно. Теперь, Людочка, отдыхай, набирайся сил. Всё плохое уже позади, и теперь ты будешь просто выздоравливать. А я пока пойду и скажу твоим близким, что ты пришла в себя. А то они очень волнуются.

Он ушёл, а я закрыла глаза. Оказывается, я уже успела

очень устать. Как будто не глазами хлопала, а пару часов в спортзале напрягалась. Что же со мной произошло? И почему я ничего не помню? И тут мне показалось, что передо мной опять появился тот жуткий блестящий глаз! Кажется, я попыталась убежать или закричать. Не помню.

Маму и папу пустили ко мне на следующий день. Глаза у мамы были красные: наверно, она много плакала. Папа старался держаться молодцом, но выступившим на лысине и висках капельках пота, я поняла, что это ему нелегко.

Мне очень хотелось успокоить их, но говорить я по-прежнему не могла. Честное слово, женщина, лишённая возможности говорить – несчастнейшее создание!

И вообще, я чувствовала себя наполовину окуклившейся гусеницей, из-за множества оплетающих меня трубочек. Жуть! Судя по испуганным маминым глазам всё было ещё хуже, чем я могла себе представить.

Впрочем, ощущать и рассуждать я могла недолго, снова провалившись в какой-то плотный туман.

Как выяснилось позже, в этом странном состоянии я провела несколько дней. Иногда, я осознавала, что где-то рядом со мной мама, но по-настоящему отреагировать на это я не могла.

Наконец, врачи решили, что меня можно отключить от аппарата искусственного дыхания. Ко мне вернулся дар речи.

Тихо слабо невнятно, но всё же, я теперь могла говорить.

По этому поводу, мама и папа снова пришли ко мне вдвоём. Наконец-то я узнаю что произошло!

– Что со мной случилось? – Спросила я.

– На тебя напали в парке у метро, когда ты возвращалась из института, – ответила мама.

А почему я ехала на метро? Я же обычно езжу в институт на машине. Ах, да, кто-то накануне разбил в моём «Смарте» все стёкла. Ну, надо же, как всё совпало!

– А кто напал?

– Неизвестно. Но вряд ли это был вор. Телефон, деньги – всё на месте, сказал папа.

– Только обручального кольца нет, – добавила мама.

– А кольцо... Я его сама Тимуру вернула неделю назад.

– Вы поссорились?! – Мама так удивилась, что вскочила и заметалась по тесной палате.

– Мама, мы не поссорились, я его просто видеть больше не могу.

– Но почему ты нам ничего не сказала?

Я хотела ответить, что уже достаточно взрослая, чтобы некоторые вопросы решать самостоятельно, но тут следящий за мной прибор завыл. Тут же прибежала медсестра, прижала к моему лицу дыхательную маску и категорически заявила родителям, чтобы они покинули палату.

Мой папа, крутой бизнес-воротила, которого конкуренты боятся до обморока, и мама, которую и сам папа побаивает-

ся, испуганно съёжились и тихо попятились прочь.

Болезнь скучно. Наверно меня накачали какими-то лекарствами, и головная боль стала не такой сильной, но только, когда я не пыталась повернуть голову или скосить глаза вбок. Двигать руками и ногами я не могла из-за жуткой слабости. Кроме того, ужасно мешали всякие трубочки и липучки, которых на мне оставалось гораздо больше, чем хотелось бы. Оставалось лежать, глядя в потолок, и думать. Возможно, думать при травмах головы тоже не полезно, но не думать я просто не умею.

Итак, меня попытались убить в парке около метро. Если я возвращалась из института, то должна была оказаться в парке часов около шести. Там же народу в это время много! Именно через парк проходит дорожка к новому жилому кварталу и к остановке областных автобусов. Разгар весны, длинные и светлые вечера, хорошая погода. Это, каким же надо быть идиотом, чтобы нападать в таком неудачном месте и в такое время! Но, тем не менее, кто-то на меня напал. И весьма результативно, надо признать. Но зачем? Ничего ценного не взяли, следовательно, нападение было совершенно не с целью ограбления. А может, нападавший просто не успел меня ограбить. Кто-то его спугнул. Но это можно было предположить заранее, учитывая место и время нападения.

Жаль, что я не помню ни самого нападения, ни того, что случилось непосредственно перед ним. Только этот жуткий

блестящий и круглый глаз!

Наверно, вспомнив этот глаз, я разволновалась настолько, что прибор опять взвыл. Тут же прибежали медики, поставили капельницу, да ещё и сделали весьма болезненный укол.

Всё стало погружаться в вязкий туман.

Я не знаю, сколько прошло времени, но в палате было полутемно – горела только дежурная лампа. Я снова постаралась вспомнить события, предшествующие нападению.

Это случилось, кажется, в четверг. Что у нас было в четверг? Надо всё вспомнить, как можно подробнее.

Утром я едва не проспала, потому что будильник прозвенел на полчаса раньше. Ну, да. Машину-то пришлось отдать в ремонт, а на общественном транспорте до института пилить почти полтора часа... На завтрак Антонина подала сырники с вишневым киселём. Она готовит потрясающие сырники... Народу в метро было много, на Киевской, где я делала пересадку, еле удалось втиснуться в вагон... Сначала у нас были лекции по полимерам, и по нанотехнологиям, потом сдвоенная лабораторка по комплексным соединениям... Юлия Черникова попросила, чтобы я её подвезла, а я сказала, что машина сломана. И мы вместе пошли к метро. А что было потом? Тут мне опять вспомнился страшный глаз, и мысли безнадежно смешались.

Почему мне всё время вспоминается этот ужасный глаз?

Может, преступник, напавший на меня, был одноглазым. Ага, Циклоп Филёвский! Глупость, какая. Да и форма глаза странная, такой у людей не бывает. Нет, надо постараться забыть про этот глаз, и вспомнить всё остальное.

Прошло ещё два дня. Мне никак не удавалось вспомнить точно, что же тогда произошло в парке. Я вновь и вновь возвращалась к воспроизведению предшествующих событий. Вот после лекции мы с Викой решили выскочить в кафе победать. К нам присоединились Мигель и Стасик. На выходе что-то задержало меня, и потом мне пришлось бежать, чтобы догнать ребят. Но, что меня задержало? Меня кто-то окликнул? Нет! Мне кто-то позвонил. Точно, позвонил! Но почему я не могла говорить на ходу? Разговор был таким важным? Или мне, почему-то, не хотелось говорить при друзьях? Ну, вот, опять этот глаз. Хоть рогатку с собой в воспоминания бери, честное слово!

Ко мне пришёл следователь. Я немного разволновалась из-за этого. Что я ему скажу? Я же ничего не могу вспомнить. Наверно, подумает, что я совсем дурочка.

Следователь оказался доброжелательным спокойным дядькой лет тридцати. Звали его Вениамин Михайлович. Если его и раздражала моя забывчивость, то виду он не подавал.

– Понимаете, Людмила, в парке произошло ещё два напа-

дения на девушек. К сожалению, в тех случаях девушки погибли. Вы единственная, кому удалось выжить. И нам с вами надо остановить убийцу.

Ого. Он рассчитывает на мою помощь! Как жаль, что я не могу ничего вспомнить! Если бы не этот глаз...

– Вы не волнуйтесь. Давайте будем восстанавливать произошедшее постепенно.

Как будто я сама не хочу этого! Особенно теперь. Ведь от того, что я смогу вспомнить, может быть зависит жизнь ещё каких-то девчонок. Остановить гада просто необходимо! Вот только как?

Проклятый глаз снова замаячил перед моим внутренним взором, но следователь не дал проклятой гляделки отвлечь меня.

– Вот это схема парка. Здесь вы вышли из метро, а вот тут остановка автобуса. Вам надо было пройти совсем немного по краешку парка. Постарайтесь вспомнить, как вы оказались вот тут.

– Я хорошо помню этот парк, я ещё девчонкой облазила его весь. Насколько я могу судить, в этом месте должен быть небольшой овраг, заросший кустами черёмухи.

– Совершенно верно. Там ещё по дну ручеёк протекает.

– Но там же, очень сыро и грязно. Там можно гулять летом, но лезть туда в апреле, да ещё в светлом пальто и на каблуках! Меня, похоже, сильно стукнули по голове!

– Люда, вас ударили именно в этом овражке, и, судя по

следам, вы пришли туда самостоятельно и добровольно, уверенной походкой здорового человека. Вы физически не могли так двигаться после полученной травмы.

– А, может, я сошла с ума? Или меня чем-то опоили? Как я могла повести себя так глупо?! В детстве мы в этот овражек за черёмухой лазали. Но сейчас она ещё не цветёт! Да и мне уже не десять лет. Зачем меня туда понесло?

Я даже постаралась приподняться на кровати, но резкая головная боль, вернула меня в горизонтальное положение и заставила судорожно глотать воздух.

В кровавом тумане, заставшем мой взор, я опять увидела проклятый глаз.

После разговора со следователем меня опять нашпиговали лекарствами по самые уши. Перед тем, как провалиться в беспамятство, я вновь увидела глаз, но сейчас я была на него так сердита, что он не рискнул долго донимать меня.

Здоровье медленно, но верно возвращалось ко мне, вот только вспомнить, что произошло, я никак не могла. Каждый раз, когда я пыталась восстановить в памяти события того проклятого вечера, передо мной вновь возникал круглый блестящий глаз.

Ну, всё, хватит! С этим надо что-то делать!

Когда врач, Александр Петрович в очередной раз пришёл ко мне, я решила поговорить с ним начистоту.

– Александр Петрович, почему я всё забыла?

– Людочка, давайте определимся. Во-первых, вы не всё забыли. Вы помните своё имя, адрес, название института, где вы учитесь и многое другое. По сути, вы не можете вспомнить только сам факт нападения на вас, и события короткого промежутка времени, непосредственно предшествующего этому нападению. Ни компьютерная томография, ни обследование невролога не показали никаких серьёзных физиологических причин для этой амнезии.

– Причин нет, а амнезия есть.

– Возможно, эта амнезия связана у вас с психологическими причинами.

– Это как?

– Похоже, вы, почему-то инстинктивно не хотите вспоминать случившееся, и подсознательно блокируете эти воспоминания. Мне приходилось наблюдать такую картину у жертв сексуального насилия, когда сознание буквально выталкивает воспоминание о муках и унижении. Но вы не были изнасилованы. Это совершенно точно. Следовательно, причина отторжения определённых воспоминаний связана с чем-то другим.

– Александр Петрович, а я не могла сойти с ума?

– А почему вам вдруг пришла в голову эта мысль?

– Как только я пытаюсь вспомнить, что случилось, мне сразу мерещится глаз.

– Какой глаз.

– Чёрный круглый блестящий.

– Возможно, вы видели что-то подобное в момент потери сознания, или, напротив, когда сознание начало возвращаться к вам. И этот образ запечатлелся в вашей памяти именно потому, что ваше сознание было в пограничном и уязвимом состоянии. И так как этот «глаз» как-то связан с нападением, он «заслоняет» неприятные для вас воспоминания.

– Но это точно не сумасшествие?

– Если вы настаиваете, я могу организовать консультацию психиатра, но абсолютно уверен, что вам это, ни к чему.

– Доктор, но я должна вспомнить, кто напал на меня. Он убийца, его надо остановить!

– Людочка, над этим работают специально обученные люди. Бесспорно, ваши показания могли бы помочь им, но поверьте, они не могут строить всю свою работу только на свидетельстве тяжело травмированного человека. Так, что пусть совесть вас не мучает. Даже если вы не сможете вспомнить нападавшего, его всё равно сумеют вычислить. Я в этом уверен.

Мне уже разрешили садиться на кровати, а иногда (строго в присутствии медсестры!) даже ненадолго вставать. А ещё ко мне пустили друзей. Первыми, конечно, в палату влетели Вика и Соня.

– Представляешь, какое безобразие, – закричала Вика прямо от двери, – пускают только по два человека. А там к

тебе пришли все наши.

– Кто?

– Юля, Гульнара, Тереза, Инга, Наташа, Стас, Ромка, Олег, Мигель. Нам пришлось жребий тянуть, кому первому к тебе идти.

– Да, пришлось побороться за право первого посещения, – тихо засмеялась Соня, – особенно, когда доктор сказал, что если мы тебя сильно утомим, то он превратит поток посетителей.

– Ну вот, а мне так хочется всех увидеть. Я так по всем соскучилась! Да и чувствую я себя уже хорошо. Только память отшибло.

– Ты совсем, совсем ничего не помнишь? – Жалостливо ахнула Соня.

– Эй, ты что?! Сессия же на носу. Мы со Стаськой только на тебя и рассчитываем, – воскликнула Вика.

– Нет, я что-то помню. У меня какая-то избирательная амнезия. Вот в тот четверг, мы с тобой, Вика, собрались в кафе, и мне кто-то позвонил. А кто позвонил, убей – не помню.

– А что тут вспоминать, – хмыкнула Вика, – Тимур тебе позвонил. У тебя ещё такое лицо стало, будто ты лимон жуёшь. И говорить ты при мне и ребятах не стала, а ушла на лестницу.

– А что у вас с Тимуром случилось, если не секрет? – Спросила Соня. – Вы поссорились?

– Да нет, скорее расстались. Совсем. Невозможно общаться-

ся с человеком, который может говорить только о деньгах.

– Ну, мало ли какие у человека обстоятельства, – вздохнула Соня, – я вот тоже о деньгах двадцать четыре часа в сутки думаю.

– Сонь, ты себя-то с ним не сравнивай! Ты из другого города, живёшь в общежитии, подрабатываешь в Макдональдсе. А Тимур из очень обеспеченной семьи. Ему на обедах, как тебе, экономить не надо! А вообще, ну его! Говорить о нём не хочу.

Ребята пробыли у меня до самого вечера. Я чуть ужин не пропустила. Да и ладно. Мы так и болтали бы без конца, но строгая медсестра Жанна Давыдовна выгнала моих друзей без всякого снисхождения.

Я откинулась на подушки, переполненная впечатлениями. Ребята столько всего рассказали. Где-то там бурлит жизнь, а я тут отлёживаюсь. Вот досада!

Что-то сегодня я услышала очень важное. Нет, это не очередные козни амнезии. Просто в ворохе обрушившейся на меня информации это важное как-то затерялось. О чём именно мы говорили? Ну, про грядущую сессию понятно. Если врачи позволят, я бы хотела сдавать вместе с ребятами. Тем более что Соня обещала мне свои конспекты за то время, что я в больнице прохлаждаюсь. Что ещё? Ах, да! Вика со Стасом подали заявление и собираются пожениться сразу после сессии. Про них всё понятно, мы почти три года

ждали, когда же они, наконец, это сделают. Динка обожглась кислотой, чуть в больницу не попала. Семёна предупредили, что если он не возьмётся за ум, его могут даже не допустить до сдачи экзаменов. Ох, допрыгается парень до армейских портянок! Что же ещё?

Ага. Вика сказала, что мне в тот день звонил Тимур, а я это почему-то не могла сама вспомнить.

Ладно, я «подумаю об этом завтра», как любила говорить Скарлет О'Хара. Тем более что Жанна Давыдовна уже идёт по мою душу (точнее ягодицу) со шприцом.

На следующий день строгую Жанну Давыдовну сменила хохотушка Ниночка. Это было здорово. Мы с Ниночкой ровесницы, и мне гораздо проще общаться с ней, чем с Жанной Давыдовной, которую я побаиваюсь. Ниночка помогла мне встать и подойти к окну. Ужасно хотелось посмотреть на мир.

По подоконнику скакал и вопил во всю глотку воробей. При нашем приближении, он испуганно замер и уставился на меня круглым блестящим глазом.

– Это же воробей! – Воскликнула я.

– Ну, да. А ты кого ожидала увидеть? Жар-птицу волшебную? Конечно воробей. Этот пацан пернатый уже два года под подоконником гнездо устраивает, и потом орёт во всю глотку – невесту заманивает, – сказала Ниночка.

– Понимаешь, когда я пыталась вспомнить, что со мной

случилась, мне постоянно глаз мерещился. Нечеловеческий такой! Жутковатый. Круглый. Мне так жутко от этого становилось. А это просто воробышка там оказался, когда я начала в себя приходить. Сам бедолага перетрусил наверно! А я-то что только не навывдумывала.

– Эх ты, воробья испугалась, – засмеялась Ниночка, – хотя, если честно, в том положении, что ты оказалась, можно не только воробья, комара можно за чудовище принять.

Едва я разгадала тайну странного глаза, мне как-то стало легко и весело. Теперь я уже не сомневалась в том, что смогу вспомнить всё.

Итак, в тот день мне позвонил Тимур. Я до сих пор испытываю чувство какой-то неловкости, оттого, что так решительно разорвала с ним отношения. А ведь какая была любовь...

Надо признаться, что Тимур не был моей первой любовью. Я ужасно влюбчивая, и ещё до встречи с ним успела полюбляться бессчётное количество раз.

И первой моей любовью стал Стасик. Тогда папа ещё не стал «Большой белой акулой рекламного бизнеса», как его любит насмешливо называть мама. Он только начинал свой путь в рекламе, и жили мы тогда в обыкновенной пятиэтажке в Кунцево. Со Стасиком мы встретились в дворовой песочнице. Было нам тогда годика по три. У Стаски был такой потрясающий ярко-голубой комбинезончик, удивительно под-

ходивший к голубым глазам и светлым кудряшкам. Где уж тут устоять перед такой красотой ненаглядной!

Потом был Паша Кораблёв, который лучше всех умел ездить на трёхколёсном велосипеде, и Женя Артюхов – обладатель красивого воздушного змея, а в школе, конечно же, Гриша Гольдман, которого нам всем ставили в пример в первом и втором классе. А потом моим сердцем завладел Костя Рыков, потому что у него была замечательная восточно-европейская овчарка, а за ним – «настоящий негр», Том Бухленко, а следом – победитель химической олимпиады Олег Сидоров и Незнакомый Мальчик, встреченный в театре, и так далее.

Каждый раз, когда я влюблялась, сердце ухало куда-то в желудок, и я, обмирая от счастья, начинала придумывать «красивую жизнь» с очередным избранником. Конечно, в этой «красивой жизни» были разнообразные приключения, пираты, перестрелки и быстроногие кони, уносящие нас к счастью.

По мере моего взросления «красивая жизнь» видоизменялась. Теперь мне виделось, что мой избранник становится ужасно знаменитым актёром, или спортсменом, или учёным. И вот он спускается со сцены, или с трапа самолёта, или ещё откуда-нибудь. А кругом поклонники, цветы, аплодисменты, визжащие фанатки, а ОН, не обращая ни на кого внимания, подходит ко мне и...

А когда я встретила Тимура, всё было совершенно по-дру-

гому. Мне совершенно не захотелось придумывать «красивую жизнь» с пиратами или фанатками. Мне просто хотелось быть рядом с ним, слышать его голос, смотреть в его восхищенные синие глаза в густых зарослях роскошных ресниц, и вообще ни о чём не думать.

Мы познакомились в аэропорту Шереметьево, когда я отправлялась на первые студенческие зимние каникулы в Барселону. Мы летели в одном самолёте, и с момента приземления в аэропорту Эль Прат старались ни на минуту не расставаться. В первый год нашего общения я была так счастлива, что просто не находила слов для описания своего состояния.

Но постепенно моё чувство к Тимуру стало как-то затухать. Я вдруг поняла, что мне становится скучно с ним. Это было ужасно. Честно говоря, я надеялась, что мне удастся встретить такую любовь, какой пронизана жизнь моих родителей. Вы не поверите, но прожив четверть века в браке, они не растеряли взаимной нежности, не стали друг для друга неинтересны. Да что там: они даже молчать умудряются в унисон!

Мне же приходилось заполнять часы, проведённые наедине с Тимуром бессмысленной трескотнёй, потому, что иначе общение с ним становилось совсем невыносимым. Чем дольше мы общались, тем больше Тимур напоминал мне постер из модного журнала. Сначала ахнешь от восторга, а потом начинаешь понимать, что он такой же, как был вчера и позавчера, и завтра и послезавтра тоже не следует ждать перемен.

Самое неприятное, что по мере моего охлаждения, Тимур всё больше привязывался ко мне, и всё настойчивее звал меня замуж. Он даже настоял на нашем обручении в декабре прошлого года. Мне было его ужасно жалко, но общаться с ним становилось всё неприятнее.

Окончательно разорвать наши отношения я решила после совместной поездки в Китай, которую презентовали нам мои родители на зимние каникулы. Китай – страна необыкновенная и ни на что, доселе виденное мной, непохожая. Я готова была носиться в поисках новых впечатлений чуть не круглыми сутками, а Тимур предпочитал оставаться в гостиничном номере, развлекаясь компьютерными играми, или напиваться в баре.

Я ещё там, в Китае поняла, что мы разные, и нам надо расстаться. Но всё оттягивала этот момент, потому, что просто духа не хватало для решительного объяснения.

Окончательное решение я приняла незадолго до нападения на меня.

На следующий день я сказала маме, что хотела бы увидеться со следователем. Мама, разумеется, сразу переполошилась. Ей почему-то показалось, что это может повредить моему здоровью.

– Мама, ну он же не будет бить меня по моей больной голове. А простая беседа мне точно не повредит. Мне даже легче станет, а то я всё думаю, думаю. Уже невесть до чего

додумалась.

Но мама, прежде чем согласиться со мной, побежала советоваться с Александром Петровичем.

Всё-таки мамы как-то странно устроены. Ни у кого язык бы не повернулся назвать мою маму слабой женщиной или трусихой. В молодости она была отчаянной альпинисткой, позже увлеклась дайвингом, и однажды даже вступила в схватку с акулой, чтобы спасти свою подругу. Она лихо водит машину, прыгает с парашютной вышки, как-то раз, на моих глазах в одиночку разогнала компанию подвыпивших юнцов, приставших к нам с подружкой. И при этом боится, что разговор со следователем может оказаться опасным для моего драгоценного здоровья! Вот как это объяснить?

Вениамин Михайлович пришёл на следующий день, и прямо от порога осыпал меня комплиментами.

– Люда, вы замечательно выглядите. Когда я видел вас шесть дней назад, то даже и предположить не мог, что вы окажетесь таким молодцом.

– Спасибо, Вениамин Михайлович. Мне кажется, я вспомнила всё, или почти всё, но должна вас огорчить: я не видела, кто меня ударил. Возможно, он подошёл сзади.

– Совершенно верно. Наши криминалисты это установили по следам. Но вы всё же, хотели мне что-то рассказать.

– Я расскажу всё, но мне не хотелось бы, чтобы вы арестовали человека только на основании моих слов. Преступника-то я не видела, а всё остальное могло просто совпасть.

Ведь бывают же в жизни трагические совпадения!

– Разумеется. Более того, я вам скажу, что только ваши слова для суда вообще ничего не значат. Любой адвокат нас просто в пух и прах разобьёт. Слова, они и есть только слова. Тем более, слова человека, перенесшего ЧМТ. Мы будем обвинять человека на основании доказательных улик, а ваши слова лишь помогут нам определить направление, в котором эти самые улики надо искать. Так, что рассказывайте, не бойтесь.

– Прежде всего, я хотела понять, почему у меня так избирательно отказала память. Доктор сказал, что такое бывает у людей, подвергшихся изнасилованию. Как бы хочется забыть о страшном.

– Совершенно верно.

– Но у меня была какая-то другая причина.

– И что за причина?

– Я подумала, а что если это чувство вины.

– Чьей вины?

– Моей. Понимаете, я более двух лет встречалась с парнем. Мы любили друг друга, но потом...

– Я весь внимание.

– Тимур очень хотел, чтобы мы поженились. А я... Я порвала с ним. Незадолго до того, как меня ударили по голове.

– Значит, отвергнутого жениха зовут Тимур...

– Тимур Аркадьевич Хвалевский.

– И вы полагаете, что он мог быть причастен к нападению

на вас?

– Я повторяю, я не видела нападавшего. Но в проклятый овраг меня позвал именно Тимур. А что случилось там, я не знаю. Возможно, там убийца подстерегал очередную жертву, а мы с Тимуром оказались там случайно. Точнее, не мы, а я. Я не видела Тимура в овраге.

– Продолжайте.

– Он позвонил мне в этот день. Попросил о встрече.

– И вы...

– Мне ужасно не хотелось с ним встречаться. Я понимала, что он будет уговаривать меня «помириться». Но помириться можно только в том случае, если перед этим поссорились. А мы не ссорились. Мне просто его общество стало неприятно. Мне очень не хотелось с ним встречаться, но я всё-таки согласилась, потому, что чувствовала себя виноватой перед ним. Получается, что я ему два года морочила голову, а потом бросила его без какой-то видимой причины. Встречу в парке предложил Тимур, как будто знал, что я поеду не на машине, а на метро. Кстати, о машине. По средам у нас мало часов в институте, и я езжу в этот день в салон красоты. Машина у меня маленькая, и мне удаётся втиснуть её в закуток за бойлерной во дворе. Так, что её почти ниоткуда и не видно. Многие знали, о моих поездках в салон, но в какой именно, я не говорила даже подружкам. Но Тимур знал об этом, потому, как иногда встречал меня после процедур. И где я ставлю машину, он тоже знал. Разумеется, это ни о чём

не говорит, обнаружить мой смартфон в этом месте мог любой, а уж стёкла-то выбить, тем более. Просто так совпало.

– Итак, вы договорились, встретиться в парке.

– Ну да. Тимур настоял, чтобы мы встретились не в людном месте, а в стороне от главных аллей. Я согласилась, потому, как разговор предстоял неприятный, и делать это прилюдно не совсем удобно. Вы меня понимаете, Вениамин Михайлович?

– Разумеется. И что было потом?

– Но укромное место вовсе не означало грязный овраг. Я бы точно не согласилась на подобную глупость. Просто, когда я пришла на место встречи, мне показалось... Именно показалось, что Тимур позвал меня из этого овражка. Я ещё подумала, что он упал туда. Скажем, поскользнулся или был не совсем трезв. И ему надо помочь выбраться. Но Тимура я в овражке не увидела. И больше я уже ничего не помнила до тех пор, пока не оказалась в больнице. Но мне не хочется, чтобы вы из моих показаний сделали вывод, что всё это подстроил Тимур. Я думаю, что он сумеет дать какие-то объяснения всем этим совпадениям.

– Большое спасибо, Людмила. Вы очень помогли следствию. Можно теперь я вам расскажу о некоторых событиях, которые нам удалось восстановить.

– Да, конечно.

– Скажите, Люда, вы знали, что Тимур Хвалевский игрок?

– Нет.

– Он играл и играл по-крупному. К сожалению, в Москве есть подпольные казино. Официально они вне закона, и когда такой гадюшник удаётся обнаружить, всех причастных ожидают очень крупные неприятности. Но речь идёт о таких барышах, что владельцы подпольных казино готовы рисковать. Так вот, Тимур был одним из постоянных клиентов такого казино. Человек неумный и азартный, он оставлял там баснословные суммы и влезал в страшные долги. Поначалу Хвалевский-старший оплачивал эти долги сына, понимая, что люди в этих заведениях серьёзные и к должникам беспощадные. Но в какой-то момент, терпение у Аркадия Юрьевича лопнуло, и он предложил сыну самому разбираться со своими долгами. Вот тут Тимур заметался. Он прекрасно понимал, что его ждёт. Единственным выходом ему представлялась женитьба на богатой девушке. И тут ему попались вы, Люда.

– Нет, нет, Вениамин Михайлович, вы всё не так поняли. Я не богатая девушка, а девушка из обеспеченной семьи.

– И в чём разница?

– Да, я не голодаю, у меня недешёвая машина, элитные шмотки и возможности путешествовать. Но все деньги в нашей семье, как и налаженный рекламный бизнес, эти деньги приносящий, принадлежат моим родителям. И я надеюсь, что это положение будет оставаться стабильным ещё лет двадцать-двадцать пять. Мои родители ещё достаточно молоды: папе – сорок семь лет, а маме – сорок пять. И своих денег у

меня нет. Разумеется, родители готовы поддерживать определённый уровень жизни моей семьи, когда я выйду замуж, но вряд ли они согласятся перекачивать свои доходы в казино.

– Возможно, Тимур надеялся на иной расклад. Но тут вдруг он почувствовал ваше охлаждение. Кредиторы становились всё суровее, а вы, вместе с деньгами, буквально уплывали из рук. И тогда он придумал «гениальную многоходовочку» для того чтобы удержать вас. Скажу сразу, убивать он вас не собирался. Он лишь хотел показать, что вокруг много опасностей и без его крепкого плеча вы просто пропадёте.

– Глупость, какая. Папа уже договорился в охранном агентстве, и меня теперь будет сопровождать телохранитель. Не могу сказать, что я от этого в восторге, но родители пока непреклонны.

– Повторяю, Тимур неумён, и ему самому казалось, что план великолепен. К сожалению, в результате погибли две молодые девушки. Рита Карцева работала официанткой и поздно возвращалась домой со смены, а Нелли Пановская поссорилась с мужем и побежала ночью в парк «проветриться».

– Но зачем надо было их убивать?

– Что бы создать атмосферу опасности. И для создания этой атмосферы, мерзавец не пожалел молодых красивых девушек, не причинивших ему никакого зла.

– Дрянь какая!

– Да. После этого, он вывел из строя вашу машину, заманил вас в парк и напал, чтобы опасность стала ещё реальнее.

– Неужели всё это правда? Нет! Нет! Да и откуда вы всё это можете знать?

– Из показаний Хвалева Т.А. Мы довольно быстро вычислили и задержали его. Да, нам не хватало некоторых деталей, которые я узнал от вас, но в целом картина всех трёх преступлений совершенно ясна. Это подтверждено и показаниями свидетелей, и результатами экспертиз и личным признанием убийцы.

– Неужели такое может быть. И это случилось со мной?! Какая же я дура!

Я не выдержала и разревелась. Тотчас в палату разъярённой фурией влетела мама, за ней спешил Александр Петрович. Они принялись выталкивать следователя чуть не пинками.

– Вы не дура, Людочка! – Успел крикнуть Вениамин Михайлович в дверях. – Вы умная девушка. Вы самостоятельно раскрыли преступление!

Мама зарычала и захлопнула за ним дверь. Потом она бросилась ко мне.

– Не плачь, малышка, не надо, – забормотала она, обнимая и целуя меня.

– Мама, эти девушки погибли из-за меня?

– Глупости, какие, конечно же, нет! Если бы не к тебе, то к какой-то другой девушке присосался бы этот клещ, и всё

равно убил бы кого-то.

– Мама, помоги мне встать. Я хочу подойти к окну.

По подоконнику скакал мой знакомый воробей и громко чирикал, призывая невесту. Ну, хоть кто-то был счастлив в этот момент!

Детектив с попугаем

Шафран потоптался на жёрдочке и хрипло проорал:

– Пора! Пора!

Всегда удивляюсь, как эта птица чувствует время. Шафран жёлтохохлый какаду. Его подарил мне много лет назад один из моих поклонников – капитан дальнего плавания. Как его звали? Даже сейчас и не припомню. Впрочем, это и не важно. Главное, что его подарок жив, здоров и делит со мной моё одиночество.

Шафран удивительно умён. Я раньше и не задумывалась, как сообразительны попугаи. Мой Франтик меня просто поражает. Кроме чувства времени он обладает замечательной памятью, знает всех обитателей нашего дома и, завидев чужого, спешит сообщить об этом. Но самое удивительное – это его высказывания. Это же просто Ларошфуко и Козьма Прутков в одном флаконе. Иной раз моя птичка ненаглядная такое скажет, что я просто теряюсь.

Но сейчас Шафран весьма своевременно напомнил мне, что уже половина пятого, и скоро ко мне придёт моя закадычная приятельница Ирина Сергеевна на наш традиционный файв-о-клок. Значит надо отправляться на кухню, проверить состояние термопота, заварить свежий чай и проверить запасы печенья и конфет.

Про Ирину Сергеевну надо сказать особо. Дело в том, что

мы с ней родственницы. По мужу. Я была у Валентина первой женой, а Ира – третьей.

Соседками мы оказались случайно. Вряд ли у нашего бывшего была идея собрать всех своих жён в одном доме. Хотя, кто его знает, он был у нас юноша с воображением.

Первое время мы с Ириной Сергеевной, по вполне понятной причине, относились друг к другу неприязненно. Но в 1991 году девятнадцатилетний сын Ирины без вести пропал при штурме Грозного. У меня своих детей не было, но не посочувствовать несчастной матери я просто не могла.

В ту пору за мной увивался весьма важный генерал, и я настойчиво попросила его разузнать о судьбе пропавшего юноши. Поначалу генерал держался как герой. Военную тайну он собирался защищать до последнего вздоха, но уже через полчаса смалодушничал, начал звонить кому-то и срочно требовать информацию.

К сожалению, ничем порадовать я Иру не смогла. Её мальчик погиб.

Но с тех пор мы с Ирой сдружились. Да и чего нам было делить? Ветреного мужичка-мотылька, у которого кроме нас было не меньше дюжины жён, как официальных, так и гражданских. Который и смерть-то свою встретил, изменяя своей очередной жене с юной медсестрой, пришедшей делать ему укол.

Конечно, всё это произошло гораздо позже, но уже тогда, в девяностые, мы обе поняли, как нам повезло, что наш ми-

лый мотылёк упорхал от нас. Ира ещё как-то следила за его перемещениями, и время от времени рассказывала мне об этом на наших файв-о-клоках, весело прихихатывая.

Да, запасы печенья надо бы пополнить. И халва уже не очень. Не забыть бы, заказать всё это завтра. Заодно и виноград для Шафрана.

Дело в том, что я уже много лет не выхожу из дома. Сказать, что я «прикована» к инвалидному креслу я, к счастью, не могу. По квартире я достаточно уверенно передвигаюсь, используя специальные ходунки. Но, всё же, большую часть времени, я вынуждена проводить в кресле, из-за серьёзной травмы позвоночника, полученной мною почти сорок лет назад при неудачном спуске на горных лыжах в горах Алатау. Сначала всё казалось не таким страшным. Но потом болезнь начала прогрессировать...

Мой приятель Сенечка Глотов – врач-мануальщик, наговорил мне много умных врачебных слов, пытаясь объяснить, что именно со мной происходит. Суть их сводилась к тому, что лучше уже не будет никогда, и единственно, что ещё можно сделать – это постараться замедлить необратимый процесс.

Дважды в неделю ко мне приходит социальный работник, убирается, приносит продукты, а в остальном я стараюсь обслуживать себя самостоятельно. Ах, да в зоомагазин за кормом, вкусняшками и прочими необходимыми вещами для попугая заходит Ира. У неё две совершенно очаровательные

собачки породы московский длинношёрстный той-терьер, и зоомагазин ей приходится посещать регулярно.

Ну, к сегодняшнему чаепитию у меня есть профитроли, конфеты «Гусиные лапки» и замечательные булочки с маком. Живём!

Ирина Сергеевна пришла ровно без десяти пять. У неё есть ключ от моей квартиры, и она всегда открывает сама. Её собачки Дюша и Нюша, конечно пришли вместе с хозяйкой. Хитрая Дюша сразу же устроила маленький спектакль на тему: меня никто не любит, и печеньку мне не давали целые сутки! Интеллигентная Нюша с немым укором наблюдала это безобразие, и тихо вздыхала, намекая, что хорошо воспитанные собаки тоже любят печеньки. Конечно, печенье собакам вредно, но не угостить моих милых гостей я просто не могу.

Ох, Ира опять принесла к чаю осетинский пирог. Ещё горячий. Такие пироги пекут у нас в доме на первом этаже. Мы обе обожаем эти пироги, но мне всегда так неловко, когда Ира тратится. Она ведь живёт на одну учительскую пенсию, какие-то копейки за сына ей, вроде, выплачивают, но это не идёт, ни в какое сравнение с моими доходами. Дело в том, что я по первому образованию инженер-электронщик, а по второму – специалист по китайскому и корейскому языкам. Мои технические переводы всегда востребованы, и в частных заказах перебоя нет.

Мы всей компанией отправляемся на кухню. Стол у меня

стоит у окна. Мы с Ирой устраиваемся напротив друг друга, Шафран взбирается на специальную ветку, закреплённую на подоконнике. На случай маленьких неожиданных конфузov во время чаепития, под веткой стоит небольшой подносик с газеткой. Дюша и Нюша, получив желанные печеньки, располагаются на стареньком кресле, которое в своё время было поставлено на кухне специально для моих маленьких подругек. Мы все счастливы. И приступаем к нашим двум самым любимым процессам: чаепитию и перемыванию косточек соседям.

Представляю вашу негативную реакцию на моё признание. Но, во-первых, когда-то я прочитала в одном американском медицинском журнале, что сплетничество, как процесс, способствует выработке в организмах сплетников эндорфинов – гормонов счастья, а, во-вторых, мы все точно знаем, что все сплетни не просочатся за пределы моей кухни и никому не повредят. Никому не нанесут обиду, не разобьют ничью семью, ни на чьей репутации не оставят грязного пятна. Никто из нас: ни мы с Ирой, ни Дюша с Нюшей, ни, даже, Шафран, который иногда бывает немного болтлив, не разнесёт, услышанное на наших файв-о-клоках.

Едва мы сделали по первому глотку чая, как Шафран подал сигнал к началу сплетен.

– Чужой! – Заорал он. – Чужой, чужой!

Мы с Ириной, как по команде уставились в окно.

Перед подъездом стояла машина. Я в иномарках совер-

шенно не разбираюсь, но это корыто всем своим видом заявляло, что оно эквивалентно очень-очень большим деньгам.

Из машины вылез корявенький мужичок с ноготок, разодетый, как для приёма у английской королевы, с букетом, для которого единственной «вазой», подходящей по вместимости, могло бы стать только десятилитровое ведро.

Несколько мгновений мы рассматривали эту красоту ненаглядную, потом Ира со вздохом сказала:

– И вовсе это не чужой. Привыкай, Франтик, это Минаев Олег Лаврентьевич, новый ухажёр нашей Алиночки из двадцать девятой квартиры.

Я чуть пирогом не подавилась.

– Ирина Сергеевна, ты ничего не путаешь? У Алины же был совсем другой. Такой красивый юноша, похожий на Блока. Её сокурсник по консерватории. Они же пожениться собирались!

– Ну, собирались, собирались. Только красавчик-Святославчик беден, как консерваторская мышь, а Олег Лаврентьевич у нас мужчина серьёзный: владелец заводов, газет, пароходов и ещё там чего-то. Короче, мешок с деньгами в дорогущей упаковке.

Мне стало немного обидно за Алину. Её называют у нас «серебряный голосок нашего двора». Она умница, красавица, певунья, а ещё она очень добрая и отважная. Как-то ночью в грозу, она полезла на высокую липу, чтобы спасти, забившегося среди ветвей, испуганного вспышками молний и

громом, котёнка.

Мы ещё немного полюбовались на «серьёзного мужчину», потом я не выдержала.

– Мне когда-то один из моих поклонников, профессор зоологии, между прочим, говорил, что в природе почти всегда самец – это, как бы реклама генофонда: самый крупный, самый сильный, самый красивый, громкий и яркий. А на этого же без слёз не взглянешь. И зачем Алинке это чучело?

– Ах, Ольга Дмитриевна, мы с тобой сильно отстали от жизни. Это нас романтических дурочек Валентин поймал на красивую фигуру, на пышные русые кудри и умение болтать.

– А как он на гитаре играл, помнишь? – Вздохнула я.

– Да, всего два аккорда, но как он это делал! – Мечтательно протянула Ира,

– А стихи какие писал?

– Дурацкие, что-то там про кровь-любовь и розы-занызы – пропела Ирина, наслаждаясь воспоминаниями, но тут же, поменяла выражение лица и сказала весьма деловым тоном, – но, как бы то, ни было, Оленька, современные девушки на идиотские стишки и два аккорда не ловятся. Мне Зинаида Михайловна из сорок пятой квартиры рассказала, что этот бурдюк с золотом собирается сделать из Алиночки звезду.

Так Олег Лаврентьевич Минаев впервые появился в нашем дворе. С тех пор прошло несколько месяцев. Мы всласть успели пообсуждать Алиночкину премьеру на радио,

роскошный тур на Гоа, который Минаев подарил Алининым родителям на серебряную свадьбу, и, конечно же, букеты, которые становились всё огромнее и ярче.

Потом Минаев как-то приелся, и мы перестали о нём говорить, найдя более интересные и злободневные темы. Даже Шафран больше на него не реагировал.

И вот тогда это случилось...

Я занималась переводом ТУ новой рисообдирочной машины. Мой рабочий стол в комнате тоже стоит у окна. Ну да. А как же иначе отслеживать происходящее во дворе?

Я как раз билась над температурным режимом, допустимом на первом этапе обработки зерна, когда во дворе раздался резкий сухой щелчок.

Шафран заметался по клетке и завопил:

– Кар-раул! Кар-раул!

Я выглянула в окно и ещё успела увидеть, как на нашей дворовой автостоянке падает человек.

Для того, чтобы вам было понятнее, постараюсь описать «географию» нашего двора. Двор наш тупиковый, упирающийся в старое школьное здание. Наверно, и нашу пятиэтажку, и школу давно надо было снести. Но своей «тыльной стороной» они почти вплотную прилегают к промзоне, и хотя уже всё вокруг застроено новыми многоэтажными домами, ни на наши убогие хоромы, ни на школу, ни на двор до сих пор никто не позарился.

Тупиковый двор обитатели нашего дома поделили по-

братски. В самой глубине его, прямо у школьного забора, расположена детская площадка. Середину двора занимает небольшой нарядный садик, в котором стараниями наших доморощенных агрономов что-то цветёт от снега до снега. А самого въезда во двор автомобилисты устроили автостоянку. Вообще-то, подразумевалось, что стоянка предназначена только для жильцов нашей пятиэтажки, но, как вы понимаете, есть категория людей для которых: «вам – везде».

«Серьёзный мужчина» – Олег Лаврентьевич Минаев принадлежал к этой категории.

Мне показалось, что это именно он сейчас упал, буквально двух-трёх шагов не дойдя до своей дорогой машины. На снегу, вокруг его головы стало медленно растекаться красное пятно.

Я впала в какой-то ступор. Наверно, надо в «Скорую» звонить или в полицию, но я просто оцепенела, тупо глядя на упавшего. Потом, с невероятным усилием, словно двигая что-то тяжёлое, я перевела глаза на монитор. В правом углу высвечивалось время: 15:28.

Бедный Шафран метался по клетке, ломая перья и разгоняя по комнате метель из пуха, и продолжал кричать. Удивительно, как домашние животные чувствуют беду. Или это мы чувствуем, а наши питомцы просто переживают за нас?

Да, надо всё-таки позвонить в «Скорую». Что им сказать-то?

– Алло! Это «Скорая»? Приезжайте быстрее. В человека,

кажется, стреляли.

От волнения у меня свело горло, и голос получился каким-то клоунски-писклявым.

В это время Шафран, как назло, перестал вопить и принялся издавать кхекающие звуки, которые можно было, наверно, принять за сдавленные смешки.

– Прекратите безобразничать. Как вам не стыдно? – Устало отозвалась диспетчер, отключаясь.

Я позвонила Ире.

– Ира, это – Оля. Можешь сейчас срочно прийти ко мне?

Ирина Сергеевна – умница. Она появилась у меня буквально через пять минут, хотя живёт на пятом этаже, и лифта у нас нет.

– Что случилось? – Спросила она, слегка задыхаясь.

– Смотри, – я потащила её к окну.

– Ой, кто это?

– Мне показалось, что это Минаев.

– Ты позвонила в полицию?

– Я в «Скорую» пыталась дозвониться. Но неудачно.

– Сейчас я сама позвоню. Полиция? Я Ирина Сергеевна Трофимова. Прописана по адресу... Во дворе нашего дома лежит человек. Предположительно в него стреляли. Что? Машина уже выехала? Спасибо.

Мы обе прильнули к окну. Ждать приезда полиции долго не пришлось. Один полицейский выскочил из машины, подбежал к лежащему человеку, наклонился над ним. Потом он

начал куда-то названивать, а второй полицейский стал огораживать место преступления яркой пластиковой лентой.

– Оля, я к себе пойду. Они же, наверно, сейчас поквартирный обход начнут.

Ирина Сергеевна любит читать детективы и порядок знает.

– Я думаю, что чаепитие сегодня отменяется, – пробормотала я растерянно.

– Конечно. Какой уж тут чай. Ну, я пошла, потом созвонимся. А ты пока Франтика успокой. Перепугался бедняга.

Полицейский пришёл ко мне часа через полтора. Странно. Мои окна выходят именно на автостоянку, и с моего второго этажа видны все подробности. Я же такой свидетель! Даже обидно, честное слово!

Посетивший меня полицейский оказался совсем мальчишкой. Выглядел он перепуганным и уставшим, а воротник форменной куртки натирал ему тонкую шею.

– Самого выстрела я не видела, но подняла глаза, когда услышала звук, и успела увидеть момент падения. Когда посмотрела на часы, было 15:28. Мне показалось, что это Минаев Олег Лаврентьевич. Он ухаживает за Алиной Кашиной из 29 квартиры, но стопроцентно утверждать, что это он, я не берусь.

– Да, спасибо, вы нам помогли, – заучено пробормотал служивый, и направился к выходу.

Вдруг словно что-то вспыхнуло в моём мозгу. Точно!

Вспышка! Точнее не вспышка, а яркий отблеск.

Декабрьский денёк, куксившийся с утра, вдруг разгулялся после обеда, и солнце перед закатом светило ярко. И, вспомнившийся мне, отблеск был похож на отражение солнечного луча в закрываемом окне соседнего дома.

– Подождите, – окликнула я полицейского, – мне показалось, что сразу после выстрела в доме напротив кто-то закрывал окно.

Несчастный страж порядка посмотрел на меня с отвращением. Ну, всё ясно, старухе пообщаться хочется. Сидит тут целыми днями одна. Сейчас она от скуки таких подробностей напридумывает!

– Спасибо, я всё понял, – пробормотал он и рванул к двери, как будто за ним гнались.

Шафран, успевший прийти в себя после пережитого испуга, злорадно прокричал вслед полицейскому:

– Дур-р-рак!

– Тише, ты. Услышит, – прошипела я.

– Какой спр-рос с пуч-ч-чка пер-рьев? – Философски возразил Шафран.

Он любил говорить это, когда надо было оправдать свою шалость, прикинувшись простофилей.

Вскоре пришла Ира, переполненная впечатлениями. Она уже успела пообщаться с Зоей Андреевной из сорок пятой квартиры, от которой узнала, что Минаева убили одним выстрелом прямо в висок, что никого из семейства Кашиных

нет дома, а Бобрыкин из семнадцатой квартиры ведёт себя крайне подозрительно, и даже не пустил к себе полицейских. Мы с Ирой немножко пообсуждали произошедшее, и я пожаловалась на пренебрежение юного полицейского моими сведениями.

– Оль, да не впечатляйся ты так на всякую ерунду. Может, убийца им уже известен. А было бы здорово, если бы ты направила полицию по верному следу! Так какое, ты говоришь, окно блеснуло?

– Зр-ри в кор-рень⁶, – одобрил её интерес Шафран.

Мы принялись разглядывать дом напротив. Сейчас я точно не опознала бы нужное окно. Дом выглядел совершенно по-другому. Многие окна уже засветились изнутри, и весь дом стал приветливым и уютным, менее всего напоминающим о притаившемся где-то в нём убийце.

Безнадёжно.

Стоп, но почему, же безнадёжно?

Мы ещё повоюем!

Я схватила телефон.

– Аркаша! Мне очень нужны твои мозги? Ну, что значит поздно? Ещё шести нет. Я знаю про твой режим. Не капризничай, дружок. Я вызвала тебе такси к подъезду. Жду тебя через пятнадцать минут.

Аркадий Моисеевич Альтштейн – талантливейший физик-оптик всех времён и народов и мой старый друг. Он про-

⁶ Козьма Прутков

сто не может нам не помочь!

– Ар-ркашшша! Ц-ц-ц! Ор-рехи! – Обрадовался Франтик.

Ровно через пятнадцать минут Аркадий входил в дверь. Ныть он начал прямо от порога.

– Я старый больной человек. Здравствуйте, Ирина Сергеевна. Рад вас видеть. Вы не представляете, голубушка, что со мной делает эта ужасная женщина. Она же из меня верёвки вьёт!

– Ой, Аркадий Моисеевич, у нас тут такие дела творятся, – защебетала в ответ Ира, – буквально и двух часов не прошло, как у Ольги Дмитриевны прямо под окнами человека убили. Она своими глазами это видела.

– Ой, девочки, у меня алиби! С пятнадцати ноль-ноль, до шестнадцати двадцати мне Николай делал массаж.

– Аркашка, не придурайся! Никто в твоей невинности не сомневается. Просто нам можешь помочь только ты.

Я постаралась, как можно более толково рассказать про блеснувшее окно. Аркадий весь подобрался, как собака взявшая след.

– Время? – Отрывисто спросил он.

– 15:28, возможно минус две – три минуты.

– Почему ты решила, что окно закрывали, а не открывали?

– Я не видела потом открытых окон, хотя продолжала смотреть в ту сторону. Я заметила бы повторный отблеск. А

окно, открытое в декабре надолго, заметила бы не только я.

– Ирочка, у тебя ведь окна выходят на запад? Пойдём, сходим к тебе, я кое-что прикину.

Когда они вернулись, Аркадий говорил на ходу по телефону:

– Игорёк, где там у нас солнышко было сегодня в 15:25? Ага, понял. Ну, спасибо, друг. С меня коньяк. Пока, пока.

Потом он что-то подсчитывал на листе бумаги и в телефоне. Затем предложил нам с Ирой выглянуть в окно. Дом напротив уже сиял, как новогодняя ёлка.

– Девочки, ярко-красное окно видите?

– Да.

– Отлично. Отсчитывайте от него четыре этажа вниз. Теперь шесть окон вправо. Нашли? Три следующих окна на этом этаже, плюс по три окна на двух этажах ниже и есть искомая зона. Точнее определить, извините, не могу.

– Волшебник! – С восхищением прошептала Ирина Сергеевна.

– Ах, драгоценная Ирина Сергеевна, если бы вы знали, что я до звонка этой кошмарной женщины лежал себе спокойно на диване с грелочкой на печени и слушал великого Брамса.

– Аркаша, ну, извини, – фыркнула я, – но без твоих гениальных мозгов мы бы не обнаружили, откуда стрелял убийца.

Но Аркадий, упорно не замечая меня, продолжал плакаться Ире.

– И вы представляете, Ирочка, ведь я когда-то был влюб-

лён в это чудовище.

– Целых две недели, – уточнила я.

– Но моя мудрая еврейская мама сказала мне, что безопаснее играть со спичками на пороховой бочке, чем ухаживать за Ольгой.

– Покойная Софья Марковна и впрямь была очень мудрой женщиной, – признала я.

– Но если бы моя покойная мамочка могла бы сейчас видеть нас оттуда, – продолжал бубнить Аркадий, воздев палец к потолку, – она сказала бы мне: «Ты шимазл⁷, Аркашка! Если бы ты в своё время не послушал бы свою глупую мать, а женился бы на Оленьке, то не валялся бы теперь в обнимку с грелкой на диване и не пересчитывал бы коробочки со своими лекарствами, а носился бы, как дикий сайгак по горам с непроизносимыми названиями».

– Аркаша, я сама давно по горам не бегаю.

Но Аркадий, словно не услышав, продолжал:

– «А когда сил и здоровья для скачек по горам уже не осталось бы, вы бы вспоминали прежние подвиги, смотрели бы свои слайды, и были бы счастливы», – вот, что сказала бы мне моя мудрая добрая мамочка, – пробормотал Аркадий, и, ссутулившись, побрёл к двери, но был остановлен резким воплем:

– А ор-р-р-ре-ххи?

– Прости, Франтик, заболтался я что-то. Но ты же, зна-

⁷ Дурачок (евр.)

ешь, я к тебе, голубчик, никогда без орехов не прихожу.

Глядя на его согбѣнную спину, я устыдилась.

– Аркаша, – виновато пробормотала я, – может, чайку с нами попьѣшь? А хочешь, я сейчас ужин спроворю?

– Спасибо, у меня режим и диета, – холодно и печально ответил гений.

– Ну, погоди, я хоть такси тебе вызову, – проблеяла я, чувствуя себя последней дрянью.

– Я машину не отпускал, знал, что у тебя совести хватит меня долго не задерживать, – захохотал Аркадий, – позвольте откланяться, милые дамы.

– Ну, артист, – пробормотала Ирина, – я едва не расплакалась.

– Аркашка – он такой. Он ещё не такое может. Ладно, Ира, давай скорее нужные окна отсчитаем от угла дома и сверху. А то мы их завтра не найдѣм.

Мы дважды проверили эти расчѣты и записали на бумажке.

– И что мы с этим будем делать? – Спросила Ирина Сергеевна.

– Ну, мы можем вычислить место, где был преступник, – неуверенно пробормотала я.

Честно говоря, зачем это нам было нужно, я не представляла. Только, если вдруг, давешний мальчик-полицейский опять придѣт ко мне за какими-нибудь подробностями.

На следующий день Ирина Сергеевна позвонила мне

утром.

– Оля, я вчера со всеми нашими криминальными делами забыла передать для Франтика лакомство. В наш зоомагазин что-то новенькое завезли, мне продавец сказал, что какаду это должно понравиться. Я сейчас иду в магазин, по дороге занесу тебе вкусняшку для Шафрана.

Ира появилась у меня через несколько минут. Раздеваться она не хотела, чтобы не терять время, поэтому, мы с ней общались в прихожей, когда Шафран закричал, привлекая наше внимание.

– Кар-раул! Без-з-зобр-раз-з-зие! Пр-роиз-звол! Чуж-ж-жой!

Мы поспешили в комнату.

Под окном разворачивалось целое действо. Несколько человек в форме бродили по нашей автостоянке, поглядывая на «дом напротив». Потом из спецмашины, стоявшей тут же, вышел человек в штатском, а двое полицейских вынули большую в рост человека куклу. Штатский, сверяясь с ноут-буком, указал место для куклы, потом ещё что-то подправил в её позе и вставил в кукольный висок небольшую трубку. Затем он взял какую-то штуку, похожую на лазерную указку и через трубку осветил в неё. Всё происходящее один из полицейских снимал на камеру.

– Ух, ты, – выдохнула я с восхищением, – Ира, ты догадываешься, что они делают?

– Они наше окно ищут.

– С таким оборудованием они его быстро найдут.

– Всё равно мы были первыми!

– Точно, только, какой в этом смысл? Ведь мы никого не знаем в доме напротив.

По какой-то прихоти строителей вход в «дом напротив» был не со стороны нашего двора, а с противоположной. Мы, конечно, видели обитателей дома, выходящих на балконы, или мелькающих за окнами, но всё-таки это были незнакомые нам люди. Не из нашего двора.

– Ну почему никого не знаем? – Возразила Ирина. – Я знаю там супругов Козловых. Мы с Катей и Веней ходим вместе в бассейн. А с Марианной Семёновной мы уже дважды ездили на экскурсии. У нас всё схвачено! Поэтому, магазин отменяется, и я иду в «дом напротив» на разведку. Потом позвоню.

Ира не звонила целую вечность. Я прямо вся извелась от любопытства. Ну что же она? Неужели, это так трудно позвонить? А вдруг она попалась на глаза убийце? Может быть, ей угрожает опасность?!

Ира позвонила мне только часа через четыре.

– Оля, у меня столько новостей. Только я ничего тебе по телефону рассказывать не буду, чтобы общее впечатление не портить. Давай потерпим до нормальной беседы за чаем, зато я к тебе, если позволишь, конечно, приведу настоящую подозреваемую.

– Ух, ты! Конечно, веди! Это так интересно!

Я заметалась по квартире. Новая гостья! Да ещё подозреваемая в убийстве. С ума сойти! Для начала я схватилась за телефон.

– Зуля, дорогая, здравствуйте, это Ольга Дмитриевна. У меня сегодня очень важные гости. Поэтому я прошу вас, пусть мне к пяти часам Маратик занесёт пару-тройку ваших несравненных пирогов.

Интересно, какой чай предпочитает подозреваемая? Может быть ей нравится зелёный? Кстати, у меня есть восхитительный зелёный чай прямо из Китая. Фирмачи подарили. Надо подготовить второй заварочный чайник! Не забыть достать дополнительный прибор. Конфет маловато. Может ещё варенье подать?

Шафран, наблюдая за моей суетой, глубокомысленно изрёк:

– Тщ-щета стар-раний ч-человеччых!

– Помолчи, птица, я чуть не забыла про парадную ска-терть.

Наконец они пришли. Ровно без десяти пять. Спутницей Ирины Сергеевны оказалась нестарая весьма спортивного вида женщина.

Ира представила нас друг другу. Новую знакомую звали Анна Андреевна, в прошлом она была тренером по художественной гимнастике в детской спортивной школе, а в настоящем несла тяжкое бремя старшей по «дому напротив».

Мы уселись за стол. И хотя любопытство распирало меня

до потери пульса, я не задавала никаких вопросов, чтобы не форсировать события и не сминать линию повествования. Мы отдали должное осетинскому пирогу с сыром и зеленью, выпили по чашке чая, потом, наконец, Анна Андреевна заговорила.

– Мне Ирина Сергеевна рассказала, как вам удалось определить нужные окна. Это окна сорок восьмой, шестьдесят четвёртой и восьмидесятой квартир. Сорок восьмая квартира отпадает, там, у Надюши Блошкиной недавно двойня родилась. В лифт близнецовая коляска не входит, поэтому Надя выходит гулять только вечером, когда муж или родители ей могут помочь. Сами понимаете, ей не до стрельбы, а посторонние в её квартиру попасть не могут. Восьмидесятая тоже не подходит. Ну, молодёжь, понятно, днём на работе, а старики дома. Остаётся только шестьдесят четвёртая. Её и полиция определила сразу. Хозяева квартиры – хиппи. Самые настоящие! Летом они в Москве, а на холодное время уезжают в Грецию. Кажется, на Крит. Там собирается большая международная компания хиппи.

– Ничего себе! – Воскликнула я. – Кем же они работают, что могут так жить?

– Я толком не знаю. Кажется, они зарабатывают какие-то электронные деньги в интернете. Я в этом не разбираюсь.

– А как вы-то в подозреваемые попали, Анна Андреевна?

– Сдавать квартиру на время своего отсутствия хиппи не хотят. Один раз попробовали, но жильцы им квартиру уби-

ли в хлам. Всё лето на ремонт потратить пришлось. И денег немало. С тех пор квартира на время их отъезда стоит закрытой, но мы договорились, что ключи они будут оставлять у меня. На всякий случай.

– Ну, понятно.

– Полиция доказала, что дверь не взламывали, а открыли ключами. Там три замка, и один заковыристее другого. А ключи-то у меня! Оперативник мне как про это сказал, я ужасно перепугалась. Подумала, что меня сразу в тюрьму увезут. Но пока только подписку о невыезде взяли. Меня, наверно, поэтому даже в понятия не пригласили. Из-за подозрения.

– Зато меня пригласили, – сказала Ирина Сергеевна, – Я как раз в подъезд входила, меня участковый и пригласил. Почти два часа продержали. Честно говоря, я думала, будет интереснее. А мы ходили, как овцы за оперативником, останавливались, где он скажет, "обращали внимание" на что он велел, потом подписали бумаги – и всё. А так, квартира, как квартира. Безликая. Ни книжек, ни цветов, ни безделушек каких-нибудь.

– Ну конечно, раз там хозяева по полгода не появляются, – пожала плечами Анна Андреевна.

– Полицейские нашли там доказательства стрельбы: в пыли на подоконнике были отпечатки подставки для ружья, точнее, охотничьего карабина, причём множественные, будто преступник примерялся несколько раз. И, как сказал

один из оперативников, стрелок делал это с перерывами в несколько дней, а то и недель. Глупость какая-то, правда? На раме эксперт обнаружил следы пороха. Но никаких отпечатков пальцев или чего-нибудь указывающего на убийцу, – продолжила Ира и вдруг удивилась, – а вот, собственно, и всё. Мне сначала казалось, что я информацией просто переполнена, а рассказать-то и нечего.

– Мне тоже нечего, – вздохнула Анна Андреевна, – я только клянусь вам, что я этого мужика не убивала. Я даже не знаю, кто он, и что он делал в вашем дворе.

– Анна Андреевна, я не сомневаюсь, что вы к убийству непричастны, и ключи от квартиры этих хиппи никому не давали. Но кто их мог у вас взять без вашего ведома?

– В том то и дело, что никто не мог. Живу я одна. Воры ко мне не залезали. Ключи чужие я с собой не таскаю. Так они и висят в ключнице около входной двери.

– А кто у вас бывает?

– Вы думаете, меня полицейские про это не спрашивали? Спрашивали, конечно. Кошмар! Дочь с мужем у меня бывает часто, внуков временами подкидывают. Мне что же восьмилетнего Андрюшеньку подозревать, или пятилетнюю Ангелинку?

В голосе у нашей гостьи зазвенели слёзы.

– Что вы, что вы, Анна Андреевна, ваши близкие, как и вы, разумеется, вне подозрений. В этом никто даже не сомневается, – поспешила я успокоить бедную женщину. – Но

вы ведь старшая по дому. К вам кто-то из соседей может заходить именно поэтому?

– Ну, в сезон отпусков мне многие ключи оставляют. За квартирой присмотреть, цветы полить, почту достать. Естественно, в дом заходят. Не через порог же с людьми говорить. Но сейчас вроде все на месте. А так Жанка часто прибегает. Её как муж побьёт, она у меня утешения ищет. Я бы на её месте давно от такого придурка сбежала, или сковородкой его приголубила в воспитательных целях. А она только хнычет, даже заявление участковому написать не может. Я понимаю, конечно, в полиции не слишком любят семейные дразги разбирать, но хоть разочек бы приструнили. Ещё Лёха Бухой бывает. Бухой – это не фамилия. Это образ жизни. Он в Афгане служил. Вернулся инвалидом. Пока мать ещё жива была, пил, но на плаву держался. А сейчас... При этом руки у мужика золотые. Мне как надо что-то починить, или засор прочистить – я к нему. Но не хочу грех на душу брать и Лёху или Жанку под подозрение подводить. Кто ещё? Ну, курьеры бывают. У меня дочь часто заказы в интернет-магазинах делает на мой адрес. Ей так удобнее. Они с мужем риэлторы. По объектам мотаются, а я-то дома сижу. Вот и всё, пожалуй.

Вдруг она коротко вскрикнула и схватилась руками за виски.

– Как же это я забыла? Был у меня грех. Я в конце октября заболела сильно. Грипп. Температура под сорок. А тут как

раз пробное включение батарей перед началом отопительного сезона проводили. Я в это время стараюсь в квартире хиппи присутствовать. Мало ли что. Но тут я совсем никакая была. Сунула на автопилоте ключи слесарю, а дочка потом вечером, когда меня навеситить пришла, их из почтового ящика достала. Может это, конечно, и ничего не значит.

А, может быть, и значит! По крайней мере, это была реальная ниточка, с моей точки зрения.

– Милые дамы, давайте прикинем, кому могла быть выгодна смерть Минаева, – предложила я.

– Славику, наверно. У него же Олег Лаврентьевич невесту увёл, – неуверенно предположила Ирина.

– Что-то мне в причастность Святослава не очень верится, – возразила я, – мне кажется, юноша такого типа скорее вскрыет себе вены и будет читать печальные стихи, пока вся кровь не вытечет.

– А мне кажется, что вены этому Славику вскрывать уже поздно – невесту у него увели полгода назад. За это время он мог бы уже зарезаться или утешиться и другую найти, – сказала Анна.

– А, может, у него любовь до гроба? – Предположила я.

– Тогда должно было что-то произойти, что его именно вчера толкнуло на это убийство, – встрепенулась Ирина.

– Не вчера, – поправила её Анна, – надо было всё узнать про квартиру этих хиппи, выяснить, где хранятся ключи, договориться со слесарем, подловить мою болезнь. Я же обыч-

но ключи никому не даю.

– Ну, ваша болезнь, Анна Андреевна, это чистое везение для преступника, – задумчиво пробормотала Ирина, – но ведь слесарь, если он действительно причастен к убийству, мог ещё под каким-то предлогом попасть в вашу квартиру и снять отпечатки ключей на пластилине или на воске. Так всегда преступники делают.

– Но, возможно, это просто совпадение. Нельзя исключать, что преступник позаимствовал ключи у самих хиппи, пока они были в Москве, и сделал дубликат. Но, в любом случае, такая серьёзная подготовка для юноши, живущего сердцем маловероятна, – сказала я.

– Пожалуй, – согласилась Анна, – но всё-таки, дверь не взломали, а аккуратно вскрыли.

– Вот поэтому, слесарь и мне кажется перспективной фигурой, – сказала я, – вот только он вряд ли имеет отношение к влюблённому юноше.

– Серьёзная подготовка скорее свойственна серьёзным людям, так, что влюблённый Славик, естественно, отпадает, – вздохнула Ирина, – скорее, речь идёт о каких-нибудь конкурентах.

– А зачем конкурентам убивать Минаева в нашем дворе? Что они других мест не нашли? – Усомнилась я.

– А я, кажется, поняла! – Воскликнула Анна. – Речь идёт о конкурентах в шоу-бизнесе. И место убийства – прямая отсылка к личности Алины.

– А почему нет? – Протянула я задумчиво. – Постараемся узнать, кому наш труп наступил на лапу в шоу-бизнесе.

– Но как? – Удивилась Анна Андреевна.

– Анечка, у нашей Ольги Дмитриевны свои люди есть везде, – хихикнула Ира, – я даже не удивлюсь, если у неё найдётся парочка знакомых в администрации американского президента.

– Ага, – буркнула я, листая записную книжку, – и в гареме вождя племени Мумбу-Юмбу.

Наконец я нашла нужный номер.

– Боренька, привет. Это – Оля. Боря, я к тебе по делу. Скажи, пожалуйста, ты случайно не знаешь некого Минаева Олега Лаврентьевича.

– Которого убили вчера?

– Как?! Ты уже в курсе? Но откуда ты узнал?

– Одна маленькая птичка пропела. Оленька, в нашем деле надо всё отслеживать. Чуть расслабишься – и выпал из обоймы. А потом останется только мемуары писать. Но мне пока рановато этим заниматься, потому, как все герои моих мемуаров ещё молоды и агрессивны. Могут и по лицу побить.

– Боря, а как ты полагаешь, никто из этих молодых и агрессивных не мог...

– Не мог. Совершенно точно. Этот Минаев был нам пока нужен.

– Почему? Я думала у вас конкуренция.

– Конечно конкуренция. Да ещё какая! Но постараюсь те-

бе объяснить на пальцах. Представь себе, что существует пять успешных продюсеров. У каждого из них по пять раскрученных исполнителей. Не понимай меня буквально, я называю тебе цифры, считая от пятого столба на соседней улице.

– Кажется, пока понимаю. Тебе нравится число «пять».

– Ну, это само собой. Ты у меня умница, и сразу вычленишь главное. Теперь о деле. Между этими продюсерами с их подопечными существует некая ротация. Они постоянно тасуются между собой. Ведь слушателям нельзя одним и тем же по ушам возить. Открою тебе огромный секрет: при этом продюсеры тоже люди, а, следовательно, имеют какие-то свои пристрастия и стереотипы. Соответственно, на всех исполнителях лежит некий отпечаток личности продюсера. Новых фигурантов вводить очень часто не получается – дорого. Поэтому старых отработывают по полной программе. Вот и возникает время от времени потребность в некоей тёмной лошадке, чтобы перебить монотонность в упорядоченном коловращении шоу-бизнеса. Я называю таких, Джокерами. Выскочил неизвестно откуда, вроде всех растолкал, выдвинул кого-то своего, перебил масть, и сгинул в никуда. Заодно и наши динозавры пары спустили, объединившись в благородном негодовании против выскочки. Так вот, твой Минаев рано сгинул в никуда. Его протеже бы ещё пару-тройку песен спеть, может местечко, какое-никакое в чарте отхватить, чтобы девочку заметили, чтобы заговорили о

ней. А так джокер свою задачу не выполнил. Надо кого-то нового на его место искать.

– Боже, как всё сложно!

– Оленька, детонька моя, у нас всё максимально просто и открыто. Мы же, как в аквариуме у всех на виду. Шоу-бизнес только ленивый не обсуждает. Таблоиды, в основном, на нас кормятся. Обывателю ведь только дай нам косточки перегрызть. Кто с кем развелся, да кто в неприличном виде на людях показался. А в серьёзном бизнесе всё гораздо сложнее и совсем не так очевидно.

– Спасибо, Боря. Я немножко оглоушена, и не могу сказать, что я всё поняла.

– И не надо, рыбонька моя ненаглядная. Главное, Минаева никто из наших не убирал. И помни: «меньше знаешь – крепче спишь». Ну, целую ручки, привет Франтику!

– Шоу-бизнес, похоже, отпадает, – вздохнула я, – и мы опять у разбитого корыта.

А на самом деле, зачем нам эти детективные изыскания? Тем более, что у нас нет ни единого шанса разгадать это преступление. Но шар уже пущен с горы.

– Давайте сделаем так, – предложила я, – Анна Андреевна, вы постарайтесь что-нибудь узнать про этого слесаря. Только будьте предельно осторожны. Если он убийца, то может и повторить своё преступление. Ирина Сергеевна, а ты постарайся расспросить поподробнее у Зинаиды Михайловны из сорок пятой квартиры, чем действительно занимался Мина-

ев, кто он такой, есть ли у него семья, ну, и вообще, что о нём известно.

На следующий день мы снова собрались за чаем. Первой заговорила Анна. К сожалению, ничего определённого ей узнать не удалось. Слесарь, которому она давала ключи от квартиры хиппи у нас не работал. Просто постоянный сотрудник попал в больницу с острым пищевым отравлением. А тут как раз пробное включение батарей. Момент очень напряжённый. Дому уже почти сорок лет. Капремонта ещё не было. Стояки и радиаторы старые. Где угодно прорвать может. Без специалиста – никак. Вот и взяли временного. Но даже оформлять не стали. Просто деньги из рук в руки заплатили – и всё. И никаких следов этого слесаря. Молодой парень, москвич. Руки и голова на месте. Никаких нареканий по работе. Как на него вышли? Вроде, кто-то посоветовал. Но кто, когда и при каких обстоятельствах, никто теперь и вспомнить не может.

Потом заговорила Ира. Ей удалось пообщаться не только с Зинаидой Михайловной из сорок пятой квартиры, но и с Олимпиадой Владиславовной из восьмой. А если эти две достойные дамы о чём-то не знают, то этого просто не может быть никогда и нигде. Они рассказали, что Минаев «работает по мясу». Нет своих ферм и мясокомбинатов у него нет, но он как-то удачно вклинивается между производителями сырья и готовой продукции, и наваривает на этом большие деньги. Три года назад он женился на известной топ-модели.

Имеет сына от первого брака. Первой жене оставил приличное содержание и старый дом на Рублёвке. С новой семьёй переселился на Новую Ригу.

Я прервала вдохновенное повествование Ирины Сергеевны:

– Ирочка, если у этого мясника молодая красавица-жена, то, причём тут Алина?

– Не знаю, может быть хотел на её плечах въехать в шоу-бизнес всерьёз и надолго?

– А кто его туда пустит. Со слов Борьки я поняла, что там свой устоявшийся междусобойчик, со своими взаимоотношениями. В качестве одноразовой инъекции он шоуменов устраивал, но обосноваться по-настоящему ему там вряд ли удалось бы.

– Я тоже так думаю, – сказала Анна, – я вот по спорту сужу. Каждый должен заниматься своим делом и на своей площадке, а иначе ноги оттопчут по самые уши.

– Пожалуй, вы обе правы, – согласилась Ира, – но тогда я тоже не понимаю, зачем Минаеву Алина.

– Любовь? – Осторожно предположила я.

– Ага, морковь! – Сердито хмыкнула Анна, – какой нормальный взрослый любящий мужчина сорвёт любимую девушку из консерватории, для того чтобы отдать во временное пользование в шоу-бизнес. Он что, не понимал, что это на пару лет, в лучшем случае?

– У богатых свои причуды, – вздохнула я.

– Ну, с такими моральными принципами он мог, кому угодно поперёк горла встать, – сказала Анна.

– Судя по всему, этот Минаев обыкновенная дрянь. Что мы всё о нём да о нём разговариваем? Не стоит он нашего внимания, – сердито фыркнула Ира.

– Действительно, что нам и поговорить больше не о ком, – согласилась я, и, обращаясь к нашей гостье попросила, – Анечка, лучше расскажите о себе. Мне кажется, это будет гораздо интереснее.

– Я родилась в спортивной семье, и родители мечтали увидеть меня на олимпийском пьедестале, но физические данные у меня были не очень. Поэтому, я сразу избрала для себя тренерскую стезю. Но особых звёзд не нахватала. Это к вопросу о работе на своей площадке. Большинство моих учениц так и остались «любителями». Правда Леночка и Зарина пошли дальше. Естественно, уже не со мной. Зариночка сейчас в сборной России, а Леночка после родов сошла с дистанции, хотя потенциал у неё был огромный. Так, что я человек не слишком интересный. А вот муж мой Юрий Завалов дважды был олимпийским чемпионом по биатлону. К сожалению, после травмы колена ушёл из большого спорта и стал работать учителем физкультуры в нашей школе.

«Наша школа». Её так у нас называют все. Даже я, хотя никогда не имела к ней никакого отношения. Когда-то эту школу построили при заводе, как и наши пятиэтажки. И почти все жители окрестных домов моложе пятидесяти учи-

лись в «нашей школе». Три года назад школу закрыли, и сейчас там какие-то офисы, но жители нашего и соседних домов продолжают называть это здание «нашей школой».

Ирина, помолчала, что-то прикидывая в уме, потом воскликнула:

– Анна Андреевна, Юрий Павлович ваш супруг? Мы же с ним в одной школе работали! Какой был замечательный человек!

– К сожалению, рано ушёл из жизни, – вздохнула Анна, – инфаркт.

– Ты не представляешь, Оля, каким учителем был Юрий Павлович, была сказала Ира, – с большой буквы, учителем. Хоть и с тростью ходил. У наших учеников уроки физкультуры раньше никакого интереса не вызывали. Только ленивый их не прогуливал, а с приходом Юрия Павловича ребята на его уроки мчались, теряя тапки. А уж что эти обормоты вытворяли, чтобы попасть в его стрелковую секцию: и дрались, и интриговали. К сожалению, количество ребят, занимающихся в секции, было ограниченным. В каждой группе – не более шести человек.

– Это для того, – пояснила Анна, – чтобы можно было держать в поле зрения всех сразу. Как бы то ни было, но даже «духовушка» может стать опасным оружием. А уж когда речь идёт о подростках с ружьём, тут следует ухо особенно остро держать. Стрелять можно было только после окончания уроков, чтобы никому не мешать, а седьмой урок у стар-

ших классов заканчивался около трёх часов. К тому же, из соображений безопасности школьников, вся кружковая работа должна была завершаться к шести часам. Юра занимался по два с половиной часа, по два раза в неделю с каждой группой, вот и получается, что в год он мог набирать в секцию не более двенадцати человек.

– Стрелковая секция в школе? – Удивилась я.

– Такой же спорт, как любой другой, – пожала плечами Анна, – лыжную секцию Юрик вести-то не мог. Зато стрелял замечательно. И ребят многих к этому приобщил. Ему в подвале тир оборудовали. Многие известные стрелки к нашим ребятам приезжали. Про Юрину секцию даже кино снимали. Умение стрелять – это ведь не просто на курок нажимать, это ведь философия особенная. Юра каждое занятие начинал со своеобразной клятвы. Каждый из учеников должен был произнести примерно следующее: « Я беру в руки опасное оружие, которое несёт боль и смерть. Клянусь никогда не обращать это оружие против человека».

– Серьёзный подход, – пробормотала я.

– Между прочим, некоторые из Юриных учеников и после школы занятия стрельбой продолжили. Я горжусь Юриными учениками: трое из них уже мастера спорта, и ещё четверо – кандидаты. Но учителя своего не забывают, за могилкой его ухаживают, как не приеду, там всё прибрано, и цветы лежат, – вздохнула Анна.

Мы немного помолчали, отдавая должное достойному че-

ловеку. Потом разговор продолжился. Выяснилось, между прочим, что мы с Анной и её супругом едва не встретились на Домбае – буквально на день разошлись.

Когда мои гости ушли, я решила позвонить Белле. Изабелла Вольдемаровна Копылянская – моя институтская приятельница, была, наверно, одной из старейших обитательниц знаменитой Рублёвки. Муж её крупный партийный функционер, сумел вовремя почуять, в какую сторону дует ветер перестройки, и уже в конце восьмидесятых сколотил себе весьма солидное состояние. После его смерти дело продолжили его сыновья, и хотя они не обладают отцовской хваткой, все Копылянские до сих пор живут безбедно, а Изабелла остаётся бонтонной хозяйкой рублёвского дворца. Женщина она светская, и на её раутах, журфиксах и суаре регулярно бывают все соседи.

Не то, что бы мне хотелось что-то узнать про Минаева...

Вру. Хотелось. Мне действительно интересно было узнать, кто и за что убил «серьезного мужчину» Олега Лаврентьевича в нашем тихом дворе, где даже ссоры между соседями бывали редкостью.

– Белла, здравствуй, это Ольга Трофимова.

– Какая Ольга Трофимова?

– Ну, мы с тобой вместе учились в инъязе на отделении восточных языков.

– Ах, Оля. Вот уж не ожидала. Сколько лет, сколько зим...

– Наверно столько и не живут. Белла, я буквально на пару

минут. Мне хотелось бы узнать об одной семье, живущей с тобой по соседству.

– Оля, у нас не принято делиться информацией о соседях.

– Я понимаю, но, клянусь, дальше моей кухни информация не пойдёт. Ты знаешь семью Минаевых?

– Возможно, – голос у моей институтской приятельницы был таким, что у меня чуть иней на ушах не выступил.

– Олега Лаврентьевича Минаева на днях убили прямо у меня под окнами.

– Да ты что?! Правда что ли? Мясника пришили?!

Ну, слава тебе, Господи! Оттаяла. А то я уже подумала, что говорю с клиентом криокамеры. А что? С Белки станется заморозить себя на пару столетий, чтобы блистать в далёком будущем благородными сединами и дворянской осанкой.

– Убили. Выстрелом в голову. У меня на глазах.

– Допрыгался козёл! К сожалению, я тебе ничего не могу про него рассказать. Он уже несколько лет у нас не живёт. О покойниках не принято говорить плохо, но личностью он был крайне неприятной, из породы тех, кто из грязи прямо в князи.

– А его семья?

– Они здесь. Но, как бы это тебе объяснить... Это люди не нашего круга.

– В каком смысле?

– Нищелюды. Сама Галина подрабатывает выгулом собак, а Лаврик у всех на подхвате: что-то там починить по

мелочи, машины почистить, сумки поднести, садовнику помочь. За тысчонку что хочешь, сделает. Мальчик он безотказный, но недалёкий. Но самое неприятное, что Минаевы сдают свой дом. У нас это не приветствуется. Конечно, у нас общество совсем не то, что раньше. Место становится немодным. Некоторые уже продали свои дома. Много чужаков появилось. Но сдавать, по моему мнению – это вообще последнее дело. Мы даже за свою безопасность опасаемся. Сама понимаешь, мы тут стараемся держаться единой группой, и временщики нам совершенно ни к чему. Кстати, ты не хочешь приехать ко мне в гости? Я тебе выпишу пропуск. Посмотришь, как я живу. Поболтаем.

– Спасибо за приглашение, Беллочка, но я не очень транспортабельна.

– Ну, ладно, тогда позванивай, не пропадай.

Когда я передала подругам вести с Рублёвки, они очень удивились.

– Выходит, не такое хорошее содержание Минаев оставил своей семье, – вздохнула Анна.

– Может, это по рублёвским меркам оно не очень хорошее, а нам показалось бы несметным богатством, – предположила я.

– Может быть, может быть, – с сомнением протянула Ирина Сергеевна, – но я плохо могу себе представить парня, готового за тысячу рублей бросаться на любую работу там, где его все знают с детства и помнят его лучшие времена. Такое

унижение тяжело перенести. Нет, если бы он прирабатывал где-то в другом месте... Тысяча рублей – вполне достойное вознаграждение за небольшую разовую работу, но не в глазах рублёвских мажориков, с которыми рос вместе.

– А, может быть он и подрабатывает в других местах, – ойкнула я, – например, заменяет приболевшего слесаря.

– И он мог быть тем слесарем, который брал у меня ключи от квартиры хиппи! – Воскликнула Анна.

– А убийцей? – Спросила Ира, охрипшим от волнения голосом.

– А вот убийцей, по-моему, не мог, – возразила я.

– Почему?

– Опять теряет смысл место убийства. За своё унижение и за обиду матери, парень, скорее стал бы мстить топ-модели, к которой ушёл отец. И убивать Минаева следовало бы где-то на Рижском шоссе, – сказала я.

– Может быть, здесь было проще выследить изменщика?

– Может быть, конечно... Я в убийцах не очень разбираюсь. Но тут надо учитывать и временной фактор. Помните, Анна Андреевна, вы говорили, что Славику через полгода поздно было бы вскрывать вены. А Лаврику убивать отца через три года после ухода из семьи? Ведь первая боль уже притупилась, унижение стало почти привычным, – пыталась я рассуждать, без особого, впрочем, прока.

– А может он влюбился в Алину и решил устранить соперника?

– Ира, неужели ты полагаешь, что Зинаида Михайловна о новом поклоннике Алины не узнала бы? Да эта информация сразу стала бы достоянием всего двора!

– Должно же было что-то произойти, что толкнуло парня бы на это, – предположила Ирина.

– Нет, – решительно возразила я, – тогда Лаврику проще было бы пристрелить отца с крыши, куда ему, как слесарю, ход был открыт в любое время, чем устраивать эту заморочку с квартирой хиппи. Да ещё приходится туда не единожды и растягивать подготовку почти на два месяца, вызывая подозрения соседей.

– Какая неудобная штука этот временной фактор, – вздохнула Анна, – и с той стороны мешает, и с этой.

А я вдруг отчётливо поняла, кто убил Минаева.

– Девочки, я, кажется, знаю, кто убийца, – мрачно проворчала я.

– Кто? – В один голос спросили Анна и Ирина.

– Алина.

– Но зачем?! Алина умная и очень благовоспитанная девочка. Почти Тургеневская барышня. Она точно не из тех, кто решает свои проблемы грубой тупой силой, – рассердилась Ира

– Я не знаю Алиночку лично, но мне тоже кажется, подозревать её в таком отвратительном преступлении, неправильно, – подхватила Анна.

– Девочки, – горло у меня перехватило, – я сейчас изложу

вам все свои соображения, а вы, пожалуйста, опровергните их! Мне самой представлять Алину, серебряный голосок нашего двора, в роли убийцы глубоко противно.

– Глупости? Это всё вред и бред! Даже слушать ничего не хочу! – Воскликнула Анна, резко поднимаясь из-за стола.

– Подожди, Аня, – сказала Ира, удерживая её за руку, – давай всё выслушаем, и постараемся опровергнуть. Иначе, мрачные зёрна, брошенные нам в душу, дадут свои ростки, и мы потом на хорошую девочку Алину не сможем смотреть без содрогания. Говори, Ольга Дмитриевна.

– Первое. Алина девочка действительно умная, и быстро поняла, что совершила ошибку. Но вырваться от этого паука почему-то не могла. Возможно, он её шантажировал. Какие-то откровенные фотографии или ещё что-то подобное...

– Предположим, – сказала Ира, нахмурившись.

– Второе. Алина, почти наверняка умела стрелять.

– И с чего вдруг это допущение? – Саркастически поинтересовалась Анна.

– В школе была стрелковая секция. Скажите, Аня, ваш супруг брал туда только мальчиков?

– Да нет, конечно, тем более, что девочки лучше стреляют. Но у всех спортсменов существует определённый кодекс чести...

– Да, конечно, Аня. Я ни в коем случае не хочу сказать, что спортсмены бегают по улицам, раздают направо и налево апперкоты, размахивают шпагами или стреляют в ко-

го попало. Безусловно, честь и дисциплина заставляют профессионалов гораздо строже относиться к своим умениям и возможностям, чем среднестатистические обыватели. Да ещё клятва. Она наверняка записана в подкорке учеников вашего мужа. Но, допускаю, что бывают крайние случаи. Самые крайние!

– Но с чего ты взяла, что Алина вообще занималась в этой секции? – Сердито спросила Ира.

– Да потому, что попасть туда было сложно. Девочки, это я с ваших слов повторяю. А Алина же очень упорная.

– Откуда ты это можешь знать? – Не сдавалась Ира.

– Она поступила в консерваторию, имея в своём активе только отличный аттестат музыкальной школы и талант. Ни у неё, ни у её родителей не было ни денег, ни нужных связей. Да девчонку при таких раскладах могли затоптать уже на первых турах. Значит, силы характера и упорства ей было не занимать.

– Логично, – пробормотала Анна, отворачиваясь, – у меня племянница четыре года во ВГИК поступала. Потом плюнула.

– И наконец, – просипела я, внезапно охрипнув, – проклятый временной фактор вписывается, как родной.

– Это как? – Мрачно поинтересовалась Ира.

– Минаев появился у нас где-то в начале лета.

– Да, в июне.

– Первое время у девочки была вполне понятная эйфо-

рия: конфеты, букеты, обещания, надежды. Потом, в конце сентября – начале октября что-то произошло.

– В сентябре состоялся её дебют на радио, – подсказала Ирина.

– Возможно, именно в это время, Алина узнала про жену-модель, или в блистательной карьере шоу-звезды обозначились какие-то рифы, но девочка охладела к своему «принцу». Я сама несколько раз замечала, что она сбегает перед его приездом. Но окончательно порвать с ним ей не удалось. И тогда девочка стала готовиться к преступлению. Про квартиру хиппи она, разумеется, знала. И во дворе, и в школе таких людей могли обсуждать. Достать копию ключа с помощью Лаврика или какого-то другого мальчика, заменившего приболевшего слесаря труда ей не составило. А вот решиться на убийство Алина долго не могла. Страшно. Она приходила, примерялась, но не могла себя заставить выстрелить. Отсюда и множественные следы на подоконнике, оставленные в разное время.

– А как же многократное проникновение в чужую квартиру и подозрения соседей? – Жалобно спросила Анна.

– Алина в «доме напротив» была своей. Она в ту же школу ходила, что и ребята из этого дома. Никого не удивляло её появление в подъезде, где, почти наверняка, жили её одноклассники. Её же там с детства знали!

Некоторое время мы молчали, потом Анна и Ирина одновременно заторопились домой. Ушли они, не прощаясь.

Ещё никогда на душе у меня не было так гадко. Ну, что за глупости я напридумывала! Ире и Ане надо было прервать мои дурацкие измышления в самом начале решительнейшим образом.

Ночью я не могла заснуть.

А утром позвонила Ира.

– Оля, ни в коем случае не подходи к окну, – приказала она.

– Что случилось?

– Я скоро приду, и всё объясню. Включи, пожалуйста, телевизор, и посмотри какое-нибудь кино.

Я никогда не отличалась особым послушанием, и крайне редко выполняла требования, значения которых не понимала. Но сейчас я безропотно уселась перед телевизором. Наверно, чувствовала себя слишком виноватой, чтобы пойти Ире наперекор.

Ирина пришла через час. Лицо её было распухшим от слёз.

– Алиночка погибла, – мрачно буркнула она.

– Как?!

– Бросилась в крыши «дома напротив». В предсмертной записке она призналась в убийстве Минаева.

Алиночку хоронили всем двором. Я тоже попросила моих соседей Даню и Серёжу вынести меня на улицу.

Вокруг Алининых родителей толпилась кучка сочувствующих. Я не решилась к ним приблизиться. Наверно, я очень

чёрствый человек, но я просто не представляю, какие слова можно сказать родителям, потерявшим дочь. Я держалась в сторонке. Рядом с моим креслом тихонечко всхлипывала Анна, Ира, до христа сжимала кулаки и бормотала:

– Этого не может быть. Этого просто не может быть.

Потом к нам присоединился Святослав – бывший Алинин жених. Похоже, он тоже не решался подходить к Алининым родным. Тихо поскуливая, он рассказывал:

– Линочка сначала такая счастливая была. Она уже видела себя звездой. У неё же все данные для этого были. Её, конечно, очень огорчало, что пришлось стать любовницей этого уродя, но она старалась воспринимать это как неизбежное и временное зло. Она так надеялась, что наступит время, и она, сияя в лучах народной любви, будет вспоминать об этом недоразумении, как о прошедшей тяжёлой болезни. Но во время записи в студии, она случайно услышала, что говорят о ней звукооператоры, и поняла, что это она – временное явление, а Минаев, выкинет её, как конфетный фантик, и пойдёт дальше.

– Бедная девочка!

– Она сразу захотела с ним порвать, только он ведь хитрый гад, оказался – он Линочке счёт выставил.

– Счёт? За что?

– За запись на радио, за рекламу, за тур на Гоа. Он даже все букеты посчитал и чеки представил.

– Козёл! – Не выдержала Аня.

– Анечка, не обижайте животных, – машинально пробор-мотала я.

– У Лины таких денег не было. Она мне рассказывала, как она плакала, умоляла её отпустить, но Минаев был непреклонен. А ещё он сказал, что если у неё нет денег, то она может долг отработать. Ну, известным способом. Он даже обещал поспособствовать этому. Ссужать её своим знакомым. В противном случае, он обещал и ей и её родителям такую жизнь устроить, что они сами бы вешаться побежали.

И тогда она решила его убить. Она просто не видела другого выхода. Она раздобыла ключи от нужной квартиры, через Интернет достала оружие. Лина много раз пыталась выстрелить, но не находила в себе сил. А когда всё-таки убила урода, то призналась мне, что это не разрешило проблему, а только усугубило её. Я пытался отговорить её от последнего шага, но не сумел. Линочка – она очень сильная, а я просто тряпка.

Наверно, любой человек в двадцать лет совершает ошибки. Совершила её и Алина, поддавшись на обещания мясника сделать из неё звезду. Но ведь рядом были взрослые умные люди: родители Алины, педагоги консерватории, друзья, даже мы – соседи. Надо было оторвать этого паразита от бедной девочки. Я не знаю как. Может быть, отправить её на время в другой город, или набить морду Минаеву. Впрочем, теперь говорить об этом уже поздно.

Серебряный голосок нашего двора умолк навсегда.

Когда Даня и Серёжа вернули меня домой, я попросила переставить мой кухонный и рабочий столы как можно дальше от окон. Хватит. Насмотрелась.

Наблюдая за нашими действиями, Шафран глубокомысленно произнёс:

– Ни на солнц-ц-це ни на смер-рть-ть нельзя смотре-р-реть-ть в упор-р⁸.

⁸ Ларошфуко